ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

67780

3.1996

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 1996, № 3

Научный журнал.
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год.

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В. А. Балашов, В. Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, А. Н. Ракин, В. В. Седов, В. С. Соловьев,
Д. В. Цыганкин

67780
МАРИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

К. Сануков. «Финно-угорские федералисты» и «финские шпионы» (из истории Марий Эл 30-х годов)..... 3
А. Куклин. Фитофорные ойконимы Марий Эл и Республики Коми.. 38
О. Зеленцова. Сюлгамы из среднецнинских могильников..... 58

СООБЩЕНИЯ

И. Плосков. Лесные персонажи йома (ёма) и яга в коми фольклоре..... 74
С. Белых. Еще раз об этнониме *ар*..... 86
О. Егорова. Пространственно-временные корреляты марийского мелоса..... 95
Р. Игнаева. Об одном из типов синтаксических конструкций с постпозитивным количественным числительным в современном марийском языке 103
Л. Барцева. О семантике глагола *лекташ* в марийском языке..... 110

ПУБЛИКАЦИИ

Дневниковые записи Юлии Вихманн (7.10.1905—29.12.1906). Перевод *Э. Лебедевой*..... 117

ПЕРСОНАЛИИ

А. Китиков. Вклад П. Аристэ в фольклористику финно-угорских народов..... 154
Е. Смолина. Николай Федорович Мокшин (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научно-педагогической деятельности)..... 165

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Т. Молотова. Рец.: Удмурты: историко-этнографические очерки. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 1993. 392 с..... 169
Ю. Зеленеев, Т. Молотова. Рец.: Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск: Мордовское книжное издательство. 1995. 624 с..... 174

ХРОНИКА

К. Сануков, В. Яналов. Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов 178
Резолюция II Всемирного конгресса финно-угорских народов 182
Сведения об авторах 185

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

СТАТЬИ

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

«ФИННО-УГОРСКИЕ ФЕДЕРАЛИСТЫ» И «ФИНСКИЕ ШПИОНЫ»
(из истории Марий Эл 30-х годов)

Великий Террор 30-х годов, пронесшийся над Советским Союзом, обрушился страшной трагедией на всю страну, на все ее народы. В условиях многонациональной страны он имел прямое отношение к национальной политике. Это в полной мере испытали на себе и финно-угорские народы.

В 50-х годах, после смерти Сталина и расстрела Берии, началась переоценка многих фактов и событий истории, советской национальной политики, этнополитического развития народов нашей страны. В этом большое место отводилось пересмотру политических процессов 30-х годов. Многие дела были перепроверены, тысячи репрессированных общественно-культурных деятелей, в том числе и из среды финно-угорских народов, были реабилитированы. Но тогда дело не было доведено до конца, а затем вообще было заморожено. А в исторической и этнологической литературе, как в целом по СССР, так и особенно на местах, эта тема не успела занять свое подобающее место. Дело свелось к общим рассуждениям о последствиях «культа личности». При этом утвердился главный тезис: репрессии были отступлением от социалистических принципов, от ленинских норм жизни; они не помешали успешному политическому, социально-экономическому, культурному развитию народов. К тому же в этих исследованиях не прослеживалась связь репрессий с национальной политикой. Архивные доку-

менты, относящиеся к этой теме, были недоступны для исследователей.

Глубокие общественно-политические изменения, происшедшие в нашей стране в конце 80-х — начале 90-х годов, «перестройка» и гласность, ослабление цензуры в науке и печати позволили вновь вернуться к реабилитации жертв репрессий и к возможности писать об этом. Наряду с литературой на общесоюзном материале, появились публикации (правда, со значительным отставанием во времени) и на основе местных материалов, в том числе и в финно-угорских республиках (1, 2, 3, 4, 5, 6).

В этих регионах политические репрессии 30-х годов имели своеобразную международную окраску: репрессированные, как правило, объявлялись агентами и шпионами «фашистской Финляндии», стремившимися оторвать свои народы и территории их проживания от Советского Союза и присоединить их к Финляндии или — как минимум — образовать Федерацию финно-угорских народов под протекторатом Финляндии. При этом в искаженном виде преподносилась история изучения и пропаганды финно-угорского родства, использовались факты научных связей и сотрудничества ученых по изучению языка, этнографии, культуры родственных народов. В предлагаемой статье эта проблема рассматривается главным образом на примере марийского народа.

Когда мы говорим или пишем о сталинских репрессиях, обычно называем 1937 год, который был апогеем трагедии. Конечно, это был черный год, когда репрессивная машина работала с наибольшим размахом, уничтожая «врагов народа», которые в национальных регионах имели еще дополнительное прозвище — «буржуазные националисты». Этот смерч обрушился и на финно-угорские народы, уничтожив их интеллектуальные силы. Пролог к этому начался раньше: 1937-му году предшествовал ряд лет «подготовительного» характера. Как правило, эти события происходили на периферии, особенно в национальных республиках. И о них в опубликованной литературе до настоящего времени имеется мало известий. Между тем они показывают, что принципиальные изменения в национальной политике стали происходить уже на рубеже 1920—1930-х годов, постепенно сводя на нет многие позитивные аспекты и результаты 20-х годов и приведя в конце 30-х годов к замене национальной политики антинациональной.

Здесь проявилось влияние сталинской «теории» о нарастании классовой борьбы по мере «строительства социализма» и линии на выпячивание на первое место в национальной поли-

тике борьбы с «местным национализмом» (в то время как В. И. Ленин главной опасностью в налаживании правильных взаимоотношений между народами Советской страны считал русский великодержавный шовинизм) (7, с. 214, 356—362).

Носителями местного буржуазного национализма, естественно, предстали силы национальной интеллигенции. Она отражала духовные чаяния своих народов, была выразительницей стремления к национальному возрождению и всестороннему развитию. И не только отражала — она способствовала этому возрождению, росту национального духа, самосознания ранее задавленных народностей. Ясно: чтобы покончить ради великой советской империи с национальной самобытностью, надо было уничтожить людей, ратующих за нее, за родной язык и культуру.

Сталин и его приближенные на словах всегда выступали за развитие национальных культур. Но уже с конца 20-х годов в практической деятельности стали проявляться ущемления, ограничения в деятельности национальной интеллигенции. Это происходило на волне разгрома «правых», под влиянием «шахтинского дела», «дела Промпартии» и других сфабрикованных процессов, направленных против старой интеллигенции, против так называемых «буржуазных специалистов», привлекавшихся до этого Советской властью к сотрудничеству. Если в крупных центрах погром осуществлялся в первую очередь в отношении научно-технических деятелей, то в таких регионах, как Марийская автономная область, за неимением таковых, объектом нападок стала гуманитарная интеллигенция. В смысле этнического развития народов это даже имело большее значение, потому что именно с деятельностью данной социальной группы были связаны перспективы национального возрождения, сохранения и совершенствования языка, национальной формы культуры, традиций, развития печати, школьного образования на родном языке, подготовки национальных кадров.

В 1930 году, в связи с обсуждением политических уроков «дела Промпартии», Марийский обком ВКП(б) отмечал, что «учебные заведения среди преподавателей на 50 процентов засорены чуждыми элементами». Тогда же подчеркивалось, что «вредителей у нас сколько угодно... Мы имеем новый участок фронта» (8, с. 8). В том же году в выступлении председателя облисполкома А. Ф. Эшкинина на пленуме обкома партии были названы известные, популярные фамилии старых («буржуазных») специалистов, получивших образование и начавших просветительскую деятельность еще до революции, после нее став-

ших «внутренними эмигрантами», и продолжавших плодотворно работать на ниве культуры и просвещения: В. М. Васильева, П. Г. Григорьева, Л. Я.Мендиярова, С. Г.Эпина, Г. Г. Кармазина. И указывалось: «Это — буржуазная интеллигенция. Линия обкома приблизительно полтора года назад была взята в такой плоскости, что нельзя ли использовать эту буржуазную национальную интеллигенцию. Их подтягивали разными путями то на основе создания единого литературного языка, то создания академического словаря, издания специальных книг и т. д. Вопрос ставился так: возможно или невозможно их использовать. Мы пробовали эту интеллигенцию использовать, но независимо от этого она с нами не пойдет, не хочет работать с нами...» (8, с. 69). Следовательно, делался вывод: мы их вынуждены были использовать до поры до времени, а теперь есть свои, советские, марксистско-ленински подкованные молодые кадры, поэтому «попутчики» должны быть отстранены от работы с людьми, вообще из общественной жизни.

Марийский областной отдел ОГПУ стал собирать на них материалы для ареста. И одним из наиболее подходящих объектов для «разоблачения» оказался директор областного музея Тимофей Евсеевич Евсеев (в ряде документов — Евсевьев). Он был арестован 23 января 1931 года (9). Главное в предъявленных ему обвинениях состояло в том, что он с 1906 года поддерживал связи с финскими учеными, в 1908 и 1927 годах ездил в Финляндию, не раз посещал миссию (посольство) Финляндии в Москве. От него требовали признания в шпионском характере этих связей, в обсуждении с финскими «фашистами» вопроса об образовании Финно-Угорской Федерации. Т. Е. Евсеев все это отрицал, настаивал на исключительно научном характере сотрудничества с финнами: «Со стороны гельсингфорсских ученых никаких предложений и намеков присоединиться угро-финским племенам в одно целое не было. Шпионажной работой не занимался вовсе, хотя связь с Финно-Угорским Обществом имел с 1906 года, т. е. ровно 25 лет... Политического и экономического характера разговоры не имелись...»

Но эти попытки следователем пресекались, и после соответствующего нажима арестованный подписал показание: «Я, Евсевьев Тимофей Евсевьевич, признаю себя виновным в том, что будучи в Финляндии на научной работе в Гельсингфорсском национальном музее и сталкиваясь на работе с работниками того музея, а именно с профессором Сирелиусом и Хамалайненом, сообщил им сведения, характер которых не входил

в мою прямую научную работу. Так, например, Сирелиус и Хамалайнен интересовались вопросами Марийской области, ее культурного строительства и экономического положения, а также настроением марийской национальной интеллигенции...»

Подследственный признался, что передавал в Финляндию «материалы» (этнографические и фольклорные) о марийцах и за это получал деньги в качестве гонорара. Он также сообщил, что об увиденном и услышанном в Финляндии рассказывал в кругу близких друзей и коллег (при этом были названы В. М. Васильев, Л. Я. Мендияров, Ф. Е. Егоров, А. Ф. Сайн и другие).

28 января был составлен следующий документ:

«Я, старший оперуполномоченный 1 отделения МОООГПУ (Марийского областного отдела ОГПУ.— *К. С.*) Ежов, рассмотрев материал следствия в отношении гр. Сайн Андрея Фадеевича, Евсеева Тимофея Евсеевича, Васильева Валериана Михайловича и др. и принимая во внимание, что указанные лица, представляя собою буржуазно-интеллигентскую группировку, проводили в жизнь контрреволюционную идею организации Единой Федерации финно-угорских племен с отделением от СССР и занимались шпионской деятельностью, и принимая во внимание, что в таковом имеются признаки преступления, предусмотренные 58—6 и 58—11 статьями Уголовного Кодекса, постановил: принять дело к своему производству и приступить к производству предварительного следствия».

В последующие дни были арестованы ученый-языковед, доцент Восточного пединститута в Казани (но в основном проживавший с семьей в Йошкар-Оле) Валерьян Михайлович Васильев, Леонид Яковлевич Мендияров, незадолго да этого снятый с должности заведующего Марийским отделением Восточного пединститута, а в это время работавший научным сотрудником в Козьмодемьянском музее, Федор Егорович Егоров и Николай Иванович Иванов, преподаватели Йошкар-Олинского педтехникума, Андрей Фадеевич Сайн, недавний преподаватель Нартасского сельхозтехникума и работник областного управления сельского хозяйства, а в момент ареста — ассистент Казанского сельхозинститута.

Это были видные представители национальной интеллигенции. Л. Я. Мендияров до революции получил высшее образование, работал в различных учебных заведениях, особенно много сделал для становления марийских педтехникумов. В. М. Васильев с 1903 года занимался научными изысканиями по родному языку, был создателем журнала-ежегодника «Марла календарь» и газеты «Ӱжара», выпускник Казанского универси-

тета. Ф. Е. Егоров, бывший священник, был известен своими историческими и этнографическими трудами. А. Ф. Сайн еще до революции стал специалистом высокого класса в области маслоделия и сыроварения, в 1922 году вместе с женой-эстонкой переехал в Эстонию, вернулся на родину в 1928 году.

Арестованные сначала, более двух недель, содержались в Йошкар-Олинской тюрьме. За это время их несколько раз допрашивали, в основном — казалось бы — по анкетным данным. Во время этих допросов они с разной степенью откровенности (видимо, не считая сообщаемые сведения криминалом) вспоминали встречи и переписку с финскими и эстонскими учеными, отдельные разговоры в узком кругу интеллигентов с выражением недовольства национальной и аграрной политикой Советской власти.

15 февраля всю группу угро-финских «националистов-федералистов» перевели в Нижний Новгород (Марийская автономная область тогда входила в Нижегородский край). В краевом представительстве ОГПУ после ознакомления с предварительными материалами было составлено постановление о привлечении членов группы к ответственности по статье 58, пункт 10 (антисоветская деятельность и пропаганда). В отношении всех проходивших по «делу» написана трафаретная фраза: «Вел к-р (контрреволюционную — *К. С.*) работу по внедрению в массы населения национальной розни и к-р шовинистических идей».

На последовавших затем допросах следователь Лебедева интересовалась настроениями и разговорами среди марийской интеллигенции, конкретными характеристиками ее ведущих представителей, как оказавшихся под арестом, так и оставшихся на свободе (писатель С. Чавайн, художница М. Атлашкина и др.), их отношением к Финляндии. Довольно пространные у всех ответы на эти вопросы давали сотрудникам ОГПУ определенные свидетельства «антисоветской», «профинской» настроенности марийских интеллигентов, а для историков они сохранили ценные сведения об образе мыслей, мироощущении, нравственных поисках, жизненной позиции тогдашней демократической марийской интеллигенции, представлявшей собой, по сути дела, нравственно-политическую оппозицию утверждавшемуся тоталитарному режиму, «внутреннюю эмиграцию».

В результате накопления следственного материала сотрудники ОГПУ выстроили иерархическую схему, согласно которой Л. Я. Мендияров стал называться «руководителем к-р шпионской

группы», В. М. Васильев — ее «вдохновителем», остальные — ее «активными членами».

Главное обвинение для членов «группы Мендиярова-Васильева» было предъявлено в том, что они якобы хотели Марийскую автономную область и другие финно-угорские территории (Коми, Карелию, Удмуртию, Мордовию) отторгнуть от СССР и присоединить к Финляндии или создать Финно-Угорскую Федерацию под протекторатом Финляндии. Поэтому они имели еще одно название — «группа федералистов».

Их национализм виделся в изучении истории, языка, фольклора, этнографии родного народа, в стремлении сохранить и пропагандировать (в частности, через музейные экспозиции и этнографические очерки) народную самобытность; в том, что в своих статьях и лекциях они подчеркивали родство марийцев с финнами, эстонцами, венграми.

Вместе с тем против них выдвигалось вполне реальное обвинение в том, что они проявляли недовольство малорезультативной политикой Коммунистической партии и Советского государства по отношению к финно-угорским и другим нерусским народам, возмущались насильственной коллективизацией и опустошительной вырубкой лесов, что подрывало природную среду обитания и традиционные занятия марийского и других финно-угорских народов. Это сочеталось у них с выражением симпатий к Финляндии, к финскому народу.

Тимофей Евсеев на допросах признавался:

25 марта 1931 года: «Однажды ко мне пришли Чавайн, Мендияров, Васильев, Егоров. Мы говорили о том, что марийскому народу не дают возможности свободно самоопределиться, что национальная политика Советской власти не дает возможности правильно и быстро развиваться нации мари, что нет свободы, в частности — свободы печати. Об этом говорили все. Егоров при этом сказал: издавать марийскую литературу очень трудно, так как коммунисты требуют обязательного марксистского изложения темы. На это жаловались и Чавайн, и Васильев, причем последний выражал недовольство, что марийцы-коммунисты, ничего не мыслящие в науке, тянут с печатанием его «Мари мутэр»... Васильев и Егоров неоднократно ругали коллективизацию, хлебозаготовки и другие политические мероприятия Соввласти и особенно ругали коммунистов».

В тот же день во время другого допроса от Т. Е. Евсеева выпытывали сведения о связях с финнами, о попытках финнизировать марийскую культуру. Он отвечал, что, действительно, был разговор о желательности латинизации марийского

письма. «Началось с того, что я рассказывал о Финляндии, какие там хорошие порядки, какой честный, грамотный и культурный народ финны, как участливо встретили меня финские профессора. Мой рассказ о Финляндии вызвал общее сочувствие у присутствующих, все согласились с положительной оценкой современных финских правопорядков. Разговор строился на сравнении положения в советской Маробласти и буржуазной Финляндии, сочувствии и симпатиях последней и критике политики Соввласти».

1 апреля 1931 года: «...Я был сторонником тех правопорядков, которые я наблюдал в Финляндии и симпатизировал им, а не порядкам Советского Союза. Трезво сравнивая культурность, общую грамотность населения, вежливость и услуги, которые я видел во время своей поездки в Гельсингфорс от финнов, я невольно сравнивал политический строй Финляндии с советским строем и, сознаюсь, мои симпатии были на стороне первого. Прежде всего я критиковал и выражал свое недовольство на то, что в СССР нет свободного труда, так как мне казалось, что сколько ни работаешь — соответствующей платы не получаешь, для себя ничего не имеешь от своего же собственного труда, который присваивается государством. Во-вторых, я высказывал недовольство на то, что власть отнимает у крестьян последний хлеб, допускает искривления и т. д. Затем я говорил, что несмотря на заветы Ленина о свободе религии, у нас в СССР этой свободы нет и если кого-нибудь увидят в церкви, то потом его выгоняют со службы. В Финляндии, конечно, такого положения нет. Кроме того, я не понимал смысла раскулачивания и осуждал и возмущался этим мероприятием, расценивая его как разорение крестьянства. Таким образом, мои антисоветские взгляды поставили меня на путь стремления равняться на Финляндию, которая казалась мне совершенным государством. Обмен музейным опытом работы, этнографическими материалами, экспонатами и марийской национальной литературой помог мне завязать тесные связи с Гельсингфорсским музеем, профессорами финнами Сирелиусом, Хамалайненом, Вихманном, настроенными буржуазно и, конечно, антисоветски, и с Финской Миссией в Москве. Для укрепления этих связей, которыми я очень дорожил, я ежегодно посылал в Финляндию всевозможные экспонаты, фольклорный материал и т. п., получая оттуда новые задания по музейной работе и деньги за работу. В 1927 году по приглашению финских профессоров я ездил в Финляндию. О своей поездке, о всем виденном и слышанном там я подробно рассказывал группе

Мендиярова и Васильева, искренне хваля положение в Финляндии. В лице Мендиярова, Васильева и Егорова я встречал полное единодушие и согласие с моими взглядами. Все они целиком присоединялись к моему мнению о преимуществах Финляндии перед СССР».

Л. Я. Мендияров в своих показаниях от 28 апреля 1931 года писал:

«Финский вопрос среди марийской интеллигенции имеет еще дореволюционную историю. Интерес к Финляндии и финнам возник прежде всего на основе существовавшей теории о принадлежности как народа мари, так и финнов к единому когда-то финно-угорскому племени, разъединенному ходом исторических событий. У народа мари, в частности у передовой марийской интеллигенции, Финляндия и финны всегда были окружены особым ореолом, как страна и народ, сумевшие в течение столетий отбиться и от шведского ига, и от русского великодержавного гнета, и создавшие высоко развитую национальную культуру. Интерес к Финляндии значительно поддерживался наезжавшими в разное время финскими учеными в нынешнюю Маробласть с целью собирания этнографических, фольклорных материалов... В начале революции, в ее февральский период, интерес к Финляндии еще более возрастает и в умах мелкобуржуазной интеллигенции муссируются идеи объединения угро-финских племен, т. е. мари и финнов Поволжья с финнами Прибалтики... В дальнейшем, особенно под влиянием недовольства политикой Соввласти, и в частности национальной политикой, стремление равняться на Финляндию, сумевшую «обойти» Октябрь и установить буржуазно-демократический строй,— временами достигало довольно большой силы...»

Рассказывая о своих симпатиях к Финляндии и связях с финнами (а А. Ф. Сайн — с эстонцами), все арестованные отрицали шпионский характер этих связей, настаивали на том, что они носили научный, музейно-этнографический характер. Но следствию нужны были другие выводы.

Подробно записав и обобщив все факты и сведения, добытые у подследственных, особенно относящиеся к «финскому вопросу» и связям с Финляндией и Эстонией, следователь Лебедева 24 мая 1931 года написала постановление:

«В процессе ведения следствия установлено:

1. В Марийской автономной области существовала к-р группа марийской национальной интеллигенции, объединившая выходцев из кулацко-поповской среды — научных работников

и преподавателей высших и средних учебных заведений, которая в своей практической деятельности проводила к-р национал-шовинистическую политику.

2. Своей конечной политической целью группа ставила: а) отделение МАО от СССР и создание под финляндским протекторатом Единой Финно-Угорской Федерации; б) ведение активной шпионско-разведывательной работы в пользу Финляндии.

3. Идея создания Финно-Угорской Федерации инспирировалась из Финляндии Финно-Угорским Обществом через ее активных деятелей профессоров-фашистов Сирелиуса, Хамалайнена и др. и практически осуществлялась через членов марийской к-р группы Евсеева, Васильева, Егорова и др.

4. Члены к-р группы Евсеев, Егоров, Васильев, Сайн поддерживали письменные связи с Финляндией, вели деятельную переписку с Финно-Угорским Обществом и Финской Миссией в Москве. Евсеев являлся постоянным сотрудником Финно-Угорского Общества, систематически посылал туда посылки через Финскую Миссию в Москве, сам лично неоднократно посещал Финскую Миссию, останавливаясь в здании Миссии.

5. В 1927 г. Евсеев на средства, полученные в Финской Миссии в Москве, ездил в Финляндию, содержался там в течение 3-х недель за счет Финно-Угорского Общества, был экипирован и получил 200 руб. на обратную дорогу.

6. Будучи в Финляндии, Евсеев получил задание от фашистов Сирелиуса, Хамалайнена и др. вести пропаганду федералистских идей среди марийской интеллигенции и подготовительную работу по созданию Финно-Угорской Федерации.

7. За свою работу Евсеев систематически получал деньги от Финно-Угорского Общества и Финской Миссии в Москве, в частности, в 1925—1928 гг. им было получено свыше 1600 руб.

8. Для осуществления создания национальной Финно-Угорской Федерации члены группы пропагандировали федералистские идеи среди националистически настроенной марийской интеллигенции, вели деятельную работу по завоеванию и подготовке кадров; в своей практической преподавательской работе выхолащивали классовое содержание, насыщая ее национал-шовинизмом, в печатных трудах протаскивали к-р националистические идеи (Евсеев, Васильев, Мендияров, Егоров), пытались создать в Марийском отделении ВПИ (Восточного педагогического института.— *К. С.*) в Казани группу учащихся для подготовки из них своих националистических кадров...»

«Принимая во внимание, что это дело представляет интерес по

линии шпионажа», дело № 710/43 было передано от обычного следователя в Особый отдел. Там с финскими и эстонскими «шпионами» занялся опытный следователь А. Д. Антоновский (в 1939 году осужден за «незаконные» методы ведения следствия). Даже в его опытных руках они еще долго отрицали свою виновность в антисоветской деятельности, шпионский характер связей с Финляндией и Эстонией. Но в конце концов были сломлены и подписали (за исключением Н. И. Иванова) «признания».

Это произошло в конце августа — сентябре 1931 года. А 1 октября Антоновский завершил оформление «Обвинительного заключения по делу контрреволюционной шпионской группы в Марийской автономной области» объемом в 60 страниц.

«В феврале месяце 1931 года полномочным представительством ОГПУ по Нижегородскому краю была вскрыта и ликвидирована на территории Марийской автономной области контрреволюционная шпионская группа из национал-шовинистической части марийской интеллигенции, руководимая из-за кордона».

Программно-политические установки группы, пути и методы решения поставленных ею задач представляют особой интерес, поскольку конечной целью группы являлось отторжение Марийской автономной области от СССР и создание под финляндским протекторатом Единой Финно-Угорской Федерации. Идея создания подобной «Федерации», как это точно установлено, инспирировалась фашистскими кругами Финляндии и Эстонии, с которыми участники группы поддерживали тесную связь, осуществляемую как через Финскую и Эстонскую Миссии в Москве и Финское Генеральное Консульство в Ленинграде, так и путем периодических поездок членов контрреволюционной группы за границу.

Наряду с пропагандой идеи Финно-Угорской Федерации, участники группы вели по заданиям финских и эстонских кругов активную шпионскую и разведывательную работу. Велась активная контрреволюционная работа по искривлению национальной политики Советской власти. Группа пыталась захватить под свое влияние систему народного образования в МАО. Предпринимались попытки установить связи с к-р элементами из удмуртов, мордвы, чувашей; связи с остатками султан-галиевских элементов Татреспублики».

После такой преамбулы документ содержит семь разделов: 1. История возникновения и развития группы. 2. Программно-тактические установки контрреволюционной шпионской группы и ее ориентация на фашистские круги Финляндии и Эстонии. 3. Деятельность группы по линии финнизации Марийской

области и подготовление контрреволюционных националистических кадров. 4. Попытка контрреволюционной шпионской группы к установлению блока с националистическими кругами удмуртов, мордвы, чувашей и султан-галиевскими элементами. 5. Распространение контрреволюционных идей и искривление национальной политики Соввласти. 6. Шпионская деятельность группы. 7. Резолютивная часть.

В «исторической» части читаем: «Вопрос имеет дореволюционную историю. Он имеет в основе распространенную идею о родстве финно-угорских племен. Финно-Угорское Общество Финляндии проводило большую работу... С 1906 по 1914 годы среди мари бывали Хамалайнен, Сирелиус, Вихманн, Рясанен, Паасонен и установили связи с Васильевым, Евсеевым, Кармазиным, Егоровым и др. После Февральской революции идея объединения финно-угорских племен и образования независимого Марийского государства с демократической формой правления пропагандировалась через национальные марийские съезды. Октябрьская революция разрушила мечты националистических элементов о создании независимого Марийского буржуазного государства... Активные деятели национального движения приступили к организации контр-революционной группы. Особую активность группа стала проявлять с 1928 года, после поездки Евсеева в Финляндию и приезда из Эстонии Сайна. Большую роль в этом сыграли также финские и эстонские фашисты, посещавшие за этот период СССР под видом научных работников, и работники дипломатических представительств Финляндии и Эстонии».

В остальных разделах нагромождена чудовищная смесь мелких фактов, действительно имевших место, и крупных домыслов, призванных служить «доказательствами».

Следовательно, вся деятельность финских ученых еще в дореволюционное время, а также и в 20-е годы, по изучению духовной культуры и языка марийцев и других восточных финно-угров, якобы преследовала далеко идущие преступные цели. Финские ученые были представлены в качестве сотрудников разведывательных органов, а марийские ученые, сотрудничавшие с ними,— финских шпионов.

И итог: многословные, развернутые обвинения в адрес каждого из шести человек, уже около года томившихся в тюрьме.

В качестве примера приводим индивидуальную часть «Обвинительного заключения», относящуюся к видному ученому финно-угроведу Валерьяну Михайловичу Васильеву:

«2. Васильев Валерьян Михайлович, 1883 года, уроженец

Уфимской губернии, Бирского уезда, Черноумовской (правильно — Черауловской.— *К. С.*) волости, деревни Сусады-Эбалак, сын кулака, теперь раскулаченного, бывший миссионер, мари, гражданин СССР. Образование высшее, доцент Казанского Восточного педагогического института. Бывший редактор националистической эсеровской газеты «Ужара». На военном учете не состоит по возрасту,— в том, что является вдохновителем к-р шпионской группы.

В целях отторжения Марийской области от СССР и объединения финно-угорских племен в Единую Финно-угорскую Федерацию с ориентацией на Финляндию и Эстонию, осуществлял следующие к-р деяния:

а) на протяжении ряда лет до момента ареста вел агитацию и пропаганду за отторжение Марийской области от СССР и объединение финно-угорских племен;

б) занимаясь шпионской деятельностью в пользу Финляндии и Эстонии, передавал Финскому Генеральному Консульству в Ленинграде, Финской и Эстонской Миссиям в Москве сведения политического характера о настроениях национальных меньшинств, за что получал вознаграждение;

в) через Финскую Миссию и Генеральное Консульство добивался устройства ему научной командировки в Финляндию с тем, чтобы из Финляндии в СССР не возвратиться;

г) имел нелегальную связь с финскими и эстонскими дипломатическими представительствами в Москве и Ленинграде, от которых получал директивы и установки по отторжению МАО от СССР, объединению финно-угорских племен и ведению разложенческой работы по дискредитации Советской власти и Компартии;

д) Финским Генеральным Консульством в Ленинграде снабжался финской к-р литературой, которую распространял среди марийской интеллигенции;

е) принимал активное участие в издании финской литературы и распространении ее среди марийских студентов Казанского ВПИ;

ж) принимал активное участие в нелегальных собраниях, устраиваемых Мендияровым;

з) в целях общей борьбы с Советской властью, по директивам Финского Генерального Консульства, устанавливал связи с другими национальностями в СССР;

и) в к-р целях имел связь в Эстонии с Сайном, Пырком и Марком;

к) вел злостную антисоветскую шовинистическую агитацию и распространял провокационные слухи, что национальная по-

литика Советской власти ничем не отличается от политики царизма;

л) в своих печатных трудах протаскивал к-р националистические идеи;

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 пп. 3.6.10 и 11 УК.

В предъявленном обвинении виновным себя признал.

Обыском у него обнаружена к-р финская литература, полученная от Финского Генерального Консульства в Ленинграде и переписка, характеризующая его к-р деятельность и связи с Мендияровым, Кармазиным, Коведяевым и др.».

3 ноября «дело» было переправлено в Москву на внесудебное рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ. Там оно, получив № 119568, было 14 декабря рассмотрено заочно, но только по 10-му пункту 58-й статьи (антисоветская агитация), а пункты 3, 6 и 11 (шпионаж, вредительство и прочее) были опущены. Приговор гласил: обвиняемых «из-под стражи освободить, лишив права проживания в Московской, Ленинградской областях, Харьковском округе, Марийской автономной области и погранрайонах, сроком на три года». Это означало для проходивших по «делу» высылку из родного края.

5 января 1932 года «федералисты» были выпущены из Нижегородской тюрьмы и определены на высылку* (9).

Несмотря на фактический провал фабрикации «дела федералистов», уже весной 1932 года была сделана еще одна попытка. Теперь местом, где разыгралась трагедия, оказалась Удмуртия: разразилось «дело СОФИН» (Союза освобождения финских народностей), где в основном фигурировала удмуртская интеллигенция во главе с выдающимся поэтом и ученым Кузебаем Гердом (К. П. Чайниковым). При этом «арсенал» аргументов

---

* По окончании срока высылки судьбы «федералистов» сложились поразному. Л. Я. Мендияров, Н. И. Иванов, А. Ф. Сайн в Марийскую автономную область не вернулись и избежали повторного репрессирования в 1937 году. Мендияров умер в конце 40-х годов в г. Горьком. Иванов работал в Ижевске, приехал в Йошкар-Олу только в 60-х годах и здесь умер. Сайн жил на Украине, во время войны переехал в Германию, а после войны — в Австралию. В. М. Васильев, вернувшись в Йошкар-Олу в 1934 году, работал корректором в типографии, затем преподавателем в пединституте; в 1937 году, накануне ареста, скрылся и вернулся в Йошкар-Олу только в конце 1939 года, вновь занялся научной работой, стал доктором филологических наук, умер в 1961 году. Ф. Е. Егоров после высылки, недолго пробыв в Йошкар-Оле, уехал к дочери в Омск, его дальнейшая судьба не известна. Т. Е. Евсеев был расстрелян в Йошкар-Оле в ноябре 1937 года.

нижегородских чекистов оказался крайне ограниченным. Обвинительное заключение по делу № 2774 «Контрреволюционной организации союза освобождения финских народностей» во многом сходно и даже совпадает с подобным документом по «делу федералистов».

«В мае 1932 г.,— написано в нем,— на территории Удмуртской автономной области, в г. Ижевске Особым отделом ПП ОГПУ по Нижкраю была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная националистическая организация под названием «СОФИН» — «Союз освобождения финских народностей», состоявшая из национал-шовинистической части удмуртской реакционной интеллигенции, созданная известным буржуазным удмуртским писателем Герд по заданию финских и эстонских интервенционистских кругов.

Программно-политические установки организации и ее деятельность ставили своей конечной целью отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР и создание «Единой финно-угорской федерации» с демократической формой правления... под протекторатом Финляндии» (6, с. 227—242).

По этому «делу» как «финские агенты» были в 1933 году осуждены 28 человек.

Тогда даже с трибуны Коминтерна устами француза Марселя Кашена были осуждены «финские фашисты», якобы стремившиеся создать «Великую Финляндию» от Скандинавии до Западной Сибири.

Заклинания в печати о «финской экспансии», о «фашистской Финляндии», «дела» о «финских шпионах» были своего рода «артподготовкой» в преддверии давно задуманной захватнической войны против Финляндии и преследовали цель психологической подготовки общественного мнения.

Для политических обвинений часто использовался вульгаризаторский «анализ» произведений писателей, авторов учебников. Типичным в этом отношении было возникшее в Марийской автономной области в 1933 году «дело Мухина». Директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Владимир Мухин был одним из ярких представителей национальной интеллигенции, писателем, ученым, общественным деятелем. В его книгах бдительные стражи идейной чистоты нашли много «национализма» и «троцкизма», но в отличие от указанных выше лиц тогда его не арестовали и не выслали, а ограничились партийным выговором и обещанием «исправиться» (11, с. 211—212).

67780
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

В 1934 году в докладе на областной партийной конференции был сделан вывод об оживлении в Марийской автономной области местного национализма, о том, что националистические идеи «группы Мендиярова-Васильева» живы в среде марийской интеллигенции; с возмущением говорилось о «пропаганде финно-угорской общности» как проявлении «буржуазного национализма», «федерализма» и «панфинизма». Первый секретарь обкома ВКП(б) азербайджанец Али-Гейдар Ширвани, напомнив о «деле федералистов», отметил, что проявлением национализма является «пристальное внимание к истории народа»; но этого мало — «уже обнаружился и выход из узконационалистических идей» к пропаганде угро-финской общности. И разоблачил подобные понятия у преподавателей пединститута: «При преподавании марийского языка изучается история народности мари, происхождение марийского языка. Где логика? Прежде чем учить языку, преподносят историю народности. Я не говорю, что историю марийцев изучать не надо. Нужно изучать, но в определенном размере. Но когда преподаватель преподносит в своей программе сначала историю, а потом переходит к языку, о чем это говорит? Это говорит о попытке внедрить буржуазную точку зрения в самосознание учащихся. А как преподавалась история мари, марийского языка? Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венгерцами и т. д. и т. п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допускать, чтобы кафедры высшей школы превратить в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов. За это нужно спросить строго!» (12, с. 260—261).

Решением Президиума ЦИК СССР от 10 июля 1934 года на основе реорганизованной системы ГПУ был создан Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД). В соответствии с этим в Марийской автономной области организовали Управление НКВД, начальником которого стал Александр Карачаров, работавший до этого в городе Кинешме Ивановской области. Одним из первых практических шагов Карачарова по искоренению местной «контрреволюции» был его доклад на бюро обкома партии «О язычестве в МАО», в решении по которому было предписано «ликвидировать священные рощи». Что и было сделано с успехом, а десятки мари-картов (руководителей языческих обрядов) были репрессированы.

В начале 1935 года повсеместно в партийных организациях «прорабатывалось» закрытое письмо ЦК ВКП(б) об убийстве Ки-

рова и о «зиновьевско-троцкистской контрреволюционной группе». Главным при этом был призыв к «повышению бдительности» и поиску лиц, допускавших антисоветские и националистические высказывания, выражавших недовольство, причем необязательно политическим строем, политикой партии и правительства, а просто даже только трудностями повседневной жизни.

«За 3 квартала текущего года судебно-следственными органами,— подчеркивалось в конце года,— привлечено к ответственности по уголовным делам 10800 человек, по контрреволюционным делам и антисоветской агитации 1196 человек» (13, с. 74). Пройдет немного времени — и прокурор области В. Н. Быстряков самокритично скажет, что тогда допускалась «политическая близорукость», многие антисоветские контрреволюционные выступления рассматривались как обычные уголовные преступления, и в результате «переследствия» с конца 1936 года эти «дела» во многих случаях были пересмотрены и объявлены политическими.

Примечательна характеристика политической ситуации в Марийской автономной области, составленная в конце 1935 года, в которой говорилось о том, что здесь «вскрыто и ликвидировано 10 контрреволюционных организаций»:

«Организация контрреволюционной работы строится на возбуждении националистических чувств, т. е. борьба против якобы притеснений марийцев, ограничений марийской самобытности... Часть вскрытых контрреволюционных организаций по своему составу исключительно из марийцев... Вскрыты и другие националистические группировки — среди учащейся молодежи. Наиболее успешно их работа ведется в марийских землячествах в Ленинграде и Москве. Приезжают сюда с заданиями по созданию националистических организаций федеративного характера («За Великую Финляндию»). Центром является пединститут... Немалое количество колхозов области имеют ярко выраженные националистические названия: Мари-Ушем (Общество или Союз мари)», Мари-Куат (Марийская мощь), Мари-Вий (Марийская сила), Мари-Патыр (Марийский богатырь) и др.» (14, с. 5).

Предвещая близкую грозу, в декабре 1935 года на пленуме обкома ВКП(б) прозвучали слова нового первого секретаря поляка Чеслава Врублевского: «Наряду с обострением классовой борьбы мы имеем рост местного национализма. Кажется, ликвидирована контрреволюционная группа, которая делала ставку на Большую Финляндию (имеется в виду «дело федералис-

тов» — *К. С.*), однако за последнее время вовлекается в местный национализм молодежь» (15, с. 15).

В связи с такими высказываниями большое внимание в поисках «врагов народа» было обращено на педагогический институт. По поручению обкома партии обком ВЛКСМ проверил работу институтской комсомольской организации. Проверявшие свою главную задачу видели в разоблачении происков «врагов народа», в выявлении влияния «буржуазных националистов» на студенческую молодежь. В справке по итогам проверки в первую очередь была указана фамилия В. М. Васильева, который после трех лет высылки смог вернуться в Йошкар-Олу и, пройдя проверку на корректорской работе в типографии, стал работать доцентом марийского языка в пединституте. В справке за ученым была оставлена характеристика буржуазного националиста, добавлено, что он за это сидел в тюрьме, но мысли о присоединении Марийской автономной области к Финляндии не оставил; как и раньше, внушает студентам мысль о родстве марийского языка с языками буржуазных народов — финнов, эстонцев, венгров. Похожие обвинения тогда были предъявлены также доцентам литературоведу И. А. Шабдару и языковеду В. Т. Соколову, которые были объявлены «идеологически чуждыми».

1936 год был годом, когда отмечалось 15-летие Марийской автономии. Шла подготовка к юбилейному докладу, готовился юбилейный сборник, призванный отразить завоевания социализма. Веяние нового времени уже отражалось в том, что пройденный путь нужно было представить только как путь побед, одержанных в непрестанной борьбе с классовыми врагами и буржуазными националистами.

Вопрос о подготовке к юбилею обсуждался на пленуме обкома партии в апреле. В докладе второго секретаря Н. Н. Сапаева было сказано: «Нужно отметить, что успешное строительство социализма и каждый шаг подлинного освободительного движения марийских трудящихся масс не мог не встретить самого бешеного сопротивления буржуазных националистических элементов. Таковы контрреволюционные, буржуазные местно-националистические группы Мендиярова, Егорова и других, а впоследствии была разоблачена и разбита националистическая группировка в Горномарийском районе. Все эти буржуазно-националистические группы отражали интересы отживающих, разгромленных Октябрьской революцией эксплуататорских классов, вели бешеную борьбу против Советской власти, стремясь восстановить буржуазно-капиталистические отношения.

Изолированные, не находя поддержки среди марийских трудящихся масс, буржуазные националисты ориентировались на прямую контрреволюцию, на внешнюю вооруженную интервенцию, проповедуя союз с буржуазной Финляндией. Сейчас эти контрреволюционные националистические группы разбиты».

Об этом же 22 июня в докладе о 15-летнем юбилее МАО говорил (не называя фамилий) и председатель облисполкома И. П. Петров: «Некоторые стали мечтать о союзе с финскими фашистами, о создании Великой Финляндии с вхождением в ее состав буржуазной Марийской республики во главе с лидерами марийских националистов. Они начали организовываться, создали свой нелегальный центр, начали тянуть нить в Финляндию. Но их накрыли и на этом они сломали себе голову».

Трудно сказать, верили сами докладчики в истинность этих слов или нет, но можно обратить внимание на общую обращенность их мысли в прошлое, стремление показать: если и были у нас националисты, ориентировавшиеся на Финляндию, они уже «разбиты», «сломали себе голову». Это было определенным противодействием начинавшейся тогда целенаправленной кампании по выявлению буржуазных националистов. (Разумеется, докладчики даже малейшей мысли не могли допустить, что они сами вскоре будут причислены к организации буржуазных националистов).

Москва требовала развернуть широкую работу по повышению бдительности в отношении троцкистов и националистов. И весной 1936 года обком ВКП(б) уже отчитывался о первых успехах. Но приводимые фамилии мало кому были известны, и картина получалась не очень внушительная. К тому же необходимы были не отдельные «враги», а более или менее крупная организация, которую можно было бы связать со шпионажем.

Тогда вновь возродилось «дело» Владимира Алексеевича Мухина и была вытащена сочиненная в подвалах еще ОГПУ версия о «финских шпионах», сторонниках «Великой Финляндии». Известная фигура Мухина оказалась удобной, чтобы вокруг него сформировать «троцкистско-националистическую» организацию. Были спровоцированы доносы на него, клевета в печати. 5 июля он за «троцкистскую и националистическую деятельность, направленную против партии и Советской власти», был исключен из рядов ВКП(б). При этом в числе обвинений появились фразы: «Мухин принимал участие в ликвидированной по линии ОГПУ контрреволюционной шпионской группе, которая была связана с финляндскими буржуазными

диверсионными шпионскими кругами. Он посылал Евсеева в Финляндию, чтобы поговорить с финскими национал-демократами о Великой Финляндии». В. А. Мухин был снят с работы и в ночь с 16 на 17 августа 1936 года арестован (16).

Через несколько дней на пленуме обкома партии Врублевский уже рассказал о разоблачении и аресте «мерзких и подлых врагов партии и народа, контрреволюционных троцкистов, буржуазных националистов» во главе с В. А. Мухиным. Но,— отмечал докладчик,— «не имеем права останавливаться» (17, с. 15). Это означало, что это было только начало.

И действительно, осенью 1936 и в начале 1937 года волна арестов в Марийской автономной области нарастала. В камерах и подвалах НКВД стала разрабатываться фальшивая версия о «марийской контрреволюционной буржуазно-националистической организации», «инспирированной фашистскими кругами Финляндии» и сблокировавшейся с троцкистской контрреволюцией (вернее, поднята из архива и слегка обновлена добавлением троцкизма версия, родившаяся в 1931 году в связи с «делом федералистов»).

Центральной фигурой выдуманной организации был назван Владимир Мухин. И его беспрестанно пытали, заставляя подписать признание. Характерно следующее: серия допросов в августе выясняла членство Мухина в партии эсеров до 1918 года, «троцкистские» ошибки в трудах ученого и связи с ссыльными троцкистами, в сентябре почти все вопросы касались «националистических» заявлений и поступков Мухина и его связей с интеллигентами-националистами, осужденными в 1931 году («с каким заданием посылал Евсеева в Финляндию?»), в начале октября его больше допрашивали по «шпионской» линии, выясняя его личные связи с финскими (а также эстонскими) учеными.

Во время одного из допросов, не добившись желаемых признаний, следователи пошли на явную провокацию: попросили составить список знакомых ему лиц в городе и в районах из числа интеллигенции, которые знают о его работе и могли бы об этом рассказать. Так появился список из более чем 60 фамилий, который следователи пытались представить как список актива буржуазно-националистической организации. Но в таком качестве Мухин отказался подписать документ.

Тогда В. Мухина затребовали доставить в город Горький (Марийская автономная область входила в состав Горьковского края). А вслед за ним туда же были отправлены еще около 20 человек, которым предстояло играть роль членов «штаба» (или «ядра») организации. Там более опытные следо-

ватели применили изощренные приемы, чтобы заставить признаться.

В письме руководителю НКВД СССР Н. И. Ежову В. А. Мухин писал в мае 1937 года: «Угрожали расстрелом, морили голодом и жаждой, обычным обращением были слова «тварь», «скотина», «червь». Я категорически отказывался от признания себя «руководителем» несуществующей организации. Тогда ко мне стали применять репрессии: заперли в холодную камеру, к тому же сырую, при температуре — (минус по Цельсию.— *К. С.*) 33 градуса на воле, а в моей камере — (минус) 15—17 градусов, лишили нормального отдыха, сна. Наконец, посадили на «вечный стул», т. е. я не имел права сойти со стула в течение нескольких суток кряду. Дело для меня принимало трагический оборот: либо повеситься, либо, сидя на стуле, умереть, либо сойти с ума» (16, с. 34).

Теряя сознание, в полуобморочном состоянии, Мухин подписал подсунутые следователем бумаги, в которых содержалось его «признание»: с 1921 года создал организацию, ставящую целью свержение Советской власти, отторжение МАО от СССР под лозунгом «Великой Финляндии».

Не выдержав пыток и смалодушничав, Мухин оговорил себя и десятки других людей. Но затем стал решительно отказываться от выбитых пытками показаний. В упомянутом послании Ежову он писал: «Посмотрите на карту, как можно Марийскую республику или Удмуртию присоединить к Финляндии?». В этом письме он категорически заявил (и этого придерживался потом до последних минут своей жизни): «Вопреки моим показаниям от 21 февраля с. г., я ни по одному пункту не признаю себя виновным. Мои показания вынужденные и поэтому ни в какой мере не соответствуют действительности... Наличие контрреволюционной националистической организации подвергаю до сих пор самому резкому сомнению. Троцкистом себя не признаю. Ярлык буржуазного националиста считаю для себя позором, но любви к своему народу тоже не отрицаю» (16, с. 51).

Любовь к родному народу, как видно из этого отрывка, отождествлялась следователями-«интернационалистами» с «буржуазным национализмом», а слово «национализм» в советской терминологии имело резко отрицательное значение, равнозначное «преступлению». К слову сказать, подобное в те дни заметил и основоположник марийской литературы Сергей Чавайн. В день своего ареста, на первом же допросе, он написал своим палачам: «Есть у меня одно большое чувство. Это — любовь к

своему марийскому народу. Если любовь к родному народу есть преступление, то карайте меня» (18, с. 11). Да, это считалось тогда большим преступлением.

Тем временем февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года утвердил курс на массовые репрессии. Пленум Марийского обкома Коммунистической партии по его итогам проходил 19—21 марта. Накануне этого бюро областного комитета приняло решение: «Поручить т. Врублевскому информировать пленум обкома ВКП(б) о наличии на территории Марийской республики контрреволюционной националистической организации и слабой борьбе по разоблачению контрреволюционных, буржуазно-националистических, троцкистских элементов». По этой последней формулировке в первую очередь стали обвинять члена бюро обкома, председателя исполкома Марийской АССР Ивана Петровича Петрова. От него требовали быть в «центре борьбы» с националистами, а он оказался в оппозиции к репрессиям. И даже написал письмо в ЦК ВКП(б), считая происходящее в Марийской республике лишь проявлением местной аномалии:

«На заседании бюро обкома тов. Врублевский сказал об аресте большого количества людей. Мне, председателю исполкома МАССР, неизвестно, сколько людей и за какие преступления арестовано. Об этом знают только тов. Врублевский и тов. Карачаров. Это их секрет. Из сообщения тов. Карачарова на одном заседании бюро стало известно, что еще более громадному количеству людей предъявляется обвинение в контрреволюции. Обвиняются виднейшие марийские писатели, поэты, драматурги, а также инженеры, преподаватели, учителя и много других... В общем обвиняется в контрреволюции значительная часть марийской интеллигенции. Мне кажется, что в Марийской республике не всё в порядке» (19, с. 227).

Пытаясь заступиться за национальную интеллигенцию, Петров сам стал объектом травли.

Первый секретарь Врублевский подробно информировал пленум областной коммунистической организации о начале разгрома марийской буржуазно-националистической организации. При этом он приводил слова Сталина, что «с разоблачением врагов мы опоздали на 4 года», и подтверждал это на примере Марийской республики: именно в 1933 году было начато «дело Мухина», но «не доведено до конца». Он требовал усилить работу по «выкорчевыванию» националистов и обвинял Петрова: «Петров ударился в панику: «Как же так? 30 человек арестовано (первый секретарь лукавил: на самом деле

уже были арестованы сотни людей.— *К. С.*), арестовали цвет марийской интеллигенции! Караул! Наших бьют! Почему арестовали?» Неправильно, мол, политика ведется. Мы говорили Петрову: если ты не согласен с арестом конкретного человека, давай разберемся, но нельзя защищать всю контрреволюционную марийскую интеллигенцию» (20, с. 57).

После этого, весной 1937 года, прошла новая волна массовых арестов: практически вся марийская интеллигенция оказалась в подвалах НКВД (специальных помещений не хватало, поэтому для этих целей отобрали и приспособили несколько производственных зданий с подвалами, склады и картофелехранилище). Союз писателей перестал существовать. Были изъяты сотни «вредителей» — работников промышленности, строительства и сельского хозяйства, якобы являвшиеся членами широко разветвленной подпольной организации.

На XVI областной партийной конференции в конце мая Врублевский говорил: «Какой бы участок мы ни взяли, везде мы находим членов контрреволюционной националистической организации». А ее главой теперь был объявлен исключенный накануне конференции из партии и вскоре арестованный председатель исполкома республики Иван Петрович Петров. Говоря об этой организации, Врублевский особый упор делал на шпионский и вредительски-диверсионный ее характер, на ее связи с финской разведкой: «Члены контрреволюционной буржуазно-националистической организации связывались с Финляндией. Члены этой организации посылались с определенными заданиями для вредительства Марбумстроя. Для того, чтобы проверить, как выполняются задания, был послан специальный представитель из Финляндии...»

Этому вторил второй секретарь обкома Н. Н. Сапаев. Он «исторически» обосновал деятельность буржуазно-националистической организации, утверждая, что она имеет корни еще с дооктябрьского времени, но особенно активизировалась с успехами социалистического строительства. «Программа организации,— говорил он,— реставрация капитализма, равнение на Финляндию». В связи с этим он напомнил «дело» 1931 года, когда «часть этой организации была раскрыта». Эту мысль дополнил председатель областной плановой комиссии А. Ф. Эшкинин: когда он был председателем облисполкома, по его инициативе «была раскрыта головка буржуазно-националистической организации, установившая связь с Финляндией», но основной состав остался и его теперь необходимо ликвидировать.

С арестом И. П. Петрова завершилось «оформление» орга-

низации, в названии которой, наряду с прежними определениями «контрреволюционная», «буржуазно-националистическая», теперь появились новые: «фашистская», «повстанческая», «террористическая», «шпионско-диверсионная». И появилась возможность выделить «штаб» организации. Туда, кроме Ивана Петрова и Владимира Мухина, были определены люди, занимавшие разное положение в общественной жизни республики. Тут оказались председатель Союза писателей Прокопий Карпов, журналисты Андрей Эшкинин, Максим Кузнецов и Георгий Голубкин, хозяйственный деятель Петр Андреев, сменивший Петрова на посту председателя исполкома, ученый секретарь Марийского научно-исследовательского института Михаил Янтемир, директор Цибикнурской школы (руководитель «низовой повстанческой ячейки») Тимофей Ямбос, преподаватель пединститута Михаил Веткин, зоотехник Владимир Макаров, ветеринарный врач Семен Глушков, инженер на строительстве Марбумкомбината Сергей Ягодаров и другие. Такой состав призван был представить видимость того, что деятельность антисоветской организации охватила все сферы жизни, в том числе вредительство в промышленности и сельском хозяйстве. Обращает на себя внимание, что среди членов «штаба» оказались видные ученые финно-угроведы Г. Г. Кармазин, С. Г. Эпин, В. Т. Соколов.

«Дело» штаба было выделено в особое разбирательство. Чтобы подчеркнуть его значимость, его рассмотрение было решено передать на закрытое выездное заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР. А она (коллегия) слишком была занята, и своей очереди главным марийским «националистам» пришлось ждать довольно долго.

В ноябре 1937 года «штаб» в составе 27 человек перевели из города Горького обратно в Йошкар-Олу. В «делах» его членов после этого новых документов не прибавилось. В январе 1938 года им вообще объявили об окончании следствия. Тогда же были заготовлены «обвинительные заключения». Тем временем из «штаба» несколько человек умерли или покончили с собой, некоторых из этого списка передали в другие «дела». Поэтому количественный состав этой группы немного уменьшился.

В начале апреля Карачаров получил из Москвы документ под грифом «совершенно секретно», который имеет исключительно важное значение для понимания того, что собой представляли тогдашние так называемые «судебные процессы». Из НКВД СССР в Йошкар-Олу был передан утвержденный еще 5 марта список лиц, подлежащих к осуждению Военной Колле-

гией Верховного Суда СССР по первой категории, т. е. к расстрелу, в количестве 18 человек. Это значит: не имело никакого значения, как будет вести себя на «суде» подсудимый, признается во всем или будет всё отрицать, в Москве уже задолго до инсценировки суда вынесен смертный приговор.

Заранее заготовленные «обвинительные заключения» (без проставленной даты) уже соответствовали этому. Они имеются в каждом «деле» репрессированных. В основных своих выражениях они совпадают полностью, имея различия лишь в личностных деталях и в некоторых случаях в наборе прилагательных к слову «организация». Поэтому в качестве примера здесь приводится отрывок из документа, относящегося к Владимиру Мухину.

«В конце 1936 года на территории Марийской АССР вскрыта и ликвидирована националистическая троцкистско-террористическая, диверсионно-вредительская организация, связанная с финской миссией в Москве, финским консульством в Ленинграде, с ответвлениями в национальных республиках: Чувашской, Мордовской, Удмуртской, Карельской и Коми, ставившая своей целью объединение всех угро-финских народностей, населяющих СССР, свержение Соввласти на территории этих республик и образование буржуазно-демократического государства под протекторатом Финляндии. Осуществление этой задачи организацией намечалось к началу войны СССР с капиталистическими государствами. Произведенным расследованием установлено, что одним из членов этой организации являлся Владимир Алексеевич Мухин» (16, с. 87).

Короткой была в Казани инсценировка судебного заседания 10 мая 1938 года (над каждым в отдельности по несколько минут). Все прошедшие по этому делу были приговорены к расстрелу и в ту же ночь казнены. Так была уничтожена лучшая часть марийской национальной интеллектуальной элиты.

Сотни, тысячи других членов «организации» получили приговоры «тройки» в Йошкар-Оле (председатель Госплана Александр Эшкинин, писатели Сергей Чавайн, Иосиф Шабдар, Олык Ипай, художник Константин Егоров и другие) и были расстреляны, немногие получили сроки по 8—10 лет лагерей.

Но у тогдашнего первого секретаря обкома ВКП(б) Чеслава Врублевского на определенном этапе кончилась решительность в проведении репрессий, стали появляться определенные сомнения. В октябре 1937 года он провел пленум обкома партии, где заявил: «Результатом разоблачения врагов народа должно быть улучшение всей работы. Но не видно этого... Разоблачили много, а дела

идут хуже» (21, с. 86). В связи с этим он выдвинул и обосновал главную очередную задачу — борьбу с последствиями вредительства. Это и было записано в решении пленума.

Через несколько дней он был снят с работы и вскоре отправлен на 10 лет в лагеря. А на смену ему ЦК прислал Зиновия Жаднова, который добился отмены октябрьского решения обкома партии и рьяно взялся за «выкорчевывание остатков буржуазно-националистической организации». Показательно, что на новом этапе эта организация в большинстве случаев стала называться не марийской, а угро-финской.

Для начала нового витка репрессий было объявлено, что ликвидирована лишь «верхушка» организации, от которой идут живые связи вниз, в население. На пленуме обкома партии в начале апреля 1938 года Жаднов говорил: «Враги, сидевшие в республиканских органах, в райкомах, не сидели сложа руки. Эти враги занимались насаждением своих людей и в наши первичные организации. Мы должны усилить свою работу на местах, в наших первичных организациях, в колхозах... Рука врагов в наших низовых организациях чувствуется очень здорово» (22, с. 11). Еще более «аргументированно» необходимость более широко развернуть репрессии среди рядовых тружеников, колхозников, не ограничиваясь только интеллигенцией (которая к этому времени была практически вся изъята), обосновал Карачаров: «Буржуазно-националистическую организацию мы в основном ликвидировали... Ликвидировано руководство организации. Но она за 20 лет пустила глубокие корни в деревне. Руководители — выходцы из деревни. Они насаждали повстанческие ячейки в деревнях... За последнее время мы поглубже опустились в колхозы и вскрыли, что в Оршанском, Куженерском, Ронгинском, Пектубаевском, Косолаповском районах десятки колхозов поражены повстанческим движением. В Ронгинском районе... есть одна деревня, по имеющимся материалам, если арестовать всех членов организации, то в деревне ни одного мужчины не останется, все завербованы в повстанческую организацию... Кроме повстанческих групп, на селе много еще другой контрреволюционной силы. У нас в деревнях еще остались семьи репрессированных, их жены, дети...»

Вот такая психопатическая чушь была руководством к действию. На ее основе давались задания районам, а потом строго спрашивали, подводя итоги по месяцам и кварталам.

Маховик репрессий в 1938 году крутился в полную силу, перемалывая всё новые и новые жертвы. А тем, кто с великим

удовольствием крутил его, не хотелось останавливаться, они всё больше взвинчивали морально-психологическую атмосферу террора. Зиновий Жаднов одно из программных своих выступлений весной того года закончил словами: «Нет сомнения, что сколько бы мы врагов ни изгоняли, сколько бы ни разоблачали, мы не будем иметь такого положения, когда можно сказать: «Ух, кончили!» Такого периода не будет» (23, с. 70).

Правда, февральский (1938 года) пленум ЦК ВКП(б), наряду с призывом и дальше усиливать борьбу с «врагами народа», предупреждал о перегибах на местах. В Марийской АССР в связи с этим несколько коммунистов, которых не успели арестовать после исключения из партии, были восстановлены в ее рядах. Пустили обратно в школы несколько изгнанных до этого учителей.

Сам первый секретарь обкома Жаднов тогда был в другом городе отнесен к «врагам народа», снят с работы, осужден и тоже расстрелян. А на смену ему из Москвы был привезен в Марийскую республику новый первый секретарь Василий Архипов. При нем все оставшиеся месяцы 1938 года практически ничего не изменилось в проведении репрессий.

Социально-экономические показатели работы республики были неважные. И видели в этом по-прежнему одну причину — результаты вредительской деятельности «врагов народа», «буржуазных националистов», «финских шпионов». Чтобы улучшить состояние дел, летом и осенью 1938 года масштабы репрессий в республике были не меньше, чем в предыдущем году. А положение все равно не улучшалось. В одном из выступлений Карачарова появилось какое-то прозрение (им самим, видимо, даже не осознанное).

«Республика ряд лет плетется в хвосте. Причина найдена — орудовали враги, орудовала контрреволюционная организация. Теперь... республика должна идти вперед быстрыми шагами. Но мы на сегодняшний день находимся в прорыве больше, чем находились в прошлом году. Как ни странно, если взять показатели 35-го, 36-го годов, когда орудовали заядлые враги, показатели были выше, чем показатели 38-го года, и на всех участках — лесозаготовки, сплав, сев... Выходит, товарищи, как ни странно, что вредители сидели заядлые, они, оказывается, работали лучше, чем мы, очистившиеся от этого элемента» (24, с. 19).

Но даже после таких трагически-правдивых слов он продолжал призывать «выкорчевывать» врагов.

А на культурном фронте? Там был полный разгром. Рас-

стрелян почти весь состав марийского театра во главе с первым профессиональным режиссером-мари, недавним выпускником ГИТИСа, учеником Мейерхольда Алексеем Маюк-Егоровым. Отправлен на 10 лет в лагерь и там сгинул выдающийся киноактер, на свою беду вернувшийся из Москвы в Йошкар-Олу,— Йыван Кырля (Мустафа в «Путевке в жизнь»). Союз писателей республики был ликвидирован. Марийские книги почти все были изъяты из библиотек и сожжены, в пединституте и педучилищах марийский язык изучали по газетам.

Рассматривая окровавленный клубок «дел» 30-х годов в Марийской республике, мы обнаруживаем, как уже было отмечено, одну характерную деталь. В большинстве обвинительных заключений содержится трафаретное утверждение (с небольшими вариациями) о том, что «на территории Марийской АССР раскрыта контрреволюционная угро-финская националистическая повстанческая организация, инспирируемая разведывательными органами Финляндии. Своей конечной целью организация выдвигала насильственное отторжение Марийской республики от Союза ССР и создание буржуазно-демократической федерации угро-финских племен под протекторатом Финляндии...»

По таким сфабрикованным обвинениям были репрессированы не только все те, кто как-то хоть чуть-чуть был знаком с финнами, но и много таких людей, которые совершенно не имели подобных связей.

Наряду с этим имеются материалы, рассказывающие непосредственно о финнах, волею судьбы на свою погибель оказавшихся в Марийском крае и здесь попавших в лапы НКВД как «шпионы» и «диверсанты».

В 1935 году на строительство Марийского целлюлозно-бумажного комбината в поселок Лопатино привезли оборудование, закупленное в Финляндии. А для его установки прибыл инженер Карл Нурми. В последующем в поселок прибыли еще несколько финнов. Все они затем были арестованы по обвинению в шпионаже и диверсиях.

Вот только одно дело № 4437, завершившееся 1 октября 1938 года вынесением «тройкой» НКВД Марийской АССР смертельного приговора всем восьмерым, проходившим по процессу. Среди них — 4 марийца, 3 финна и 1 эстонка. Все, кроме одного, арестованы без санкции. Репрессированные по этому делу марийцы волей служебных отношений или случайным проживанием по соседству были «связаны» с финнами. А эстонка Райс — Кособокова Мария Петровна, 1900 года рожде-

ния, уроженка деревни Генга Торской волости Эстляндской губернии, вообще жила далеко от Лопатина — в селе Коротни Горномарийского района, была домохозяйкой. В деле даже нет никаких сведений о ее «связях» с финнами, работавшими на Марбумкомбинате. Что касается ее «преступлений», есть только одно утверждение: она якобы имела задание в случае войны поджечь колхоз и распространять пораженческие слухи.

А финны были знакомы и общались между собой, часто встречались. Кто же такие были они?

Хаапалайнен Хейкки Иванович, 1884 года рождения, уроженец деревни Лапин-Сола Финляндии, с начальным образованием, из рабочих, мастер электромастерской Марбумкомбината.

Кималайнен Лаури Петрович, 1889 года рождения, уроженец города Кем Финляндии, из рабочих, малограмотный, работал в качестве арматурщика Марбумкомбината.

Ярвинен Элна Эвертовна, 1910 года рождения, уроженка города Котка, с неполным средним образованием, разнорабочая в городе Йошкар-Ола.

Хейкки Хаапалайнен был членом Компартии Финляндии, нелегально перешел (по версии НКВД — переброшен) в 1926 году в Советский Союз, работал в Кондопоге. В 1937 году перебрался («переброшен») на строительство Марбумкомбината.

Лаури Кималайнен — тоже политэмигрант, в Марийскую республику тоже прибыл с Кондопоги. Он был не один, прибыл с женой.

Эдит Алексеевна (по другим документам Александровна) Кималайнен родилась в деревне Райволи в 1892 году. С юношеских лет участвовала в социал-демократическом движении, в 1917 году оказалась в его левом, большевистском крыле. В следующем году участвовала в гражданской войне, инспирированной большевиками, вместе с мужем-красногвардейцем Лаури Кималайненом. В красногвардейском отряде Эдит была медсестрой, во время завершающих боев попала в плен и осуждена на 5 лет за участие в восстании против законного правительства. Отбывала наказание в Хельсинки, освобождена, по ее словам, в результате ходатайства Советского полпредства до истечения срока и некоторое время работала в полпредстве уборщицей. Установив связь с мужем, бежавшим в Советскую страну и жившим в Ленинграде, Эдит сумела оформить через Советское консульство визу для выезда в СССР и в 1926 году стала советской гражданкой и членом ВКП(б). Семья Кималайненов

сначала жила и работала в Ленинграде, затем в Карелии. И вот в 1937 году оказалась в Марийской республике.

Трудно сказать, что удерживало финских эмигрантов-коммунистов в Марийской республике, когда шли массовые аресты «финских шпионов» и «агентов». Может быть, они возлагали надежды на свою принадлежность к Коммунистической партии, на свои революционные, большевистские заслуги? Как знать... Но очередь неумолимо дошла и до них.

Арестовав Хаапалайнена, его обвинили в том, что он собирал шпионские сведения о целлюлозно-бумажном комбинате. Но не только. В этом же поселке Лопатино имелся крупный деревообрабатывающий комбинат, где директором был мариец Лебедев Филипп Федорович, тоже уже арестованный и проходивший по другому «делу». Следствие «установило», что Хаапалайнен завербовал его и получал от него нужные сведения. Одно время следователь заставлял Хаапалайнена признаться, что шпионские сведения он передавал финскому резиденту в Казани. Но в конце концов получателем этой информации была названа Элна Ярвинен, проживавшая в Йошкар-Оле.

На одном из допросов с пытками Хаапалайнен подписал «признание», что передавал Ярвинен шпионские материалы (правда, она это отрицала на очной ставке). А когда его спросили, когда и как он это делал и что именно передавал, он ответил: «Очень не помню, но кое-что сообщал».

Хаапалайнена заставляли признаться не только в сборе шпионских сведений и подготовке диверсионных взрывов на комбинате. В протоколе, подписанном им, записано, что группа марийских националистов готовила нападение на тюрьму, чтобы освободить политических заключенных, а Хаапалайнен совместно с эстонкой Васильевой-Савумяга Елизаветой Ивановной (проходившей по другому делу) готовился переправить освобожденных «националистов» в Финляндию.

Но и этого оказалось мало. Хейкки Хаапалайнена и Лаури Кималайнена следователи сумели увязать с «делом» марийского театра, арестованного почти в полном составе. По версии НКВД выходило, что режиссер А. И. Маюк-Егоров и артисты по заданию финнов готовили покушение на Н. И. Ежова во время предполагавшегося посещения им театра в дни празднования 15-летия марийской автономии. Но поскольку он тогда в Йошкар-Олу не приехал, то террористический акт решено было осуществить в Москве (действительно, тогда ставился вопрос о гастролях марийского театра в столице СССР).

Хаапалайнена и Кималайнена заставили признать такие по-

казания. Хотя на очных ставках многие из артистов утверждали, что даже никогда не видели этих людей, якобы поручавших им убийство Ежова, это ничего не значило.

Какие еще «преступления» совершили финские рабочие-коммунисты, волею судьбы, а вернее — своими идеологическими и политическими пристрастиями заброшенные далеко от родины? Во время одного допроса Хаапалайнена спросили: в чем заключалась шпионская деятельность Кималайнена? Ответ записан такой: «Я нисколько не сомневаюсь, что он является также шпионом финской разведки, как и я. Чем конкретно занимался он и с кем был связан, я не знаю. Но я это заключаю с того, что мы при неоднократных встречах на квартире и у меня и у него разговаривали про жизнь в Финляндии, что там жизнь много лучше, чем здесь». В свою очередь Кималайнен сказал о Хаапалайнене: «При неоднократных встречах со мной он говорил, что в Финляндии живут лучше, чем в СССР». Такие разговоры являлись большим преступлением.

Вкупе с остальными обвинениями это вылилось 1 октября 1938 года в одно страшное слово: «расстрелять». Приговор тогда же был приведен в исполнение.

И еще одна деталь, характеризующая те события.

Задним числом к делу № 4437 присоединена отдельно оформленная папка из нескольких листиков. Она, однако, по всем данным, имела самостоятельное значение и касается Эдит Кималайнен. Она тоже вслед за мужем была арестована без постановления об избрании меры пресечения, без прокурорской санкции на арест. В деле имеется лишь один протокол допроса. Из него видно, что она не признала себя виновной в том, что вместе с Карлом Нурми готовила взрыв электростанции, что вместе с мужем занималась шпионажем. Показания других она тоже отрицала. В отличие от других финнов, она получила не расстрел, а 10 лет лагерей.

Среди репрессированных в Марийской республике были также и другие финны: Эйно-Эдуард Ярвинен, Павел Хейкинен; эстонцы Павел Кок, Вольдемар Отас, Арнольд Сааль, Владимир Вийк, Август Каргас и другие.

Интересно также отметить, что заместителя директора Марбумкомбината Н. И. Тюрина репрессировали за «вредительство, умышленное затягивание пуска цехов, притупление революционной бдительности и покровительство врагам народа», а через некоторое время это было конкретизировано: Н. И. Тюрин и еще 15 человек, оказывается, были «куплены шпионскими организациями Эстонии и Финляндии». А затем и новый очередной

начальник строительства К. А. Галкин был исключен из партии и репрессирован как пособник «врагов народа» и «финских шпионов» Х. И. Хаапалайнена и А. П. Кималайнена.

В октябре 1938 года, через несколько дней после финских эмигрантов, «за участие в контрреволюционной угро-финской националистически-повстанческой организации и проведение вредительской деятельности, связь и пособничество агентам финской разведки» были расстреляны мариец М. Е. Никифоров, председатель Звениговского райисполкома (Марбумстрой находился на территории Звениговского района), еврей В. Д. Ханин, секретарь Звениговского райкома ВКП(б), и другие.

В начале 1939 года руководство партии и страны решило, что все же пора остановиться.

Сколько тысяч жителей Марийской АССР было уничтожено в ходе массовых репрессий 30-х годов? По инициативе общества «Мемориал» с 1991 года публикуются списки реабилитированных жертв репрессий. В них уже имеется около 9 тысяч фамилий. Но еще сотни «дел» не пересмотрены. По нашим предположениям, репрессии подверглись около 15 тысяч жителей небольшой Марийской республики (ее население по переписи 1939 года составляло 588 тысяч человек) (25).

Размеры трагедии, постигшей Марийскую республику, марийский народ в 30-е годы, и ее последствия трудно осознать и оценить.

Массовые репрессии 30-х годов для марийского народа были вторым великим катаклизмом за его многовековую историю. Первый состоялся во второй половине XVI столетия, когда во время московского завоевания был устроен настоящий геноцид и уничтожена по меньшей мере половина народа, в первую очередь — «лучшие люди» (по выражению русской летописи), т. е. феодализировавшаяся родо-племенная верхушка и другие активные участники национально-освободительной войны. А остались те, которые покорились и воспроизводили поколение за поколением население с колонизированным сознанием.

С начала XX века в народной психологии наступил определенный перелом: появилась небольшая группа национально мыслящей демократической интеллигенции, направившей свои усилия на пробуждение родного народа, его самосознания. И после 1917 года она продолжала культурно-просветительскую деятельность, воспользовавшись предоставленными для этого большевиками возможностями.

В 30-х годах наступил второй катаклизм, порушивший начавшееся было национальное возрождение народа. В республи-

ке, за полтора десятилетия добившейся немалых положительных результатов в становлении новой народной культуры, в формировании национальной интеллигенции, эти результаты национальной политики были подорваны, уничтожен цвет еще недостаточно в этническом отношении окрепшей народности, ее генофонд.

Культуре народа, его национальному самосознанию был нанесен такой удар, что последствия этого оказались необратимыми. Литература и искусство, в целом культура были отброшены далеко назад от достигнутых позиций.

Тысячи безвинно убиенных лучших сыновей и дочерей небольшого по численности народа — это само по себе громадная потеря. Но страшным последствием кровавого погрома стало и другое. Именно с той поры, когда была истреблена молодая марийская интеллигенция, радевшая за родную культуру, родной язык, и за это объявленная вражеской, страшным дамокловым мечом на долгие годы нависло над народом пугающее слово «национализм». Страх и оцепенение от репрессий 30-х годов долго не проходили, да и до настоящего времени ощущаются.

С уничтожением «националистов» в жизнь пришло совершенно новое поколение руководящих деятелей и «интеллигентов», не похожих на Ивана Петрова и Владимира Мухина, Сергея Чавайна и Тимофея Евсеева. Представители этой новой генерации — «интернационалисты», лишенные национального самосознания, за редким исключением, утверждали себя в общественной жизни отречением от национальных интересов, пренебрежением к языку, культуре народа, из недр которого вышли, но принадлежности к которому они стыдятся. Их усилиями в массовое сознание внедрен комплекс национальной неполноценности.

Был нанесен удар по идее финно-угорской общности. Научные связи не только финно-угроведов СССР со своими коллегами из Финляндии, Венгрии, Эстонии и других стран, но и внутри СССР надолго были парализованы. Только в годы хрущевской «оттепели» наступил новый этап сотрудничества родственных народов и их интеллектуальных сил. А в полную мощь это движение развернулось только в условиях «перестройки», демократизации и гласности, с конца 1980-х годов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Нилов Е.* Враги народа: истинные и мнимые// Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990.
2. *Хилтунен Р.* Ингерманландия — страна чухонцев// Независимая газета, декабрь 1990, № 8.
3. *Сануков К.* Трагедия// Марийская правда, 1991, 15—22 января.
4. *Виноградов В.* Карельское «дело». Тверь, 1991.
5. *Popov Alexandr.* Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930-е годы// Studia Slavica Finlandensia. Tomus IX. Helsinki, 1992.
6. *Куликов К. И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917—1937 гг.. Ижевск, 1993.
7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45.
8. Государственный архив Республики Марий Эл (в дальнейшем ГАРМЭ), фонд 1п (бывший партийный архив), опись 1, дело 481.
9. Архив Министерства Безопасности Республики Марий Эл. Архивное дело № 1761.
10. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 1, д. 825.
11. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 1, д. 728.
12. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 1, д. 802.
13. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 3.
14. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 221.
15. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 50.
16. Архив МБ РМЭ, арх. дело № 599.
17. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 114.
18. Архив МБ РМЭ, арх. дело № 377.
19. ГАРМЭ, ф. 95, д. 38.
20. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 196.
21. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 204.
22. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 206.
23. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 308, с. 70.
24. ГАРМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 309.
25. Большая советская энциклопедия. 2-е издание. М., 1954. Т. 26. С. 26.

Xenofont Sanukov

«FINNO-UGRIC FEDERALISTS» AND «FINNISH SPIES» (FROM THE HISTORY OF MARI EL OF 1930S)

Great terror of 1930s in the multinational country was closely connected with its national policy. In some national regions the so called «enemies of people» were also nicknamed «bourgeois nationalists».

The representaties of intelligentsia of Finno-Ugric Nations were considered to be «Finnish spies» and subject to repression as they wished to separate their republics and autonomous regions from the USSR and to join them to Finland or at the minimum to form «The United Federation of Finno-Ugric Nations under protectorate of Finland».

This problem is touched upon in the article on the basis of the Mari people background.

In 1931 «The case of Federalists» was formed and as a result of it some representatives of the old «bourgeois» intelligentsia who had begun their educational work among Russian people long before Revolution were convicted. Among them were: Valerian Vasilyev, Leonid Mendiyarov, Timofei Evseev and some others. It was also prohibited even to mention Finno-Ugric relationshi p.

The year of 1936 is famous for the beginning of terror on a mass scale. Around Vladimir Muchin an outstanding and popular writer, scientist and public man there was a fabricated «bourgeois — nationalistic organizaion» formed, which in 1938 was more often than not called as «Finno-Ugric» one. It was subject to repression, as well. In the republic with the population of half a million about 15.000 people were sentenced to death.

In the Mari Republic almost the whole national intelligensia was destroyed.

The culture of the Mari nation and its ethnic self-consciousness suffered great fatal losses.

The very word «nationalizm» became a sword of Damocles hanging over those who tried to act for the sake of cultural progress and native language development. As a result of repressions and moral and psychologic terror the so-called complex of national inferiority was instilled into mass psychology of the Mari people and other Finno-Ugric nations.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ФИТОФОРНЫЕ ОЙКОНИМЫ МАРИЙ ЭЛ И РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Республика Марий Эл расположена в лесной зоне Восточно-Европейской равнины. Занимая часть бассейна среднего течения Волги, Марий Эл разделяется рекой на два неравновеликих природных региона — Левобережье и Правобережье, которые представляют части двух почвенно-растительных зон: тёмнохвойно-широколиственных лесов южной тайги и северной лесостепи. Причём каждая из них по комплексу природных факторов делится на несколько ландшафтных участков, характеризующихся преобладанием определённых пород деревьев. Так, ландшафт елово-широколиственных лесов на Оршанско-Кокшагской всхолмлённой равнине севера центральной части республики определяется преобладанием сложных ельников с липой, иногда с дубом, а также вторичных лесов (березняков, осинников) на месте вырубленных ельников; в ландшафте южнотаёжных еловых лесов решающая фитомелиоративная и средообразующая роль принадлежит ельникам, с липой в подлеске и возникших после их рубок березнякам и осинникам; ландшафт дубравного правобережья Волги представлен дубово-липовыми насаждениями с вязом и ясенем, густым подлеском из ореха-лещины и типичным дубравным травостоем (11, с. 116, 121, 130).

Территория Республики Коми неоднородна по характеру рельефа. Основной фон территории республики определяет полого понижающийся к Северному Ледовитому океану равнинный и слабохолмистый рельеф Мезенско-Вычегодской и Печорской равнины, прерываемый средневысотными Уральскими горами и возвышенностями Северных Увалов Тиманского кряжа. Крайний северо-восток Республики Коми занимает тундра,

ры — около 6%, тайги — около 90%, лугов — более 1% (18, с. 9, 15).

В Марий Эл, по данным учёта лесного фонда, проведённого органами Комитета по лесу, по состоянию на 1 января 1988 года леса занимали 51% её территории.

В Республике Коми леса занимают 94% её территории (площадь Республики Коми 416,8 тыс. кв. км), причём 83% лесопокрытой площади приходится на долю хвойных лесов (18, с. 15).

Растительность лесов Марий Эл насчитывает около 120 видов древесных и кустарниковых пород, из которых лесообразующими являются сосна, ель, пихта, берёза, осина, липа, дуб, ольха. Потенциал природной флоры республики определяется также совокупностью других пород деревьев и кустарников. Так, непременными компонентами лесных сообществ являются клён остролистный, вяз, ильм, рябина, черёмуха, лещина (орешник), различные виды ив, жимолость, крушина, бересклет, можжевельник, шиповник, калина, бузина и др. Среди хвойных деревьев главная лесообразующая порода Марий Эл — сосна, на долю которой приходится 39,5% всей покрытой лесом площади; еловые и елово-пихтовые леса имеют меньшее распространение (на 16,3% площади лесов), 42,7% площади всех лесов занимают лиственные леса (1, с. 33-35).

Видовой состав древесной растительности Республики Коми определяют 8 видов хвойных и около 20 видов лиственных пород, отличающихся выносливостью и хладостойкостью. Главными лесообразующими породами являются ель сибирская, сосна обыкновенная и берёза. Из других хвойных пород выделяются пихта, лиственница и кедр (сибирская кедровая сосна), лесообразующая роль которых возрастает по мере приближения к Уралу.

Зональный тип растительности северной и средней тайги Республики Коми определяют тёмно-хвойные еловые и сосновые леса, южной тайги — сосновые и осиновые с липой в подлеске.

Весь многовековой уклад жизни марийского и коми народов, начиная с глубокой древности, был связан с лесами, что заставило их с большим вниманием относиться и к самим лесным угодьям, их особенностям и богатствам. Так, Н. В. Морохин, рассматривая экологические традиции нижегородских мари, отмечает, что ещё в начале XX века Е. Чириков писал: «При каждом доме черемисина вы найдёте сад из кудрявых берёз, дубков и рябины. От этого черемисская деревня всегда

кажется красивой, уютной, опрятной и чистой, чем и отличается от деревни русского мужика этого края» (15, с. 199—200). Далее он дополняет, что такими же марийские поселения виделись и А. Мельникову (15, с. 200).

В условиях лесного Поволжья, северной, средней и южной тайги северо-востока Восточно-Европейской равнины древнейшими отраслями хозяйства мари и коми были охота и рыболовство, бортничество и собирательство. Поэтому не случайно, что мари и коми имеют свою достаточно подробную классификацию животных и птиц, деревьев и кустарников, ягод, трав и грибов, характерных флоре и фауне средней и северной полосы Восточной Европы.

Об этом же свидетельствует наличие в диалектах марийского и коми языков развитой системы номенклатуры для обозначения основных типов лесов в зависимости от растущих в них хвойных и лиственных деревьев, от рельефа местности, приуроченности леса к определённому географическому объекту, величины и возраста леса и т. д. Ср., например, марийские названия лесов: *шӱргӧ* ‘лиственный лес’, *шем шӱргӧ* ‘тёмный лес; бор; чернолесье’, *ош шӱргӧ* ‘белый лес’, *чодыра* ‘лес’, *шӱргычодыра* ‘смешанный лес’, *пич чодыра* ‘дремучий лес’, *сип чодыра* ‘непроходимый лес’, *шиматы* ‘чернолесье’, *тыгыде чодыра* ‘мелколесье’, *тор* ‘чёрный лес с перелесками’, *ото* ‘роща’, *кожла* ‘лес’, *кожер* ‘ельник’, *шырлык* ‘густой, молодой лес’; *мышкар* ‘небольшой лес’, *крагат* ‘возвышенное место на болоте, заросшее зарослями кустарников и деревьев’ и т. д. (13, с. 49—51).

Известный коми учёный и писатель К. Ф. Жаков, отмечая коми-зырянские названия лесов, склоняется к весьма любопытной мысли: «Какое впечатление производит лес на зырянина, видно уже из того, с какой любовью относится он к нему и к его особенностям, какое обилие названий имеется для этих особенностей леса. Так, например, возвышенноровное место, покрытое елью, называется *парма*. Этим же именем называется невысокое место, сухое, покрытое елью и окружённое возвышенностями. Ровное место с елью называется *чётчкос*. Сырое место, где растёт берёза,— *йӧнӧд*, сухое место, покрытое берёзой,— *рас*; возвышенное место, где сосны,— *яг*, холмик, где сосны,— *дав*; холм среди пармы — *гринӧк*, террасовидное место — *керӧс* и т. д. Всё это отмечалось зырянином, изучалось с большой любовью, влияло на его душу» (3, с. 4). Кроме указанных К. Ф. Жаковым слов, в современных диалектах коми-зырянского языка существует ещё ряд лексем для обозначения разновидности леса; лесных массивов, приуроченных к

определённому рельефу местности; основных древесных пород в ландшафтном фоне: *вӧр* ‘лес’ (10, с. 133), *посни вӧр* ‘мелкий лес, подлесок’ (10, с. 133), *гулыд вӧр* ‘чистый лес, лес без подлеска’ (10, с. 133), *вӧр ді* ‘островок леса’ (10, с. 133), *вӧраин* ‘лесистое место’ (10, с. 133), *дав* ‘лиственный лес или роща на сухом месте’ (10, с. 183), *егыр* ‘заболоченный лес’ (10, с. 218), *егыр выв вӧр* ‘мяндовый лес’ (10, с. 218), *коръя вӧр* ‘лиственный лес’ (10, с. 306), *кывӧр* ‘мелкий лес на сыром месте, дальний лес’ (10, с. 348), *кыддза вӧр* ‘березняк’ (10, с. 349), *лёкин* ‘дебри, чаща’ (10, с. 374), *лявут яг* ‘молодой бор, бор с мелким лесом’ (10, с. 404), *мандач* ‘болотный сосняк, мяндовый лес’ (10, с. 409), *мутшкӧс вӧр* ‘густой лес; лес с подлеском, с подсадом’ (10, с. 437), *ниа вӧр* ‘лиственничный лес’ (10, с. 460), *ньыв пу вӧр* ‘пихтовый лес’ (10, с. 474), *оль* ‘смешанный берёзово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах’ (10, с. 489), *олькӧс* ‘мелкий, сырой лес’ (10, с. 489), *ӧтрӧстель* ‘поросль’ (10, с. 509), *пипу рас* ‘осиновая роща, осинник’ (10, с. 539), *пожӧмаин* ‘лес с сосновым лесостоем, сосняк’ (10, с. 546), *понӧль* ‘хвойная поросль; молодая ёлка, пихта (реже сосна)’ (10, с. 551), *сьӧрт* ‘низинный высокий ельник; сырое место в долине реки, поросшее кустарником’ (10, с. 660), *лыска вӧр* ‘хвойный лес’ (10, с. 395), *понӧляин* ‘место, поросшее хвойным молодняком; молодой ельник’ (10, с. 551), *пӧш* ‘молодой ельник, еловая поросль’ (10, с. 567), *рас* ‘роща; заросли’ (10, с. 595), *кыдз рас* ‘берёзовая роща’ (10, с. 349), *сьӧд вӧр* ‘дремучий лес’ (10, с. 656), *сёрд* ‘низинный ельник за полями’ (10, с. 619), *сора вӧр* ‘смешанный лес; разнолесье’ (10, с. 635), *сорнича* ‘бор-зелёномошник’ (10, с. 635), *сорнича яг* ‘сосновый бор с ельниковым подростом’ (10, с. 635), *сук вӧр* ‘частый лес, густой лес’ (10, с. 649), *тіль* ‘болотистое место с низкорослым сосняком; густые заросли сосняка; густой молодой хвойный лес’ (10, с. 675), *тод* ‘сырое место, заросшее кустарником и ёлками’ (10, с. 677), *тшем вӧр* ‘густой лес’ (10, с. 701), *тшӧкыд вӧр* ‘густой лес, частый лес’ (10, с. 702), *чагра* ‘кедровая чаща’ (10, с. 731), *яг* ‘сосновый лес, сосновый бор, сосняк (на сухом месте)’ (10, с. 819), *гойта* скр., *визӧд* лл., *визыд* л., *дзёвда* нв., *дзувкӧс* нв., *ӧгур* л.— ‘высокоствольный, гладкоствольный лес’ (23, с. 82), *гольыд* уд.— ‘тонкий и высокий, с чистою лесиною (о лесе)’ (23, с. 83), *гусьник* лет.— ‘еловая поросль’ (23, с. 94), *егыр* вс., вым., иж., нв., печ., уд., *егир* вв.— ‘болотистый лес, болотистое место с невысоким редким хвойным лесом’ (23, с. 118), *ельпиян* нв.— ‘еловая и сосновая поросль’ (23, с. 118), *ерсей, ерсейка* иж.— ‘болотистое место с невысо-

ким редким хвойным лесом' (23, с. 119), *кывӧр* уд.— 'сыроватое место с невысоким редким хвойным лесом' (23, с. 184), *манладз* л.— 'болотистое место с мелким и рыхлым лесом' (23, с. 217), *нёзь* уд.— 'сырая лесистая ложбина со мшистой почвой' (23, с. 239), *ниедз* вв., вым., *ниэдз* иж.— 'лиственничный лес' (23, с. 243), *ния вӧр выв* скр.— 'лиственничный лес' (23, с. 243), *новорос* уд.— 'поросль, молодой лес' (23, с. 243), *оль* вв., вым., нв., печ., сс., уд., *ольвыв* нв., *ольтас* печ.— 'согра, сырое травянистое место с мелким лесом' (23, с. 259), *козпиян* вс.— 'еловая поросль, елочки' (23, с. 287), *пожӧмпиян* вс., *пожымпиян* нв.— 'сосновая поросль, сосенки'; *понӧльпиян* вс.— 'еловая поросль'; *ельпиян* нв.— 'еловая и сосновая поросль' (23, с. 287), *пожӧмаин* скр., сс., *пожмӧдзин* л.— 'сосняк' (23, с. 290), *рада* иж.— 'болотистый лес' (23, с. 315), *сойим* иж., лет.— 'густой, труднопроходимый еловый лес на болотистом месте' (23, с. 342), *сӧгра* нв., уд., *согра* вым., иж.— 'болотистое кочковатое место с корявым ельником' (23, с. 344), *сузьӧм* л.— 'тёмный, дремучий лес' (23, с. 349), *татшыд* уд.— 'мелкий, невысокий (о лесе)' (23, с. 366), *хадылей* иж.— 'поросль, молодой лес' (23, с. 402), *чагра* печ.— 'дикое место, поросшее кедровым лесом' (23, с. 403).

Нетрудно заметить, что в приведённых примерах среди многочисленных финно-угорских, а также собственно марийских и коми слов элементы иноязычного происхождения занимают незначительное место. Все эти обстоятельства в определённой степени обусловили возникновение фитофорных ойконимов. По названиям наиболее распространённых хвойных и лиственных пород деревьев и кустарников получили имена многие селения Марий Эл и Республики Коми. Десятки фитофорных гидронимов можно обнаружить среди географических названий указанных республик. В таких случаях сначала возникло название реки, а потом уже её наименование переносилось на селение, появившееся на её берегу. В этом отражена та особая роль, какую играют растительный мир и реки в жизни народа. Общее число селений Республики Марий Эл, в названиях которых содержится флористическая лексика, по данным справочника «Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1-е мая 1952 года» (Йошкар-Ола, 1952) составило 157, т. е. 6,01% от общего числа — 2612 населённых пунктов республики.

Коми ономастика не имеет статистических данных по количественному составу фитофорных ойконимов.

Фитофорные ойконимы Марий Эл делятся на две группы: первая, содержащая названия лиственной породы деревьев и кустарников,— 105 селений (4,02%), вторая, образованная от названий хвойной породы,— 52 населённых пункта (1,99%). Как явствуют цифровые данные, названия селений, образованные от наименований лиственной породы деревьев и кустарников, превалируют над названиями хвойных пород, хотя на общем фоне растительного мира Республики Марий Эл преобладают сосновые, еловые и елово-пихтовые леса. Они занимают 55,8% всей лесной площади республики.

Что касается конкретного фитонима, то в ойконимообразовании активное участие принимают синонимичные лексемы *пӱнчӧ*, *якте* ‘сосна; сосновая’ и от них производные *пӱнчер*, *яктер* ‘сосновый бор’, а также русское слово *сосновка* — 28 названий, что составляет 1,07%. Районом сосновых лесов является Заволжская песчаная низменность. Площадь, занятая сосняком, в Марий Эл составляет 418,6 тыс. га (1, с. 33).

Марийское *пӱнчӧ* восходит к древнему уральскому названию сосны * *репӡӓ* // * *реӡӓ* (24, с. 160).

В диалектах коми языка наименование этого дерева имеет следующие фонетические разновидности: вс., вым., л., печ., скр., сс., уд. *пожӧм*, вв., иж. *пожем*, вв., лл. *пожом*, нв. *пожым* (23, с. 290).

Апеллятив *пӱнчӧ* и его производное *пӱнчер* встречается в 20 ойконимах Марий Эл, включая официальные и неофициальные названия. Ср., например, официальные и неофициальные названия деревень и их русский перевод: *Пинжиял — Пӹнжӹйӓл* ‘Сосновка’ (Юринск. р-н), *Сосново — Пӱнчерсола* (Медведевск. р-н), *Пиньжедур — Пӱнчыдӱр* ‘Край сосняка’ (Моркинск. р-н), *Пунчерюмал — Пӱнчерйымал* ‘Подсосновье’ (Куженерск. р-н).

Ср. также коми ойконимы, содержащие апеллятив *пожӧм* ‘сосна, сосновый (*-ая, -ое*)’: *Пожмадор* (Прилузск. р-н), где *пожма* ‘сосновый (о боре)’ + *дор* ‘место возле, около чего-либо’. *Пожмадор* — место около р. Пожма (Сосновой.— *А. К.*) (26, с. 91); *Пожӧмаяг* (Прилузк. р-н) — *пожӧма* ‘сосновый’ + *яг* ‘бор’ (18, с. 78); *Пожемаяг* (старое название посёлка Черёмуховский — Прилузск. р-н) — ‘Сосновый бор’ (18, с. 130). Кроме того, в справочнике административно-территориального деления Республики Коми, составленном по состоянию на 1 августа 1992 года с учётом изменений, происшедших с 1 января 1986 года, представлен 1 ойконим, содержащий русский апеллятив *сосна* (18, с. 51) — *Сосногорск* (Сосногорск. р-н).

Географических названий с апеллятивом *якте* ‘сосна; сосновый (*-ая, -ое*)’ и от него производных в 1952 году в Марий Эл числилось 4, например: дд. *Яктансола* (Селение с соснами) — Еласовск. р-н, *Яктерлӱвал* (Подсосновье) — Звениговск. р-н, *Лап Йӓктерлӓ* (Сосняк на низине) — Горномарийск. р-н, *Тырӹнь Йӓктерлӓ* (Сосняк на косогоре) — Горномарийск. р-н.

Марийское *якте* ‘сосна; сосновый (*-ая, -ое*)’ восходит к урало-алтайскому источнику, ср. маньчж. *jakdan*, орок. *ǯagda* ‘сосна’ (2, с. 137), тунг. *ǯagda* ‘сосна’, гольдск. (устаревшее название нанайского языка) *ǯagda*, маньчж. *jakdan* ‘ель’ (33, с. 122). В коми-зырянском языке им соответствует слово *яг* ‘сосновый лес, сосновый бор, сосняк (на сухом месте)’. См., например, названия селений с апеллятивом *яг*: *Яг* ‘Боровая’ (Усть-Вымск. р-н), 3 деревни с названием *Ягдор* ‘На краю соснового бора или возле сосняка’ (Сысольск. р-н), *Ягкедж* (Усть-Куломск. р-н) — *Ягкӧдж* ‘Боровая излучина’ (26, с. 137), *Ягъёль* ‘Боровая речка’ (Интинск. горсовет), *Ягыб* ‘Боровая возвышенность’ (Сысольск. р-н), *Гажаяг* ‘Красивый бор’ (26, с. 25).

Что касается семантики коми-зырянского слова *яг*, то она, очевидно, является более поздней, развившейся из первоначального *сосна*. Сравните аналогичное семантическое развитие марЛ *кожла* ‘ельник, еловый лес’ ⟶ марВ *кожла* ‘лес вообще’. В восточномарийском диалекте произошло расширение первоначального значения, см. также развитие немецкого *Forst* ‘лес’ из первоначального *forhist* ‘сосновый лес’ (16, с. 59).

В «Этимологическом словаре уральских языков», где рассматриваются хант. *juɣ, juχ* ‘дерево’, манс. *jIw, jiw, juw*, самод. (Юрак.) *je?* ‘сосна (дерево)’; сельк. *tjō, tjööl-pu, tjye, kye, čwé* ‘сосна’ (*pu* ‘дерево’); кам. *dw, dō* ‘ель, сосна’; койб. *džä* ‘ель’; мотор. *tčia*; тавг. *džä* приведено и марийское слово *jäkte* ‘ель’ (в действительности же *сосна — А. К.*), однако при этом указано, что по причине фонетического несоответствия, т. е. наличия инлаутного консонантного сочетания *кт* — оно сюда не относится (35, с. 107).

Сравнение их смыслового содержания показывает, что обско-угорско-самодийские слова соотносительны с марийской лексемой *якте*. Более уместным представляется включение марийского слова в вышеуказанное этимологическое гнездо, если учесть эволюцию инлаутного звукосочетания *-кт-* в уральских языках, сохранившись в саамском и большинстве слов марийского и удмуртского языков, в других оно подверглось существенным изменениям, поэтому следы его в современных уральских языках и их диалектах выступают не как однозначные

соответствия, а как разные согласные звуки, ср. эст., фин. *ks, ht*; саам. *кt*; морд. эрз ВК морд. мок. *f, к*; мар. *кt, к*; удм. *кt, к*; коми *к*; *t*; хант. *t, vэt*; манс. *t, t'*; венг. *t (tt)*; нен. *t, δ*; нган. *t*; энец. *d, r*; сельк. *d, t, tt*; кам. *d* (32, с. 18). Ср., например, слова родственных языков: мар. *лекташ, лäктäш* 'выходить', фин. *länteä* 'уходить, удалиться', удм. *лыктыны*, коми-зыр. *локны, локні, лакны* 'идти, приходить, прийти, прибыть; ехать, приехать' (23, с. 201), хант. *lügət* — 'уходить' (14, с. 160); хант. *lüɣəttä* 'выйти; вылезти; выбраться' (25, с. 219).

Апеллятив *кожла* 'ельник' встречается в 24 ойконимах, что составляет 0,91% от общего числа населённых пунктов Республики Марий Эл. *Кожла* является производным от слова *кож* 'ель', имеющего диалектную разновидность *коз*, которая бытует в малмыжском говоре. Марийские варианты исторически восходят к лексическому слою урало-алтайского периода, ср. гомогенное коми-зырянское слово *коз* 'ель', сельк. лексему *кут* 'ель', а также тунг.-маньчж. * *кʻasi-кta*, монг. *qusi* 'ель' (29, с. 165).

Этот апеллятив лежит в основе гидронима *Козлаю*, р., лев. приток Печоры, что в переводе на русский язык означает: «река, протекающая по ельнику» (26, с. 47).

Кроме того, в номинации селений Республики Коми участвуют названия других хвойных деревьев. Так, лексемы *ниа* 'лиственница', *ниедз* 'лиственничный лес' встречаются в следующих ойконимах: *Ниашор* 'Лиственничный ручей' (Сысольск. р-н), *Ниедзёль* 'Река, протекающая по лиственничному лесу' (Адзьвинский сельсовет, административно подчинённый горсовету Инты). Однако указанные селения исключены из учётных данных 17 сентября 1974 года (18, с. 118, 133). Следует при этом отметить, что лексема *ниедз* зарегистрирована в верхневычегодском и вымском диалектах коми-зырянского языка (23, с. 241).

Этимологические нити коми названия лиственницы уходят к лингвистическим данным обско-угорских языков (14, с. 190), ср. манс. *нях, них, нихйив* 'лиственница' (12, с. 63), хант. *нак. нaпк* 'лиственница' (22, с. 50).

Марийское название этого дерева — *лыстанпӱнчӧ*, т. е. сосна, у которой опадают иглы как листья у лиственных пород деревьев.

Лексема *ньыв* 'пихта' усматривается в гидрониме *Ньывсеръю*, имеющего варианты: *Ньывсер (Нившера)*. Анализируя его семантическое содержание, А. И. Туркин обращает внимание на то, что авторы «Краткого этимологического словаря коми язы-

ка» в названии этого речного объекта выделяют слово *ньыв* ‘пихта’ или *ньыв, ньывк* ‘пологий, покатый’ и формант *сер* в самостоятельном значении ‘река’. Отмечая при этом, что в современном коми языке нет слова *сер* со значением ‘река’, он тем не менее склоняется к выводам авторов словаря и констатирует, что *Ньывсер* означает «пихтовая река» или «плавнотекущая река» (26, с. 79).

Однако более вероятной считается иная гипотеза: *сер* является остаточным элементом слова *сёрд* ‘хвойный лес в низменной местности’, его фонетическая модификация произошла после отпадения конечного согласного *д*. *Ньывсёрд* — пихтовый лес на низине. Предполагается, что река *Ньывсеръю* получила своё имя в верховье. Она «берёт начало в южной части Тиманского кряжа в болотистой местности у подножья Очпармы» (26, с. 79). Следовательно, *Ньывсеръю* — река, текущая по пихтовому лесу, находящемуся на низине.

Лексема *кедр*, встречающаяся в отдельных топонимах Республики Коми, характеризуется как русское проникшее слово, ср. исконно коми слово *суспу* ‘кедр’, имеющее этимологические соответствия в удмуртском, обско-угорских и самодийских языках (14, с. 267). См. примеры топонимов с апеллятивом *кедр: Кедрӧвӧй Шор* (Кедровый Шор) — Печорск. р-н (18, с. 145), д. *Кедровка* и с. *Троицко-Печорский* объединены в один населённый пункт, как слившиеся (18, с. 133).

Кедр сибирский (сибирская кедровая сосна) не является повсеместно распространённым деревом. Это хвойное дерево широко представлено во флоре Сибири и северо-востока Восточной Европы. Среди древесных пород Марий Эл кедр отсутствует, поэтому в марийском языке нет и исконного слова для обозначения этого могучего дерева.

Следовательно, возникновение фитофорных ойконимов во многих отношениях обусловлено природными растительными ресурсами Марий Эл и Республики Коми.

Что касается названий лиственных пород, то в ойконимообразовании заметную роль играет фитоним *тумо* ‘дуб, дубовый (-ая, -ое)’ и от него производное *тумер* ‘дубрава’.

Исследователи единодушны в мнении, что древняя родина мари находилась на правобережье Волги (6, с. 35), где расположена Приволжская возвышенность — всхолмлённо-увалистая возвышенная равнина, некогда покрывавшаяся дремучими дубравами, а теперь из-за многовековой хозяйственной деятельности людей представляющая собой занятые преимущественно полями обширные лесостепные пространства (27, с. 212).

Дубравы в настоящее время встречаются на возвышенных местах правобережья, изрезанных оврагами Суры и Волги, в левобережье сохранились лишь небольшие дубовые рощицы в окрестностях г. Йошкар-Олы, Шелангера и в районе Кленовой горы, а одиночные дубы огромных размеров можно увидеть также в северо-восточных районах Марий Эл.

Апеллятив *тумер* 'дубрава, дубняк, дубовая роща', русские *дуброва, дубровка* и другие варианты, а также чувашская лексема *юман* 'дуб, дубовая' зафиксированы в 22 ойконимах (0,84%) Республики Марий Эл.

Слово *тумо* 'дуб, дубовая' не имеет диалектных различий в марийском языке, лишь в горном наречии оно выступает в усечённой форме, ср. марГ *тум*. Марийские *тумо, тум* ставят в один ряд с семантически идентичными словами других финно-угорских языков: эрз. *тумо*, мокш. *тума*, фин. *tammi*, эст. *tamm*, коми-зыр. *тупу*, удм. *тыпы* 'дуб' (30, с. 104; 14, с. 286). При этом, однако, следует заметить, что пермские названия *тупу* и *тыпы*, как полагает Ф. Кеппен, переиначены из дуба. В круг финно-волжских соответствий он включает также вод. *tammi*, лив. *tam, täm* (7, с. 16).

Дуб не встречается в лесах Северной России; северной границей произрастания дуба обычно считают 58-ю параллель. Однако в Финляндии эта граница заходит немного севернее (27, с. 9). Этим объясняется отсутствие названий селений с апеллятивом *тупу* 'дуб' в ойконимиконе Республики Коми.

Обширную площадь занимает *березняк*, на долю которого приходится четвёртая часть лесной площади Республики Марий Эл.

Апеллятив *куэр* с вариантом *кугила* 'березняк, берёзовая роща', включая русские слова *берёзовый, березники* и другие варианты, фигурируют в 18 ойконимах Марий Эл, что равняется 0,69%. Марийские *куэ, куги* не имеют генетической связи с коми лексемой *кыдз* 'берёза; берёзовый (-ая, -ое)'. Коми-зыр. *кыдз пу* находится в родственных отношениях с удм. словом *кызьпу* 'берёза; берёзовый (-ая, -ое)'. См., например, коми ойконимы с апеллятивом *кыдз: Кыдздино (Кыдздін)* 'Место у берёзы' (Княжпогостск. р-н) (26, с. 57), *Кыдзкар* (офиц. Брыкаланск) — 'Селение (город) в березняке' (Ижемск. р-н), *Кыдзрасъю* — населённый пункт на р. Сыне (10, с. 832) — 'Река, протекающая по березняку', п. *Кыдзрасді* 'Островок березняка' (Печорск. р-н) исключён из учётных данных 12 мая 1972 года (18, с. 119).

Апеллятив *писте* с фонетическим вариантом *пиште* 'липа, липовый (-ая, -ое)', а также русская лексема *липа* бытует в 15

ойконимах Марий Эл, что составляет 0,57% . Большие участки липового леса имеются в Советском, Медведевском, Моркинском, Мари-Турекском и Горномарийском районах республики (5, сс. 38—40).

Слово *писте* в марийском языке является лексическим наследием финно-волжской языковой общности и не имеет коми соответствия. В коми-зыр. для обозначения липы употребляется слово *нинпу*, имеющее генетические связи с марийской лексемой *ний* 'лыко', от которой образован фитоним *нымыште* (*нийым + ышташ* 'драть лыко') 'молодая липа, годная для сдирания лыка'. Как указывается в «Кратком этимологическом словаре коми языка» (Москва, 1970), первоначально коми-зыр. *нинпу* 'осмысливалось как дерево, с которого снимают лыко' (14, с. 192).

На этом фоне представляется интересным, что в диалектах марийского языка бытует немало слов для обозначения возраста дерева, ср.: марЛ *тырке*, кр.-уф. *тӹркэ* 'молодая сосна' — марЛ *пӱнчӧ*, кр.-уф. *пӱн'д'ж'ӧ* 'сосна, старая сосна'; марСЗ *кäзäнкӹ куе*, кр.-уф. *чäшкä* 'молодая берёза' — марСЗ *куе*, марЛ, кр.-уф. *куэ* 'берёза, старая берёза' и др.

У манси, например, деревья распределяются на мужские и женские и по этому признаку определяется их принадлежность к тому или иному духу. Так, *кедр* (манс. *тӑт*) — дерево женщины; лиственница (манс. *них, нихӣв, нях*) — дерево лесных людей, это могучее дерево, как и сами лесные великаны — силачи; *сосна* (манс. *тӑрей*) — дерево богатырей (19, сс. 73—74).

Апеллятив *нинпу* не участвует в номинации селений Республики Коми. Это обстоятельство объясняется, видимо, тем, что липа не растёт севернее 63-й параллели (27, с. 9).

Лексема *шопкер* с вариантом *шапкила* 'осинник, осиновая роща' и русское слово *осиновый* (*-ский*) фигурирует в 11 ойконимах Марий Эл, что равняется 0,42% . Осиновые леса, подобно берёзовым, быстро заполняют вырубки и пустыри. Значительные массивы осинников находятся в междуречье Большой и Малой Ошлы на территории Оршанского района, немало осинников и на северо-востоке республики, встречаются они также и в правобережье Волги, на месте вырубленных дубрав (5, с. 40).

В этимологическом отношении слово *шопке* 'осина, осиновый (-ая, -ое)' восходит к финно-волжскому пласту лексики, ср. слова родственных языков: саам. (Луулая) *sūɔ̄rē̄ɛ*, (Норвегия) *suppe*, эст. *haab*, вепс. *hab*, фин. *haapa* (33, с. 46), поэтому оно не имеет коми соответствия. В коми-зыр. *осина* именуется

лексемой *пиру*. Однако она не встречается в названиях населённых пунктов, очевидно, из-за того, что около 83% лесопокрытой площади Республики Коми занимают хвойные леса (18, с. 15).

Апеллятив *шоло* 'вяз; вязовый (-ая, -ое)' и от него производные участвуют в образовании 8 ойконимов Марий Эл, что составляет 0,31%. Марийское название вяза не имеет коми соответствия, хотя восходит к финно-угорскому слою лексики. В коми-зырянском языке *вяз* обозначается словом *сирпу* (20, с. 100).

Вяз обыкновенный (Ulmus laevis Pall.) растёт в широколиственных и смешанных лесах, а также в поймах рек средней и северной части лесной зоны Восточной Европы (за Урал не переходит), чистых зарослей обычно не образует (31, с. 157). В силу этих обстоятельств, видимо, лексема *сирпу* не участвует в номинации селений Республики Коми.

Апеллятив *ломбо* 'черёмуха; черёмуховый (-ая, -ое)' зафиксирован в 8 названиях Марий Эл, что равняется 0,31%. Черёмуха встречается по всей территории республики. Растёт по сырым местам, по берегам рек, ручьёв, озёр, в лесных оврагах, на опушках и полянах, реже — полях; предпочитает достаточно влажные, богатые азотом, плодородные почвы (4, сс. 241—242). В прибрежной полосе Ветлуги растёт черёмуха поздноцветущая, зацветающая на месяц позже типичной формы (31, с. 203).

Диалектными вариантами названия черёмухи в марийском языке являются марЛ, В *ломбо*, марГ *ломбы*, марСЗ *лампы*. В современных финно-угорских и самодийских языках название черёмухи этимологически восходит к древнему уральскому слову **δ̮̄me (δ'ōme)* 'Ahlkirsche', имеющему соответствия в алтайских языках, ср. тюрк. *jumurt*, монг. *ǯimugusun* (33, с. 211; 29, с. 162; 14, сс. 164—165).

В пермских языках черёмуха именуется словом *льӧм-пу* (*пу* 'дерево'). В диалектах коми-зырянского языка встречаются также названия *льӧм бадь*, *льӧм кус* 'черёмуха (дерево)' (23, с. 209). Коми апеллятив *льӧм* принимает активное участие в топонимообразовании, ср., например: *Льӧм (Лем)* — название левого притока р. Вычегды и населённого пункта на р. Вишере; *Льӧмва (Лемва)* — приток р. Усы; *Льӧмпуа (Лемпуа)* — починок в Сыктывдинск. р-не; *Льӧмпуа Шор (Лемпуа-Шор)* — починок в Сысольск. р-не; *Льӧмъю (Лемъю)* — название притока Печоры и железнодорожной станции (10, с. 833); железнодорожная станция *Льӧмью (Лемъю)* исключены из учёт-

ных данных 31 августа 1976 года (18, с. 123); *Льӧмты (Лемты)* — 'Черёмуховое озеро' (Вуктыльск. р-н); *Льӧмтыбӧж (Лемтыбож)* — Вуктыльск. р-н; *Льӧмью (Лемъю)* — 'Черёмуховая река' (Княжпогостск. р-н); населённый пункт *Льӧмъю (Лемъю)* включён в состав города Сыктывкара 3 мая 1983 года (18, с. 116).

Лексема *пӧкшерме* 'орешник', а также русские *Ореховка, Орешкино* и другие варианты, возникшие от слова *орех, орешник* встречаются в названиях 5 селений, что составляет 0,19% от общего числа населённых пунктов Марий Эл.

Растёт лещина на склонах оврагов смешанных и лиственных лесов, на опушках и полянах, образуя подлесок различной густоты. Предпочитает нормально увлажнённые почвы, преимущественно кисличных и снытевых типов. Часто лещиной зарастают вырубки, при этом её спутниками являются липа, клён, вяз, рябина, берёза и другие породы деревьев (9, сс. 51—52).

Марийское слово *пӧкшерме* этимологически восходит к финно-пермскому архетипу **päšкз* 'орех, лесной орех'. От него же произошли удмуртские диалектные варианты, ср., например: *puš-pu* 'орешник лесной', *paš-pu* 'кустик лесного ореха', *puš-muli, puš-mol'i* 'лесной орех' (*muli, moli* 'ягода, орех') (35, сс. 726—727).

В коми-зырянском языке для обозначения *орешника* употребляется заимствованное русское слово *орешки*, то же, что *орехи*, ср., например, их коми «сородичей»: *ӧрешки, ӧрек* 'орех'; *ӧрешки пу* 'орешник'.

Апеллятивы *лӧлпан* 'ольховый (-ая, -ое)', *лӧпер, нӧлпер* 'ольшняк', производные от *лӧлпӧ // нӧлпӧ* 'ольха; ольховый (-ая, -ое)' встречаются в 4 названиях, что равняется 0,15% . Марийские варианты соотносительны с коми-зырянскими диалектными формами: *лолпу* вв., лл., печ., *ловпу* нв., уд., *лоопу* вв., вым., *лопу* вс., л., скр., сс. (23, с. 202).

А. И. Туркин в гидронимах типа *Лоптюга, Лопью, Лопья (Лопью)* и подобного рода других усматривает устаревший этноним *лопь* (совр. саам). *Лоптюга*, по его мнению, означает «саамская, лопарская река» (26, с. 63). Такая семантическая модель может быть вполне реальной, и она во многих случаях подтверждается не только чисто лингвистическими, но и этноисторическими данными. Такого рода гидронимы могли возникнуть в местах раннего пребывания саамов.

Однако гидроним *Лопъю* — назв. нескольких речек: лев. притока р. Нившеры; лев. притока р. Вычегды; прав. притока р. Сысолы, впадающего в неё около Койгородка; прав. притока р.

Сысолы, впадающего в неё около населённого пункта Ибы; лев. притока р. Локчима; притока р. Лузы, а также ойконим *Лопъю* — населённый пункт на р. *Лопъю*, притоке р. Сысолы — могут быть фитофорными, т. е. образованными от слова *лопу*, которое бытует в верхнесысольском, лузском, присыктывкарском, среднесысольском диалектах коми-зырянского языка (23, с. 202). Всё это позволяет предполагать, что гидроним *Лопъю* расшифровывается как *Ольховая река*, а одноимённый ойконим — как «Селение при Ольховой реке». Поэтому подобного рода топонимы, содержащие элемент *лоп*, коми лингвисты должны чётко разграничивать: какие названия восходят к этнониму, а какие образованы от фитонима *лопу*. При этом, однако, следует подметить, что устранение конечного гласного *у* произошло при словосложении с целью устранения артикуляционной аттракции. Кстати говоря, гидронимы, образованные по модели: название дерева + река, относятся к числу продуктивных типов топонимов Республики Коми, ср., например: *Льӧмъю (Лемъю)* — 'Черёмуховая река' — 3 географических объекта; *Бадьёль (Бадьёльск)* — 'Тальниковый (лесной) ручей' и др.

Любопытно также отметить, что ольха серая, или белая (Alnus incana (L.) Moench.) распространена по сырым заболоченным местам от границы лесотундры до лесостепи. Растёт в горах Главного Кавказского хребта, встречается в Западной Сибири до Иртыша (31, с. 189). Ольха чёрная (Alnus glutinosa (L.) Gaertn.) распространена в лесной зоне Европейской части России, местами в Западной Сибири, Крыму, на Кавказе. На север заходит по линии Петрозаводск — Пермь (31, сс. 189—190; 4, сс. 151—152).

Апеллятив *шоптыр* 'смородина; смородиновый (-ая, -ое)', а также татарское слово *карлыган* с тем же значением, что и марийское слово, бытуют в названиях 3 селений (0,11%) Республики Марий Эл.

Марийская лексема *шоптыр* исторически восходит, видимо, к сравнительно поздним, а не ранним пластам финно-угорской лексики. Она не имеет соответствий в мансийском и венгерском языках, в коми-зырянском ей соответствует слово *сэтӧр* 'смородина; смородиновый (-ая, -ое)'.

В справочнике «Республика Коми. Административно-территориальное деление на 1 августа 1992 года» (Сыктывкар, 1992) не значится ни один ойконим с апеллятивом *сэтӧр* 'смородиновый (-ая, -ое)'. Это слово, вероятно, легло в основу микротопонимов пермских языков, ср., например, удм. *сутэрн'ук* (Можгинск. р-н), *сутэрон'ук* (Увинск. р-н) (8, с. 126).

Апеллятив *шӓртньы* 'верба; вербный (-ая, -ое)' зафиксиро-

ван в 1 ойкониме, что равняется 0,04%. Верба распространена почти по всей Европейской части России и в Западной Сибири вдоль рек (31, с. 169). В Марий Эл верба растёт повсеместно на сырых местах, по берегам рек, ручьёв, разводится около жилья, в парках и вдоль дорог.

Лексема *шӓртньы* этимологически восходит к лексическому слою финно-волжской языковой общности и не имеет коми соответствия. В коми-зырянском языке *верба* именуется лексемой *бадь* (20, с. 53).

Марийское слово *шертне* 'верба' В. И. Лыткин под вопросом старается сблизить с коми-зырянским (уд.) словом *сорма* 'роща' (14, с. 261). Однако совершенно очевидны не только фонетическое различие, но и семантическое расхождение указанных слов, поэтому об их генетических связях не может быть и речи.

В справочнике «Республика Коми. Административно-территориальное деление на 1 августа 1992 года» (Сыктывкар, 1992) представлены 3 названия с апеллятивом *бадь* 'ива, тальник, верба': *Бадьёль* — населённый пункт в Троицко-Печорск. р-не (18, с. 89), *Бадьёль (Бадьёльск)* — деревня в Усть-Куломск. р-не (18, с. 102), д. *Бадья* исключена из учётных данных 21 октября 1986 года (18, с. 129).

Нельзя не отметить в этой связи, что название *ветлы* в разных диалектах коми-зырянского языка звучит по-разному, ср. *байд* нв., уд., *байдь* уд., *паӆа* иж., *пача бадь* иж. — ива, верба; *ляк бадь* вв., л., печ., скр., *ляк байд* нв., *ляк байдь* уд. — стелющаяся ива (20, с. 55; 23, с. 16).

Апеллятив *ӱэ* 'ветла' бытует в 1 названии Марий Эл, что составляет 0,04%. Ветла легко отличается от вербы своими серебристо-пушистыми молодыми побегами, красновато-жёлтыми, острыми шелковистыми почками и серебристошелковистыми ланцетными листьями (31, с. 156). Серёжки у ветлы цилиндрические, жёлтые, расцветают одновременно с распусканием листьев и сидят на облиственных веточках (9, с. 57). Растёт по всей территории Республики Марий Эл, часто разводится вокруг водоёмов, по обочинам дорог, используется в посадках у жилья.

Название для ветлы в диалектах марийского языка имеет следующие варианты: марЛ *ӱепу*, марВ,Г *ӱэ*, волж., й.-ол. *эпу*. Кроме того, восточномарийские говоры имеют и другие разновидности, среди которых можно назвать *ӱйангэ, ӱйӓнгы, ӱйэнгэ*. М. Рясянен мар. *ӱйангэ, ӱйӓнгы* 'ива' квалифицирует как татарское заимствование (33, с. 520), ср. тат. *өянке* 'ветла', башк. *өйәңке* 'ветла'.

Следует заметить, что в удмуртском языке имеется лексема *уйпу* ‘ветла, козья ива’, которая приводится В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым в качестве соответствия к коми лексемам *ойпу, войпу* ‘сухая боровая сосна’, собственно ‘кондовое дерево’. Здесь же даётся реконструированный общепермский архетип **ӧj-pu* ‘вид дерева’, ‘чахлое дерево’. Любопытно при этом отметить, что дистанция между реконструктом и словами современных пермских языков весьма большая, поэтому транспозиция в общепермскую эпоху не является гарантией для реконструкции их реального значения. К тому же следует добавить, что наряду со словами пермских языков приводится под вопросом марийский фитоним *ӱeny* ‘ветла’ (14, с. 204).

Однако совершенно очевидно, что сближение удм. слова с коми-зыр. основано на схожести их фонетического облика, а значительные расхождения в семантике соотносимых слов не привлекли, видимо, к себе должного внимания. Исходя из анализа их смыслового содержания, можно полагать, что они имеют иные генетические истоки. Причём удмуртскую лексему *уйпу* ‘ветла, козья ива’ по семантическим основаниям можно ставить в один ряд с марийскими словами, для которых реконструируется корень **ӱjä-*. Представляется, что форма *ӱeny* получилась в результате замены тюркского сочетания согласных с исходным гласным *е* марийским словом *ну* ‘дерево’, имеющим гомогенные связи с лексемами родственных языков, ср. удм., коми *ну*, фин., эст. *puu*, венг. *fa* ‘дерево’.

Лексема *ошко* ‘тополь чёрный (осокорь)’ участвует в номинации 1 селения, т. е. 0,04%. В коми-зырянском языке это дерево обозначается лексемой *оржы* (17, с. 77), которая имеет генетические связи с удмуртским словом *урыжпу* ‘тополь чёрный (осокорь)’ (21, с. 615).

Апеллятив *ошко* наличествует и в топонимиконе Нижегородской области, ср. названия марийских селений: с. *Большие Ошкаты*, д. *Малые Ошкаты* (Увийский сельсовет Тоншаевск. р-на) (15, с. 51). Ойконим *Ошкаты* является композитой, состоящей из двух компонентов: *ошко* ‘тополь чёрный (осокорь)’ и *аты* ‘роща’.

Кроме вышеуказанных слов, в трёх ойконимах выступает русский апеллятив *рябина* (0,11%) и по 1 разу в названиях населённых пунктов Марий Эл представлены слова *клён* (0,04%) и *калина* (0,04%).

В заключение следует отметить, что некоторые ойконимы как Марий Эл, так и Республики Коми являются отгидронимными, а гидронимы — фитофорными. Модель номинации в этом

случае выглядит следующим образом: название дерева, кустарника ⟶ река, речка ⟶ селение, ср., например: мар. *ломбо*, коми-зыр. *льӧм* 'черёмуха; черёмуховая' + мар. *энер (енер)*, коми-зыр. *ю* 'река, речка' = *Ломбенер, Льӧмъю* 'Черёмуховая река'. Названия отдельных селений являются отантропонимными, антропонимы — фитофорными. Модель номинации: название дерева, кустарника ⟶ фамилия ⟶ селение, например: *берёза — Березин — Березино; берёза — Берёзов — Берёзовка; орех — Орехов — Орехово* и др.

Сокращения названий языков и диалектов: *башк.*— башкирский язык, *вв.*— верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, *венг.*— венгерский язык, *вепс.*— вепсский язык, *волж.*— волжский говор марийского языка, *вс.*— верхнесысольский диалект коми-зырянского языка, *вым.*— вымский диалект коми-зырянского языка, *иж.*— ижемский диалект коми-зырянского языка, *й.-ол.*— йошкар-олинский говор марийского языка, *кам.*— камасинский язык, *койб.* — койбальский диалект хакасского языка, *коми-зыр.*— коми-зырянский язык, *кр.-уф.*— красноуфимский говор марийского языка, *л.*— лузский диалект коми-зырянского языка, *лет.*— летский диалект коми-зырянского языка, *лл.*— лузско-летский диалект коми-зырянского языка, *маньчж.*— маньчжурский язык, *манс.*— мансийский язык, *мар.*— марийский язык, *марВ* — восточное наречие марийского языка, *марГ* — горное наречие марийского языка, *марЛ* — луговое наречие марийского языка, *марСЗ* — северо-западное наречие марийского языка, *мокш.*— мокшанский язык, *монг.*— монгольский язык, *морд.*— мордовские языки, *мотор.*— моторский язык, *нв.*— нижневычегодский диалект коми-зырянского языка, *нган.*— нганасанский язык, *нен.*— ненецкий язык, *орок.*— орокский язык, *печ.*— печорский диалект коми-зырянского языка, *саам.*— саамский язык, *сельк.*— селькупский язык, *скр.*— присыктывкарский диалект коми-зырянского языка, *сс.*— среднесысольский диалект коми-зырянского языка, *тавг.*— тавгийский (нганасанский) язык, *тат.*— татарский язык, *тунг.*— тунгусские (эвенкийский, эвенский) языки, *тюрк.*— тюркские языки, *уд.*— удорский диалект коми-зырянского языка, *удм.*— удмуртский язык, *фин.*— финский язык, *хант.*— хантыйский язык, *энец.*— энецкий язык, *эрз.*— эрзянский язык, *эст.*— эстонский язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева Д. П.* Ландшафтная география Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1979.

2. *Дмитриева Л. В.* Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Ленинград, 1979.

3. *Жаковъ К. Ф.* Этнологическій очеркъ Зырянъ // Живая Старина. Вып. 1. Санкт-Петербургъ, 1901.

4. *Иванова Р. Г.* Словарь-справочник по флоре Татарии. Казань, 1988.

5. *Иванов Н. В., Моторов А. В.* География Марийской АССР. Учебное пособие для 7—8 классов. Изд. 6-е, переработанное. Йошкар-Ола, 1977.

6. *Казанцев Д. Е.* Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985.

7. *Кеппенъ О.* Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племени. С.-Петербургъ, 1886.

8. *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). Ижевск, 1992.

9. *Клименкова Е. Т., Кушнир Л. Г., Бачило А. И.* Медоносы и медосбор. Минск, 1981.

10. Коми-русский словарь. Москва, 1961.

11. *Корнеев В. А.* Ценозы мелких лесных млекопитающих // Очерки о животных Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1983.

12. *Кузакова Е. А.* Словарь манси (Восточный диалект). Москва, 1994.

13. *Куклин А. Н.* Названия исчезнувших селений Марийской АССР (с апеллятивом *чодыра* 'лес') // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990.

14. *Лыткин В. И., Глуяев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.

15. *Морохин Н. В.* Нижегородские марийцы. Йошкар-Ола, 1994.

16. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. Москва, 1973.

17. *Ракин А. Н.* Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар, 1989.

18. Республика Коми. Административно-территориальное деление на 1 августа 1992 года. Изд. 5-е. Сыктывкар, 1992.

19. *Ромбандеева Е. И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.

20. Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966.

21. Русско-удмуртский словарь. Москва, 1956.

22. *Скамейко Р. Р., Сязи З. И.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Пособие для учащихся начальной школы (на языке шурышкарских ханты). Ленинград, 1985.

23. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

24. *Терентьев В. А.* Ностратические этимологии // Этимология, 1977. Москва, 1979.

25. *Терёшкин Н. И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.

26. *Туркин А. И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

27. Финно-волжская языковая общность. Москва, 1989.

28. *Фридман Б. И., Кулинич Г. С.* Как чайки над водой парят соборы (Сохраним Макарьев монастырь и природу, окружающую его) // Записки краеведов. Нижний Новгород, 1991.

29. *Хонти Л.* О связях уральских и алтайских языков // Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск, 1985.

30. *Цыганкин Д. В., Мосин М. В.* Эрзянь келень нурькине этимологической словарь (Школанень пособия). Саранск, 1977.

31. *Шиголев А. А., Шиманюк А. П.* Изучение сезонных явлений. Пособие для учителя. Москва, 1962.

32. *Alvre, P.* Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusülesanded ja materjalid (konsonantühendid). Teine trükk. Tartu, 1981.

33. *Räsänen, M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII_1. Helsinki, 1969.

34. Suomen kielen etymologinen sanakirja I. Helsinki, 1955.

35. Uralisches etymologisches Wörterbuch I—VIII. Hrsg. von K. Rédei. Budapest — Wiesbaden, 1986—1991.

Anatoli Kuklin

PHYTOFLUORINE OIKONIMI OF MARI EL AND KOMI REPUBLIC

Republic of Mari El includes some parts of two soil-and-vegetation formations: darkconiferous and broad-leaved woods of southern taiga and northern forest-steppe regions.

The far north-east area of Komi Republic is covered with tundra, to the south from it there is a narrow belt of forest-tundra that is changed into vast forest areas in the southern direction.

There are about 120 species of trees und shrubs in the forests of Mari El.

The specific structure of tree plantation in Komi Republic includes 8 species of coniferous and about 20 types of leaf-bearing trees, remarkable for their frost-resisting abilities and hardiness.

Different settlements of Mari El and Komi Republic have been called after the names of the most wide-spread species of trees and shrubs.

The number of the settlements of Mari El with the names including floristic vocabulary is 157, i. e. 6,01 per cent of the total amount — 2612 settlements of the Republic.

As for Komi onomastika it doesnt have available data about numarical structure of phytofluorine oikonomi.

Phytofluorine oikonomi of Mari El are divided into two groups: the first one including the names of broad-leaved trees and shrubs covers 105 settlements (4,02%), the second one formed of the names of coniferous trees comprises 52 inhabited localities (1,99%).

Komi Republic onomastikon is inferior to oikonimikon of Mari El in number and variety of the names of settlements derived from the names of broad-leaved trees and shrubs.

Thus the origin of phytofluorine oikonimi is in many respects explained by natural floristic resourses of Mari El and Komi Republic.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

Ольга Зеленцова
Саранск

СЮЛГАМЫ ИЗ СРЕДНЕЦНИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Самым массовым украшением, встречающимся в цнинских могильниках, являются сюлгамы. В отличие от других украшений, которые декорировали костюм, сюлгамы имели и утилитарное значение: использовались как застежки. В мужских погребениях они обычно встречались на груди. По-видимому, ими застегивался ворот рубахи. В женских погребениях сюлгамы чаще всего располагались на груди (до 10 штук). Изредка сюлгамами застегивали головной убор.

Большое количество сюлгам, разнообразие их типов позволяет с использованием статистических и математических методов проследить эволюцию этого типа украшений и выделить периоды их бытования.

В той или иной мере сюлгамы рассматривались многими исследователями в работах общего характера (1; 2). Определение направления эволюции сюлгам в сторону удлинения «усов» было дано В. В. Гольмстен (3). Специальная работа, посвященная этой категории вещей, принадлежит В. И. Вихляеву (4). В ней дается подробная классификация сюлгам из могильников армиевского и селиксенского типов. Применив статистические методы, В. И. Вихляев разработал относительную и абсолютную хронологию этих украшений и подтвердил направление эволюционного ряда, обоснованного в общих чертах В. В. Гольмстен.

В этой статье мы рассматриваем сюлгамы из среднецнинских могильников: Пановского (ПМ), Елизавет-Михайловского (ЕММ), Крюковско-Кужновского (ККМ), исследованных в 1927—36 гг. П. П. Ивановым (5; 6)*.

---

* Использованы материалы Пановского могильника — 125 погребений (Моршанский краеведческий музей, инв. № 3672; 1694), Елизавет-Михайловского могильника — 139 погребений (МКМ, инв. № 3673; 1653), Крюковско-Кужновского могильника — 526 погребений (МКМ, инв. № 3674; 1663).

Нами использован материал 790 погребений, из них 523 были с сюлгамами. Учтено 1828 хорошо сохранившихся, паспортизированных экземпляров.

Сюлгамы делятся на разряды — по материалу, на группы — по технике изготовления, на отделы — по форме сечения кольца, на типы — по длине и устройству концов, на варианты — по орнаменту.

Разряд А. Из цветных металлов.

Группа I. Кованые, концы расплющенны и завернуты в трубочки — «усы».

Отдел А. Сечение кольца округлое.

Тип I (13 экз.). Длина «усов» не превышает 1/3 диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента; б — с насечками на кольце; в — с наколами по середине кольца; (рис. 1,*1*).

Тип II (89 экз.). Длина «усов» больше 1/3 диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента; б — с насечками на кольце; в — с насечками в виде ёлочки на кольце; г — с наколами по середине кольца (рис. 1,*2*).

Тип III (245 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента; б — с насечками на кольце; в — с «ёлочкой» на кольце; г — с зонами насечек на кольце и «усах»; д — с насечками на «усах» и «ёлочкой» на кольце; е — с насечками на «усах» (рис. 1,*3*).

По П. П. Ефименко, «усы» появляются у сюлгам на стадии CI, т. е. в VI—VII вв. (8, с. 74—75, рис. 4,*6*). В это же время сюлгамы типа AIAI известны в Армиевском могильнике (4, с. 189, рис. 1,*12—14*; 9, рис. 9,*16—20*) в Ст. Кужендеевском могильнике VII—VIII вв. (10, с. 221, рис. 3,*2*), в комплексах V—VI вв. Шатрищенского могильника (11, с. 98, р. 47), в могильнике у пос. Заря в комплексах VII—VIII вв. (12, с. 165, рис. 4,*8*), в Старокадомском могильнике VI—VII вв. (13, с. 58, табл. XII—*14* и др.), на Нижней Каме на Щербетьевском селище III—VIII вв. (14, с. 253, рис. 2,*5*), на Верхней Оке на городище Свинухово в слоях IV—VII вв. (15, с. 50, рис. 20,*5*), в позднедьяковских древностях — в Михайловском и Троицком городищах (16, с. 76, рис. 17,*1,4*; 17, с. 191, рис. 11,*14*), в Кочкинском могильнике V—VII вв. (18, с. 69, рис. 2,*3*).

Тип AIAII встречается в Армиевском (4, с. 192, рис. 2,*3*), в Мл. Селиксенском могильниках в погребениях VI—VII вв. (20, с. 14, рис. 8,*14*), в Шокшинском могильнике в комплексах VI—VII вв. (21, табл. 92,*7*), в Старобадиковском могильнике в комплексах VI—VIII вв. (22, рис. 10,*50*), в Чулковском мо-

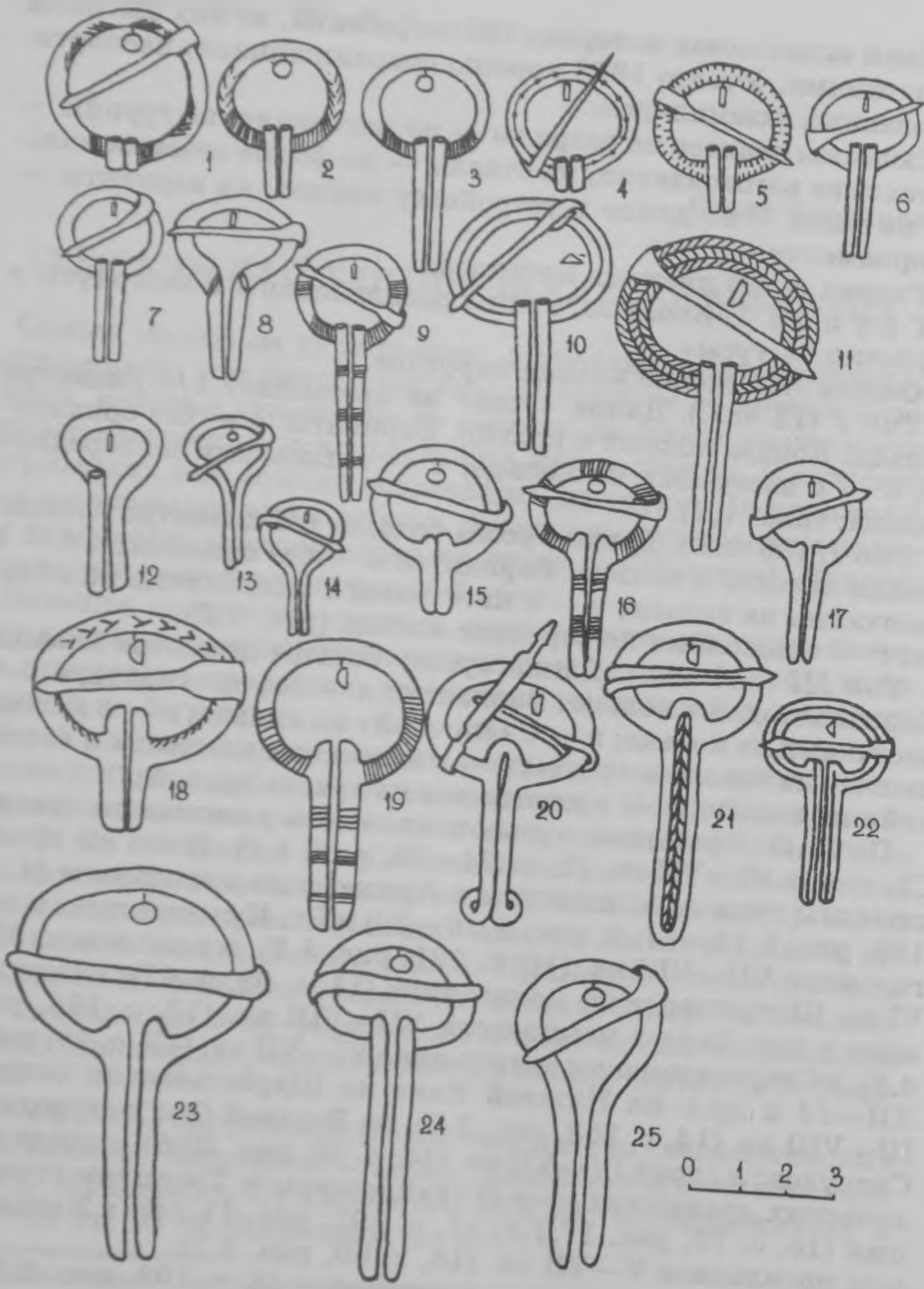

Рис. 1. Сюлгамы из среднецнинских могильников. 1—22 — бронзовые сюлгамы; 23—25 — железные сюлгамы.

гильнике VIII—X вв., в ранних комплексах (23, табл. 89, рис. *5*), в Борковском и Кузьминском (27, с. 46, т. XXII—*2*).

Наиболее распространенный тип AIAIII встречается на многих памятниках; в комплексах VII—X вв. Шокшинского могильника (24, табл. 31—*8*), в погребениях IX—X вв. II-го Старобадиковского могильника (22, табл. 15—*8*), во II Журавкинском могильнике VIII—XI вв. (25, рис. 3,*8*; 7,*30*), в могильнике Выползово 1 VIII—X вв. (26, табл. 3—*9*), в Томниковском и Лядинском могильниках (27, табл. 1—*10*) и др.

Отдел Б. Сечение кольца плоское (прямоугольное).

Тип I (24 экз.). Длина «усов» не превышает 1/3 диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с насечками на кольце (рис. 1,*4*).

Тип II (96 экз.). Длина «усов» больше 1/3 диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с зонами насечек на кольце, в — с насечками в виде «ёлочки» на кольце, г — с наколами по середине кольца, д — с наколами по середине кольца и нарезками по краям кольца, е — с нарезками по краям кольца (рис. 1,*5*).

Тип III (139 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с насечками на кольце, в — с зонами насечек по «усам» (рис. 1,*6*).

Тип IV (128 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы не заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с зонами насечек по кольцу и «усам» (рис. 1,*7*,*8*).

Тип V (327 экз.). Длина «усов» равна двум диаметрам кольца. Концы не заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с зонами насечек на кольце (рис. 1,*9*).

Сюлгамы типа AIБI датируются П. П. Ефименко стадией CI-Д (8, с. 76, рис. *4*,*7*; *5*,*4*). Они встречаются в армиевских и селиксенских древностях на стадии С, т. е. VI—VII вв. (4, с. 189, рис. 1,*20—24*), в погребениях VI—VII вв. Шокшинского могильника (21, табл. 102, рис. *4*), в Старокадомском могильнике VI—VII вв. (13, с. 53, табл. VIII—*21*), в ранних комплексах II-го Старобадиковского могильника (22, рис. 19,*15*), в ранних погребениях могильника у п. Заря (12, с. 165, рис. 4,*9*,*10*), Борковском и Кузьминском могильниках (20, табл. XVII, рис. *12*), в комплексах V—VI вв. Шатрищенского могильника (30, с. 159, рис. 40).

Тип AIБII известен в этих же могильниках, в комплексах VII—VIII вв.

Сюлгамы типа AIБIII имеют большой ареал распространения и представляют довольно долго бытующий тип. Сюлгамы этого

типа известны в Шокшинском (31, табл. 9—*14*), II Старо-бадиковском (22, рис. 66,*5*), II Журавкинском (33, рис. 7,*28*; 10,*15*), V Личадеевском (34, табл. III—*3*,*4*), Лядинском, Томниковском (27, табл. VIII—*1*) и мн. др. мордовских могильниках в комплексах VIII—XI вв.

Сюлгамы типа AIБIV имеются в Шокшинском могильнике в комплексах X — начала XI вв. (31, табл. 108—*5*).

Сюлгамы типа AIБV довольно редки. Они встречались во II Журавкинском (25, рис. 19,*8*; 12,*9*), Шокшинском (раскопки В. Н. Шитова, погребение 747), Лядинском могильниках (27, табл. VIII—*7*,*8*).

Отдел В. Сечение кольца треугольное.

Тип I (9 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с двумя рядами насечек до половины кольца, в — с насечками в виде «ёлочки» по кольцу (рис. 1,*10*).

Отдел Г. Сечение кольца шестигранное.

Тип I (4 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с насечками на кольце (рис. 1,*11*).

Г р у п п а II. Кованые отогнутоконечные, равноширокие (кольцо и «усы» одинаковы по ширине).

Отдел А. Сечение кольца округлое.

Тип I (22 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Без орнамента (рис. 1, *13*).

Аналогии типу AIIAI имеются в погребениях X — начала XI вв. Шокшинского могильника (раскопки В. Н. Шитова, погребения 585, 672), II Старобадиковском могильнике (37, погребения 106, 119), I Старобадиковском могильнике XI—XIV вв. (32, табл. IV, рис. 4,*34*), в Стародевическом могильнике (29, табл. XVII—*5*), в могильнике Выползово I VIII—X вв. (26, табл. III—*4*), во II Журавкинском могильнике (33, рис. 19,*9*).

Отдел Б. Сечение кольца плоское.

Тип I (226 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Без орнамента (рис. 1,*14*).

Сюлгамы типа AIIБI имеют такой же ареал распространения, что и сюлгамы типа AIIAI.

Г р у п п а III. Литые.

Отдел А. Сечение кольца округлое.

Тип I (1 экз.). Длина «усов» больше 1/3 диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента (рис. 1,*15*).

Тип II (72 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца.

Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с зонами насечек на кольце и «усах» (рис. 1,*16*).

Сюлгамы, близкие типу AIIIAI, найдены на Троицком и Боршевском городищах (16, с. 76—77, рис. 17,*7—9*), но там они имеют орнамент в виде оплетки. Сюлгамы типа AIIIAII встречались в погребениях IX—X вв. Шокшинского могильника (31, табл. 54—*19*), в Томниковском и Лядинском могильниках (27, табл. XIV—*16*), в могильнике у п. Заря (12, рис. 11,*2,13*; 36, табл. 29—*3,4*).

Отдел Б. Сечение кольца плоское.

Тип I (75 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с зонами насечек на кольце и «усах» (рис. 1,*17*).

Аналогии сюлгамам типа AIIIБI известны во II Журавкинском (37, рис. 26,*1*), Лядинском (27, табл. 1—*13*) могильниках.

Отдел В. Сечение кольца сегментовидное.

Тип I (1 экз.). Длина «усов» больше 1/3 диаметра кольца. Концы заходят в кольцо (очевидно подражание сюлгамам типа AIAII). Варианты: а — насечки на кольце (рис. 1,*18*).

Тип II (301 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Обычно массивные. Варианты: а — без орнамента, б — с насечками на кольце, в — с зонами насечек на кольце и «усах», г — с насечками на «усах», д — с насечками на «усах» и «ёлочкой» на кольце, е — с зонами «ёлочки» на кольце и «усах», ж — с кружковым орнаментом (рис. 1,*19*).

Тип III (2 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо в виде крючков (рис. *2,1*).

Тип IV (1 экз.). «Усы» слиты в один стержень, заходящий в кольцо и орнаментированный косичкой (рис. 1,*21*).

Тип V (1 экз.). «Усы» заходят в кольцо, внешние концы загнуты в петли (рис. 1,*20*).

Сюлгамы типа AIIIBII найдены в Чулковском (57, табл. VIII—*12*), Шокшинском (31, табл. 54—*19*), Лядинском (27, табл. VIII—*2,4*) могильниках.

Отдел Г. Сечение кольца треугольное.

Тип I (29 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо. Варианты: а — без орнамента, б — с зонами насечек и «ёлочки» на «усах», в — с зонами насечек на «усах» и «ёлочки» на кольце (рис. 1,*22*).

Сюлгамы типа AIIIГI найдены во II Журавкинском могильнике (37, рис. 20,*13*).

Отдел Д. Кольцо уплощенное с тремя валиками.

Тип I (2 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. «Усы» слиты, заходят в кольцо (рис. 2,*2*).

Группа IV. Лопастные. Концы отогнутые и в разной степени расплющенные.

Отдел А. Сечение кольца округлое.

Тип I (5 экз.). Узколопастные («усы» слегка приплюснуты). Без орнамента (рис. 2,*3*).

Тип II (1 экз.). Концы в виде широких плоских лопастей. Лопасти орнаментированы кружковым орнаментом и зигзагом (рис. 2,*4*).

Тип III (1 экз.). Концы в виде трехгранных лопастей (рис. 2,*5*).

Аналогии сюлгамам типа AIVAI известны в Стародевическом могильнике (35, рис. 12,*8*; 25,*13*), V Личадеевском могильнике IX—XII вв. (34, табл. III—*19,21*), в могильнике Выползово VI XI—XII вв. (26, табл. VI—*9*), в Морд-Паркинском могильнике в погребении с саблей середины XII—XIII вв. (55, табл. III—*9,10*), в Сарском могильнике VI—X вв. (56, рис. 55,*4*), в Куликовском могильнике XII—XIII вв. (2, табл. II—*5*), в I Старобадиковском могильнике (32, табл. V—*8*).

Сюлгамы типа AIVAII найдены в Стародевическом могильнике (29, табл. XVIII—*8*), в Старосотенском могильнике XIV в. (2, табл. 12—*1*).

Тип сюлгам AIVAIII встречался в Гагинском могильнике XIV в. (38, табл. 67—*5*), в Старосотенском могильнике (2, табл. 12—*2*).

Отдел Б. Сечение кольца плоское.

Тип I (4 экз.). Узколопастные. Без орнамента (рис. 2,*6*).

Тип II (1 экз.). Концы в виде широких лопастей. Без орнамента (рис. 2,*7*).

Сюлгамы типов AIVБI и AIVБII встречаются в тех же памятниках, что и сюлгамы типов AIVAI и AIVAII.

Группа V. Кованые, без «усов» или так называемые подковообразные фибулы.

Отдел А. Сечение кольца плоское.

Тип I (1 экз.). Концы завернуты в спираль перпендикулярно плоскости кольца. Без орнамента (рис. 2,*8*).

Тип II (1 экз.). Концы завернуты в спираль в плоскости кольца (рис. 2,*9*). Сюлгама, близкая типу AVAII, известна в Паньжинском могильнике (40, табл. 80—*2*).

Отдел Б. Сечение кольца треугольное.

Тип I (1 экз.). Концы завернуты в спираль. Орнаментирована вдавлениями в виде треугольников (рис. 2,*10*).

Аналогии спиралеконечным фибулам типа AVБI известны в

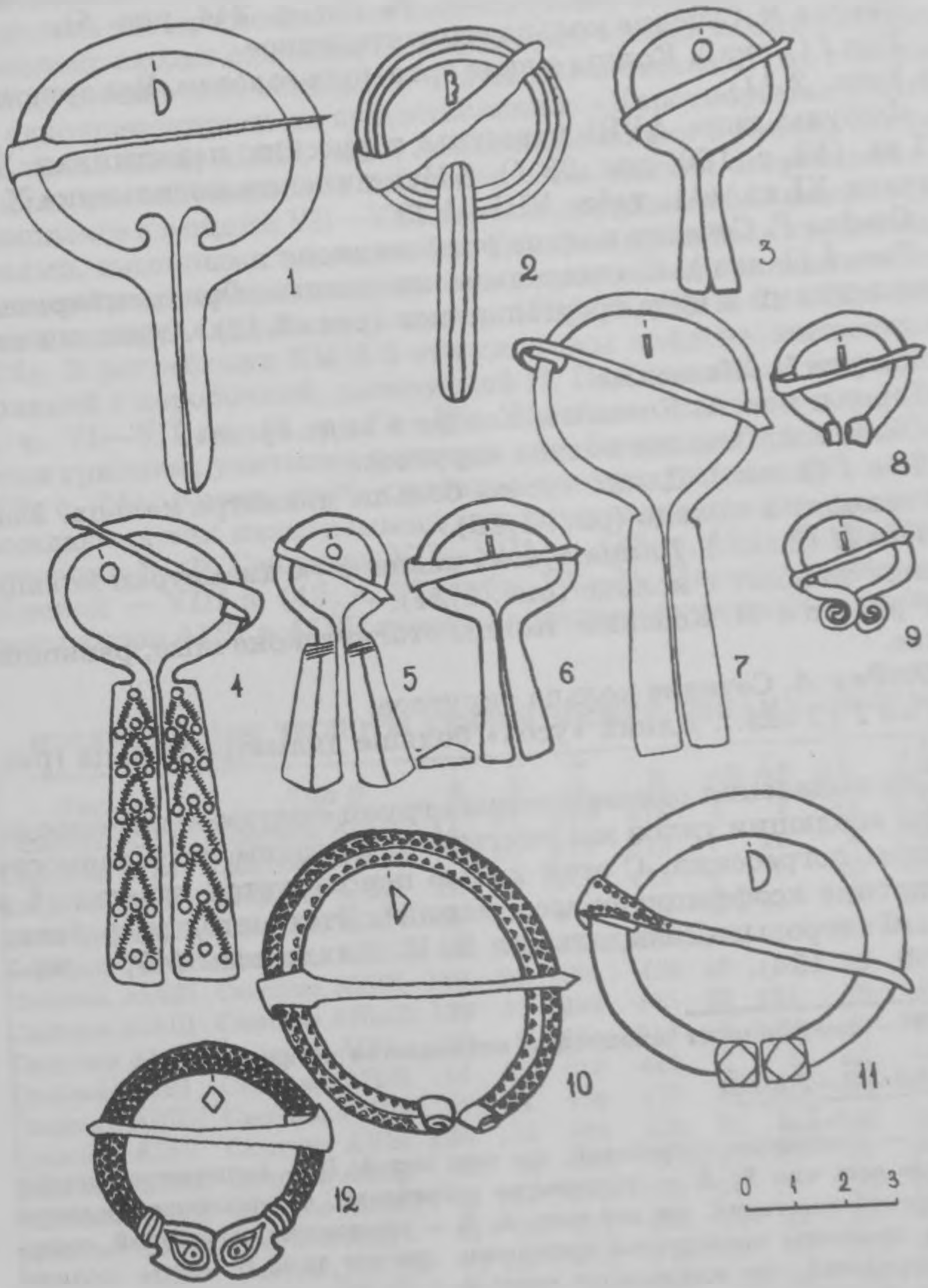

Рис. 2. Сюлгамы и фибулы из среднецнинских могильников.

русских древностях X—XII вв. (43, с. 153, рис. 22,*2*), в прибалтийских древностях XI—XII вв. (54, с. 244, рис. *5*).

Отдел В. Сечение кольца сегментовидное.

Тип I (1 экз.). Концы в виде граненых головок. Без орнамента (рис. 2,*11*).

Фибулы типа AVBI известны в русских памятниках X—XI вв. (43, с. 160, рис. 23,*1*), в Нукшинском могильнике X — начала XI вв. (41, табл. VIII—1,*2*).

Отдел Г. Сечение кольца ромбовидное.

Тип I (1 экз.). С «глазками» на концах. Орнаментирована вдавлениями в виде треугольников (рис. 2,*12*). Аналогии нам не известны.

Разряд Б. Железные.

Группа А. Кованые. Концы в виде «усов».

Отдел А. Сечение кольца округлое.

Тип I (1 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца. Концы заходят в кольцо (рис. 1,*23*).

Тип II (2 экз.). Длина «усов» равна двум диаметрам кольца. Концы заходят в кольцо (рис. 1,*24*).

Группа II. Кованые. Концы отогнутоконечные, равноширокие.

Отдел А. Сечение кольца округлое.

Тип I (2 экз.). Длина «усов» больше диаметра кольца (рис. 1,*25*).

Для выделения одновременных групп сюлгам и для определения эволюции типов мы учитывали их взаимовстречаемость в одном погребении. С этой целью используется известный в статистике коэффициэнт ассоциаций*. Этот метод разработан Г. А. Федоровым-Давыдовым и В. И. Вихляевым (47, с. 93—192; 9, с. 194).

---

* R — коэффициэнт ассоциаций исчисляется по формуле:

$$R = \frac{AB \cdot \overline{A}\overline{B} - \overline{A}B \cdot A\overline{B}}{A \cdot B \cdot \overline{A} \cdot \overline{B}}$$

где: A — количество погребений, где есть тип A; B — количество погребений, где есть тип B; $\overline{A}$ — количество погребений, содержащих предметы исследуемой категории, где нет типа A; $\overline{B}$ — количество погребений, содержащих предметы исследуемой категории, где нет типа B; AB — количество погребений, где встречаются типы A и B; $A\overline{B}$ — количество погребений, где встречаются вещи типа A, но нет типа B; $\overline{A}B$ — количество погребений, где встречаются вещи типа B, но нет типа A; $\overline{A}\overline{B}$ — количество погребений, содержащих предметы исследуемой категории, где нет типа A и типа B.

Статистический анализ погребений с сюлгамами позволил выделить четыре комплекса сюлгам (табл. 1; рис. 3). В первый комплекс входят сюлгамы с «короткими «усами». Они связаны между собой очень сильными и сильными связями, что говорит об одновременности их существования. «Короткоусые» сюлгамы типов AIAI, AIAII, AIБI, AIБII встречались в ранних погребениях исследуемых могильников. Они обычно встречаются в комплексе с вещами VII—VIII вв.— нагрудными бляхами с прорезями, височными подвесками с бипирамидальным грузиком с выемкой, серповидными гривнами и дротовыми гривнами с замками в виде «лодочки» и петли (ПМ-25, ЕММ-7, ККМ-343, 405). В погребении ЕММ-8 эти сюлгамы найдены совместно с гривной с коробочкой, датируемой П. П. Ефименко стадией CI, т. е. VI—VII вв. (8, с. 74—75). Наиболее близкие аналогии этим гривнам, учитывая размеры коробочки, датируются VIIв. (13, с. 25). Кроме этого сюлгамы ранних типов часто сопровождаются так называемыми неволинскими пряжками, датируемыми В. Ф. Генингом VII—VIII вв. (48, с. 101), В. Б. Ковалевской — VIII в. (49, с. 22, табл. VI—7). Пластинчатые сюлгамы типов AIБI и AIБII имеют характерную раннюю орнамен-

Табл. 1.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕСНОТЫ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ТИПАМИ СЮЛГАМ

Тип A	Тип B	A	$\bar{B}$	$\bar{A}$	B	AB	$\bar{A}B$	$A\bar{B}$	$\bar{A}\bar{B}$	R
Сюлгама AIAI	Сюлгама AIAII	11	48	512	475	4	7	44	470	C
Сюлгама AIAI	Сюлгама AIБI	11	10	512	513	1	10	9	505	C
Сюлгама AIAI	Сюлгама AIБII	11	52	512	471	4	7	48	464	C
Сюлгама AIAII	Сюлгама AIБI	48	10	475	513	4	44	6	469	C
Сюлгама AIAII	Сюлгама AIБII	48	52	475	471	21	27	31	444	X
Сюлгама AIAIII	Сюлгама AIБIII	139	97	384	426	45	94	52	332	+
Сюлгама AIAIII	Сюлгама AIIIAII	139	48	384	475	18	121	30	354	C
Сюлгама AIAIII	Сюлгама AIBI	139	9	384	514	7	132	2	382	C
Сюлгама AIБI	Сюлгама AIБII	10	52	513	471	7	3	45	468	+
Сюлгама AIБIII	Сюлгама AIIIБI	97	51	426	472	11	86	40	386	C
Сюлгама AIБV	Сюлгама AIIБI	135	101	388	422	51	84	50	338	+
Сюлгама AIIAII	Сюлгама AIIБI	48	51	475	472	10	38	41	434	C
Сюлгама AIIAII	Сюлгама AIIBII	48	147	475	376	27	21	120	355	C
Сюлгама AIIIAII	Сюлгама AIIГI	48	28	475	495	14	34	14	461	X
Сюлгама AIIБI	Сюлгама AIIBII	51	147	472	376	31	20	116	356	+
Сюлгама AIIIБI	Сюлгама AIIГI	51	28	472	495	9	42	19	453	C
Сюлгама AIIIBII	Сюлгама AIIГI	147	28	376	495	14	133	14	362	C

Знак X показывает, что $R>0,3$ — очень сильная связь; $+0,2<R\leq 0,3$ — сильная связь; C $0,1<R\leq 0,2$ — слабая связь.

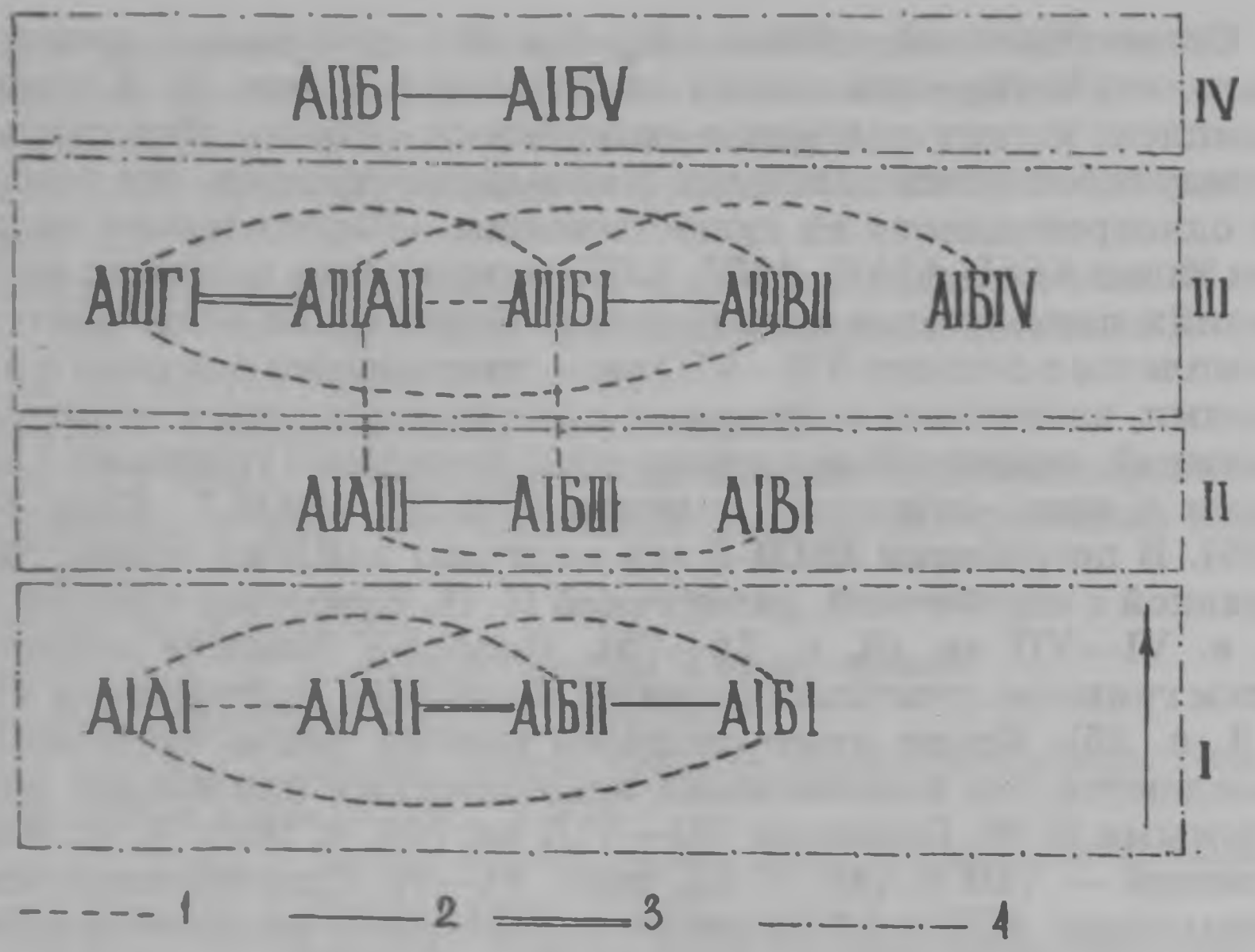

Рис. 3. Связи между типами сюлгам. 1— слабые связи; 2 — сильные связи; 3 — очень сильные связи; 4 — границы между комплексами.

Значение связи (R): $0,1<R\leq0,2$ — слабая; $0,2\leq R\leq0,3$ — сильная; $R>0,3$ — очень сильная.

тацию: нарезка по внешнему и внутреннему краю кольца, точечные вдавления по середине кольца. Такая орнаментация прослеживается у сюлгам из могильников селиксенского типа и рязанских могильников (4, с. 197—198; 8, с. 75). Исходя из этого, мы датируем сюлгамы с короткими «усами» из цнинских могильников концом VII — первой половиной VIII вв.

Следующий комплекс состоит из сюлгам с длинными «усами». В основе комплекса лежит сильная связь между сюлгамами типов AIAIII и AIБIII, с ними слабо связана сюлгама типа AIBI. Это наиболее многочисленные и долгобытующие типы. Они встречаются как с сюлгамами с короткими «усами», так с литыми, и даже с отогнутоконечными. Типы сюлгам этого комплекса датируются монетами. В погребении ККМ-205 сюлгамы типа AIAIII, AIБIII, AIIIBII найдены с дирхемом VIII в. (6, с. 71; 50, с. 240). В погребении ККМ-427 сюлгама типа AIAIII найдена вместе с тремя дирхемами Измаила сына Ахмеда 892—907 гг. (1, с. 121; 6, с. 131), в погребении ККМ-349 сюлгамы типов AIAIII, AIБIII, AIБI, AIIIBII — с четырьмя абассидски-

ми монетами VII—VIII вв. (6, с. 113; 50, с. 240). Сюлгамы второго комплекса датируются второй половиной VIII—IX вв.

Третий комплекс составляют литые сюлгамы, повторяющие форму кованых типа AIAIII. Внутри комплекса все сюлгамы связаны между собой сильными и слабыми связями. Несколько обособленно стоит сюлгама типа AIБIV. Она связана слабой связью с сюлгамой типа AIIIБI, что позволяет отнести её к этому комплексу. Литые сюлгамы бытуют также довольно долго. Они связаны слабыми связями со вторым комплексом через сюлгамы типов AIAIII и AIIIAII, AIБIII и AIIIБI. Это позволяет предположить, что какой-то промежуток времени сюлгамы этих двух комплексов сосуществуют. Возможно, третий комплекс выделяется не хронологически, а технологически. В конце VIII в. появилась новая технология изготовления сюлгам — литьё. Литые сюлгамы бытуют одновременно с коваными сюлгамами второго комплекса. Литьё не вытесняет ковку в производстве сюлгам, напротив, это лишь эпизод, в дальнейшем продолжалось развитие кованых сюлгам (типы AIБV, AIIAI, AIIБI, AIV-AI и др.). То, что эти два комплекса совпадают какой-то отрезок времени, подтверждается и датировками сюлгам. Так, сюлгама типа AIIIBII найдена в погребении ККМ-205 с дирхемом VIII в. и в погребении ККМ-349. В ККМ-449 сюлгамы этих типов найдены с овальнорамчатой пряжкой VIII—IX вв. (49, с. 23, табл. VII—*10*). Литые сюлгамы часто встречаются с пряжками и накладками салтовского типа (ККМ-175, 367, 449), которые датируются В. Б. Ковалевской и С. А. Плетневой VIII—IX вв. (49, с. 33, табл. VII—*8*,*12*; 51, с. 161, рис. *85*—*88*). В то же время данные типы сюлгам нередко находятся в одном комплексе с более поздними вещами. Так, в погребении ПМ-33 сюлгама типа AIIIAII найдена в комплексе с сюлгамами типа AIБV, AIIБI и наборной коньковой подвеской, датируемой Л. А. Голубевой X—XI вв. (44, с. 50). В погребении ПМ-49 сюлгамы типа AIIIBII и AIIIБI датируются такой же коньковой подвеской. Таким образом, сюлгамы третьего комплекса датируются концом VIII—IX—X вв.

Четвертый комплекс состоит из отогнутоконечных сюлгам типа AIIБI и сюлгам с очень длинными «усами» типа AIБV. Очевидно, сюлгамы типа AIБV являются результатом развития сюлгам типа AIБIII в направлении удлинения «усов». Эта ветвь развития сюлгам, вероятно, заглохла и развитие продолжалось в ином направлении: изменялась форма «усов». Вначале кончики «усов» перестали заходить в кольцо (AIБIV), затем появились сюлгамы с отогнутыми концами (AIIAI, AIIБI), ко-

торые превращаются в узколопастные (AIVAI, AIVБI). В дальнейшем лопасти продолжают расширяться (AIVAII, AIVБII).

Сюлгамы четвертого комплекса в погребении ККМ-72 найдены вместе с удилами X в. (1, с. 121; 52, табл. IX—*7*) и ажурной бляхой, датируемой Л. А. Голубевой X в. (44, с. 50). Эти типы сюлгам датируются шиферными пряслицами, которые появляются в Поволжье с XI в. (1, с. 129) (ПМ-7,50; ЕММ-99; ККМ-149, 216, 263, 413, 468). Этот комплекс датируется концом X—XI вв.

Несколько типов сюлгам выходят за рамки принятой датировки цнинских могильников VIII—XI вв. Так, в погребении ПМ-6 сюлгама типа AIVБI найдена вместе с браслетом тройного плетения, которые бытуют у славян с XI по XIV вв. (45, с. 10, рис. 3; 46, с. 236). В погребении ПМ-7 найдены две лопастные сюлгамы типов AIVAII и AIVБII, известные в мордовских памятниках XII—XIV вв. (38, с. 171, табл. 67—*5*; 2, табл. 12—*1,2*; 39, с. 125, табл. II—*8*). А. Е. Алихова относит появление широколопастных сюлгам к XIV в. (2, табл. 1—*56,57,58*).

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Подтверждается направление эволюции сюлгам, обоснованное В. В. Гольмстен и В. И. Вихляевым.

2. В конце VII — первой половине VIII вв. в цнинских могильниках продолжают бытовать сюлгамы с короткими «усами» и появляются единичные с длинными «усами».

3. Во второй половине VIII—X вв. господствовали «длинноусые» сюлгамы. В то же время возникает новая техника изготовления: появляются литые сюлгамы, которые сосуществуют с коваными.

4. На рубеже X—XI вв. появляются отогнутоконечные, а затем лопастные сюлгамы, которые и определили дальнейший ход эволюции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28.

2. *Алихова А. Е.* Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э. // *Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д.* Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.

3. *Гольмстен В. В.* Хронологическое значение эволюции древних форм // Известия Самар. ГУ. Самара, 1923, № 5.

4. *Вихляев В. И.* Сюлгамы из могильников селиксенского и армиевского типов // СА. 1972. № 3.

5. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.
6. Материальная культура среднеднинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969.
7. *Белицер В. Н.* Мордовские сюлгамы // СА. 1977. № 2.
8. *Ефименко П. П.* Рязанские могильники // МЭ. Л., 1926. Т. 3, вып. 1.
9. *Вихляев В. И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.
10. *Жиганов М. Ф.* Ст. Кужендеевский могильник в долине р. Теша // СА. 1959. № 1.
11. *Кравченко Т. А.* Раскопки Шатрищенского могильника в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 119.
12. *Жиганов М. Ф.* К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э. (Могильник у пос. Заря) // СА. 1961. № 4.
13. *Шитов В. Н.* Старокадомский могильник // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 85.
14. *Старостин П. Н.* Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. № 1.
15. *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. // МИА. 1959. № 72.
16. *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—XI вв. М., 1982.
17. *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище в Подмосковье // СА. 1964. № 1.
18. *Дубынин А. Ф.* О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. 1966. № 3.
19. *Шитов В. Н.* Отчет о раскопках Старокадомского могильника в 1972 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-784.
20. *Полесских М. Р.* Армиевский могильник // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1979. Вып. 63.
21. *Шитов В. Н.* Отчет о раскопках Шокшинского могильника в Тенгушевском районе Мордовской АССР в 1984 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-1124.
22. *Петербургский И. М.* Отчет об археологических раскопках II Старобадиковского могильника Зубово-Полянского района МАССР в 1976 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-903.
23. *Гришаков В. В.* Отчет о работах Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской обл. в 1986 г. (Чулковский могильник) // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-1175.
24. *Шитов В. Н.* Отчет о раскопках Шокшинского могильника в Тенгушевском районе МАССР в 1986 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-1169.
25. *Петербургский И. М.* Отчет о раскопках II Журавкинского могильника в 1974 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-885.
26. *Мартьянов В. Н.* Археологические памятники мордвы конца I — начала II тыс. н. э. в Горьковской обл. // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 85.
27. Древности мордовского народа. Саранск, 1941.
28. *Шитов В. Н.* Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1990. Вып. 99.
29. *Петербургский И. М., Аксенова Т. В., Гришаков В. В., Первушкин В. И.* Стародевичевский могильник // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1990. Вып. 99.
30. *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—64 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.

31. *Шитов В. Н.* Отчет о раскопках Шокшинского могильника в 1985 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-1137.

32. *Беляев Я. В.* Погребальный памятник XI—XIV вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981—1982 гг.) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 85.

33. *Петербургский И. М.* Второй Журавкинский могильник // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1979. Вып. 63.

34. *Мартьянов В. Н.* Могильник Личадеево V // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1990,. Вып. 99.

35. *Петербургский И. М.* Отчет о раскопках Стародевичевского могильника в Ельниковском районе МАССР в 1989 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-1179.

36. *Жиганов М. Ф.* Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // *Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д.* Из древней и средневековой истории мордовского народа.

37. *Петербургский И. М.* Отчет о раскопках II Старобадиковского могильника в Зубово-Полянском районе МАССР в 1977 г. // Архив МНИИЯЛИЭ, д. И-922.

38. *Алихова А. Е.* Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // *Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д.* Из древней и средневековой истории мордовского народа.

39. *Шитов В. Н.* Старокадомское поселение // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1992. Вып. 104.

40. *Степанов П. Д.* Паньжинский могильник // *Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д.* Из древней и средневековой истории мордовского народа.

41. Нукшинский могильник // МАР.-1. № 14.

42. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.-Л., 1954.

43. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43.

44. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М., 1979. EI—59.

45. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.

46. *Левашева В. П.* Браслеты // Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43.

47. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

48. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры в I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158.

49. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии в IV—IX вв. // САИ. М., 1979. Вып. EI—2.

50. *Воронина Р. Ф.* Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью // СА. 1988. № 4.

51. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

52. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние булгары на Волге. М., 1964.

53. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) // МИА. 1959. № 65.

54. *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига, 1961.

55. *Гришаков В. В.* Два погребения с саблями из Морд-Паркинского могильника // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1992. Вып. 107.

56. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.

57. *Гришаков В. В.* К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тыс. н. э. // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 85.

Olga Zelentsova

SULGAMI OF SREDNETSNINSKI, BURIAL GROUNDS

1. The evolution trend well-grounded by V. V. Golshsten and V. I. Vykhlyavi is confirmed.

2. Sulgami with a short «moustache» still exist in the Tsninski burial grounds and separate sulgami with a long «moustache» begin to appear at the end of the VII th century and the first half of the VIII th century.

3. The second half of the VIII th — XI th centuries is remarkable for domination of «Long moustached» sulgami at the same time new methods of manufacturing come into existence: casting sulgami appear and begin to coexist alongside with forged ones.

4. At the boundary of the X—XI th centuries one can find sulgami with unbent endings and later — paddle-wheel ones, which became responsible for the next evolution development.

«Финно-угроведение», 1996. № 3.

СООБЩЕНИЯ

Иван Плосков
Сыктывкар

ЛЕСНЫЕ ПЕРСОНАЖИ ЙОМА (ЁМА) И ЯГА В КОМИ ФОЛЬКЛОРЕ

Неоднократно отмечалось, что в сказочном репертуаре коми значительный процент заимствования русских волшебных сказок (1, с. 11—12; 2, с. 88—100). При этом произошло закономерное усвоение русских сказочных образов — яги, Змея Горыныча, Кощея Бессмертного и других. Наличие аналогичных персонажей (старухи *ёмы*, чудовища *гундыра* и других) в сказочной традиции коми привело к созданию образов, каким является сложный образ сказочной лесной старухи.

В частности, сближение образов яги и ёмы обусловлено было их однотипностью (3, с. 36). А. С. Сидоров отмечал, что «Бабаяга русских сказок и ёма зырянских (коми-зырянских — *И. П.*) представляют одно и то же лицо, только... на разной почве...»; истоки образа лесной старухи-пожирательницы людей он видел в образах-воплощениях смерти (4, с. 53—54). А. А. Попов склонен был уподоблять ёму «хозяйке Севера» (5, с. 17—19). Ф. В. Плесовский возводил этот образ к богине леса, к жрице, участвующей в обрядах посвящения (2, с. 91).

Несомненным является связь персонажа лесной старухи ёмы с представлениями о смерти. Ёма, принадлежащая лесному (а по ряду мотивов — подземному) миру, восходит к чудовищному зооморфному образу. В коми архаических мифологических сказ-

ках о чудовищах-поглотителях фигурировало чудовище — воплощение смерти. В частности, в сказке сохранился зооантропоморфный персонаж — *вурд-баба*; *вурд* на коми языке — выдра (по записям автора у коми Тюменской области). Лесная вурд-баба поглощает героев, которых затем находят или в чреве чудовища, или в лесу. Вурд-баба функционально совпадает с архаическим чудовищем — поглотителем-глотом, имеющимся в коми материале в трех стадиально различных проявлениях (6, с. 98—108). Имеется сходство вурд-бабы с медведями-поглотителями (пожирателями), с другими зооморфными образами. В. Я. Пропп, в частности, отмечал: «Анализ яги, как хозяйки над царством леса и его животных покажет нам, что ее животный облик есть древнейшая форма ее» (7, с. 70). Очевидно, вурд-баба и лесная старуха ёма — звенья одной цепи. В основе образа лесной старухи, известной в современных коми сказках с наименованием ёмы, ёмы-бабы — те же представления о чудовище-поглотителе. Функция «пожирания» остается основной у ёмы.

В коми сказках выделяются пять типов персонажа зла — лесной старухи: 1) вурд-баба (поглотитель), 2) ёма, ёма-баба, 3) сложный образ, который условно может быть обозначен как «ёма-яга», возникший на почве многовековых контактов коми и русских, 4) образ, близкий к классическому образу яги русских сказок (в поздних сказочных заимствованиях), 5) лесная старуха-волшебница, злая колдунья-ворожея — собирательный образ «нечистой» лесной старухи, появившийся в результате активного взаимодействия сказки и несказочной прозы в период угасания сказочной традиции (8, с. 105—107). Кроме того, есть старухи-помощницы героя (они принадлежат к особому кругу женских персонажей).

Сказочная ёма — антагонист положительного героя, воплощение зла. Исследователи выделяли ёму — пожирательницу людей, ёму — похитительницу, ёму — властительницу леса, птиц и зверей и т. п. (4, с. 53; 2, с. 88—91). «Характерные ситуации», в которых появляется персонаж (в ряде сюжетов), выявлены Ф. В. Плесовским (2, с. 89—90).

Сложный образ, который можно обозначить как «ёма-яга» (ёма, получившая семантические «обогащения» под влиянием образа яги), наиболее часто встречается в репертуаре, хотя в последних фиксациях также часто имеет место последний тип лесной старухи: волшебница, колдунья-ворожея, сложный «сплав» образов сказочной лесной старухи и колдуньи рассказов-бывальщин.

Отдельного освещения требует вопрос употребления наименований. Южно-коми произведения содержат замену «ёмы» на заимствованное «баба-яга» (в частности это заметно в коми сказках о лесной старухе). Взаимозаменяемость коми и иноязычных названий не раз была отмечена исследователями. В литературе отмечалось: «В коми сказках действует ёма, получившая черты русской бабы-яги, нередко и называемая так» (9, с. 309); о том же писала и этнограф В. Н. Белицер: «... йома сохранилась в фольклоре, приняв образ бабы-яги и злой колдуньи» (10, с. 318). В коми-зырянских сказках также употребляются вариативные наименования «яги-баба», «яга-баба». Данные варианты названия персонажа имеют место и в северно-русских сказках (11, с. 104). Очевидно, наименования в таком виде были усвоены коми сказителями. Кроме того, существуют наименования — *яг баба, ягса баба*. Коми слово *яг* обозначает «лес», «бор», *яг баба* — баба из леса; *ягса* — лесная, боровая. Таким образом, в последних примерах «закрепился» момент объяснения (при переводе). Данная «народная этимология» зафиксирована как у южных, так и у северных коми. Очевидно, на нее в известной степени опирались в свое время исследователи, рассматривавшие этимологию слова «яга» и выводившие его (слово) из коми-зырянского *яг* «лес, бор» (11, с. 101—103). Неудачность, узость этой этимологии доказана. В нашем же случае важно подчеркнуть наличие именно такого народного осмысления, которое при определенном семантическом совпадении несомненно (и, скорее всего, уже на начальных этапах знакомства с материалом) повлияло на усвоение иноязычного образа.

В коми сказках часто звучит фраза, произносимая противником положительного героя, при упоминании о верхнем, среднем и нижнем мирах: «Уф, уф, поверху железноносный воробей не пролетал, по низу мышь не пробегала, и вдруг явился человек...» (иногда называется имя героя); есть варианты: «Уф, уф, русский дух чую; ложка крови, мяса — сам идет...»; соответствующую фразу произносят и другие «персонажи зла» при встрече с героем (3, с. 40; 12, с. 178). Подобную фразу нередко произносят при встрече с героем и чудовищем гундыр; как правило, здесь наблюдается сложное сплетение коми и иноязычных элементов при заимствовании общей формы фразы (ср. известное русское: «Фу! фу! Русским духом пахнет...»). Последняя фраза также нередко наличествует в коми сказках.

Ёма в исконной коми сказочной традиции, как правило, внешне не описывается. Следует предположить, что ставшее уже традиционным изображение длиннозубой старухи восходит к

к обрисовке заимствованного образа яги, и данная деталь както определяет обрисовку персонажа. В коми сказке есть следующее описание персонажа: «...избушка стоит... В ней баба-яга живет, старая-престарая женщина. Зубы во рту как жерди. Волосы — как мочала. Сама слепая...» (13, с. 134). Но в некоторых региональных коми традициях (в частности, в Зауралье, в Тюменской области) имеется следующее описание лесной старухи (догоняющей детей, брата и сестру): «старуха бежит за ними (по лесу), шуба ее рваная развевается, лицо и руки в крови, вот-вот схватит детей» (14, л. 94). Очевидно, данное описание (с явным стремлением соблюсти бытовую достоверность) — позднее в сказочном повествовании. Но есть и другие примеры. Интересен зафиксированный нами у коми в Зауралье (в с. Няксимволь Ханты-Мансийского автономного округа) былличечный рассказ о страшной мохнатотелой ёме. В северно-коми фольклоре встречается также редкое в коми произведениях внешнее описание ёмы — «пу кырсь паськема» — в одежде «из древесной коры» (15, с. 203—204).

По коми сказкам, ёма обитает в лесу, в земле под старым пнем, в «землянке», реже — «под водой»; она живет в избе, лесной избушке или «келейке» (на появление последнего названия-заимствования повлияло, очевидно, наличие монастырей в северном крае, различных обиталищ монахов-отшельников); интересно упоминание в сказке о «хижинке» — жилище ёмы и т. д. Но связь ёмы с деревом представляется особенной деталью (см. также приведенное выше описание ёмы «в одежде из древесной коры»). В частности, в коми сказках жилище лесной старухи порой находится в «крутящемся» домике (на верхушке березы) (16, л. 237). Возможно, это своеобразная трансформация избушки на ножках. Под влиянием русской сказки появился следующий момент: лесная старуха ёма обитает (в некоторых сказках) на «курьих», «петушьих» ножках, в избушке, крутящейся на ветру и т. д., но при этом в некоторых сказках появляется интересная и существенная деталь: прежде чем вступить в избу, необходимо наступить на иглу, торчащую перед входом (17, с 33—34).

Формула-приказание избушке встать передом к герою появляется редко. Но в некоторых сказках этот момент также развит. Приведем пример: «Шли, шли (брат с сестрой — *И. П.*), и дорога стала узкая, как мышиная тропа. Пришли к маленькой избушке. Очень маленькая избушка крутится впереди. «Избушка-матушка, к лесу задом повернись, а ко мне дверьми остановись!» Та повернулась и осела (села на землю — *И. П.*).

Зашли. А там очень старая старуха. Кряхтит-скрипит...» (14, л. 269).

Возможно, момент внезапного выхода старухи ёмы из старого пня (встречается у зауральских коми) в то же время является сложным мотивом, образованным при определенной ассоциации с мотивом езды яги и ёмы в ступе, или, по крайней мере, эти мотивы связаны между собой. В коми сказках довольно редко встречается мотив езды как передвижения старухи ёмы, но есть в сказках и следующие примеры: ёма ездит в решете или берестяной посуде (шердын); в зауральском коми фольклоре упоминается езда ёмы, живущей под землей в лесу, в упряжке мышей (иногда — семи мышей) и т. д. (14, л. 103). В результате влияния русского материала появляется мотив езды в ступе, или ступа может быть «везущей» силой, а пест употребляться в качестве кнута; в некоторых коми кумулятивных сказках также фигурирует ёма; при описании езды ёмы упоминается пест: у лошади «ноги, как песты, сани как берестяной лоток, завертка соломенная» (18, с. 48).

В коми сказках может происходить превращение лесной старухи. Это происходит, например, в коми сказке с известным сюжетом «Поди туда — не знаю куда...» (советчик царя — одноногий монах; монах — советчик царя известен и в русской сказке). Приведем следующий эпизод: солдат идет за шелковым клубком (шӧлк тупыль) и приходит к избушке, которая крутится на петушьей ножке. Он заходит в избушку. Там длиннозубая баба (весьт кузя пиня баба) сидит, баба набросилась на него, хочет его съесть (изгрызть). Но затем происходит узнавание «родственника» (зятя) по полотенцу, и длиннозубая баба превращается в красивую женщину (17, с. 33). Но такое превращение лесной бабы-пожирательницы — достаточно редкое в коми сказке.

Баба-яга в русских сказках подвергается следующим наказаниям; ее разрубают на части, спаливают на огне, превращают в камень, обращают в змею и т. д. (19, с. 172). По коми сказкам также известны варианты, разновидности наказания ёмы (ёмы-яги). Наиболее распространенным является привязывание старухи к коню или к хвосту коня; коня отпускают, и ёма разбивается; иногда говорится о привязывании дочери лесной старухи ёмы к коню; есть также следующая вариация: герой скачет на коне, и ёма, привязанная к коню, разбивается, и т. д. В различных версиях встречается сожжение ёмы (в огонь ёма попадает вследствие хитрости героя, или же сожжение представлено в сказке как казнь-возмездие). Но встречаются в коми

материале и другие разновидности казни — при помощи стрел (по тексту: стреляют из лука до тех пор, пока ёма не исчезает совсем), забивают ёму в смоляной реке (сир-ю) и т. д. (14, л. 212—213, 229, 233).

В. Я. Пропп выделял три типа яги: ягу-дарительницу, ягу-похитительницу и ягу-воительницу; в то же время исследователь отмечал, что «типичная яга» может быть названа «просто старушкой, бабушкой-задворенкой» и т. д. (7, с. 52—53). Н. В. Новиков выделяет бабу-ягу как помощницу героя, воительницу, мстительницу, обладательницу чудесных предметов, злую чаровницу, коварную доброжелательницу, злую советчицу и разлучницу, похитительницу детей. Он выводит «две основные группы: Ягишни, выполняющие положительную роль (по терминологии В. Я. Проппа — «Яга-дарительница»), и Ягишни, выполняющие отрицательную роль», признавая, что «в первой группе безраздельное место занимает, так сказать, классический и, возможно, самый древний тип Яги»; при этом отмечается, что «установление типа Ягишен в зависимости от их отношения к герою сказки не исключает того, что в целом образ Бабы-Яги (по отношению к человеку вообще) должен рассматриваться как отрицательный» (19, с. 135). По отношению к коми сказке вопрос о классификации персонажей (на разных уровнях рассмотрения), поставленный в русской фольклористике, также представляется закономерным. Речь может идти, как указывалось, и об известных поздних «вкраплениях» русского материала. В коми сказке вопрос о лесной старухе ёме (яге) — помощнице героя достаточно сложен, и имеются различные варианты соответствующего образа в региональных (особенно пограничных) традициях.

Ёма-обладательница чудесных животных или предметов более или менее заметна в коми сказке; более заметна ёма-воительница: ёма борется с богатырем-мужчиной, мстит за гибель мужа-чудовища-гундыра и т. д. Примечательно, что для ёмы-воительницы была определенная основа в образе ёмы, воплощения зла: например, в сказке о бур инька (доброй женщине) и старухе ёме последняя побеждает и уничтожает бур иньку (14, л. 88).

В сказках также говорится, что ёма бьет, «треплет» богатыря, последний сопротивляется только при получении чудесной силы (от напитка), а выполнив совет девушки (невесты чудовища-змея-гундыра), побеждает ёму, зацепив железными крюками за ее груди (20, л. 148). Описанная победа над ёмой — редкая в коми сказке.

В данной «усложненной» сказочной ситуации коми сказки, пожалуй, наиболее выражена именно ёма-воительница. Но, очевидно, на эту ситуацию оказали влияние версии о яге-воительнице. Ёма — жена гундыра наличествует, как правило, в «больших» контаминациях.

На наш взгляд, данная трактовка образа ёмы является достаточно поздней. Очевидно, она появилась с усвоением иноязычных (русских) сказочных версий, сюжетов о лесной старухе яге. Интересен факт противостояния «двойной» злой силе (ёмы и гундыра). Битва же богатыря со змеем-гундыром широко известна в коми сказках и при этом аналогична изображению сражения богатыря со Змеем Горынычем русских сказок.

Ёма-дарительница, очевидно, в коми материале персонаж более поздний, чем лесной хозяин или водяной-старик, одаривший охотника или рыболова. Ярко выражены на данном этапе в коми сказках дарители — яга-баба, безымянная старуха-помощница, старуха-тӧдысь (буквальный перевод с языка коми — «знающая»), старик (доброжелатель). Иногда в роли сказочных дарителей выступают духи (хозяева) леса и воды. Яга-дарительница заимствованного русского материала, без сомнения, повлияла на выделение ёмы-дарительницы.

Но в вопросе о лесной старухе — помощнице героя следует учитывать и архаический, традиционный коми материал, и целый комплекс трансформаций русских заимствований, и новые явления в повествовании. При взаимовлиянии коми и русского материала появилась возможность новых «замен» (например, в связи с образами помощницы, ёмы и яги). Появляются новые сказочные ситуации.

Очевидно, уже в позднее время, характеризуемое активным иноязычным сказочным влиянием, стали создаваться внутри самого сказочного повествования (опять-таки, наиболее плодотворно — в «больших» контаминациях) новые схемы, при классическом противопоставлении «добро-зло». Если в сказке представлен «новый» активный «персонаж зла» (васа-водяной и т. д.), противопоставленный герою, то старуха ёма, исконный «персонаж зла» коми сказок, может принять на себя роль «посредника» между активными силами зла и героем. Это, с одной стороны, очевидно, связано с соответствующим осмыслением персонажа водяного в повествовательной традиции (при взаимодействии сказки и несказочной прозы). С другой стороны, здесь как бы усиливаются позиции ёмы-хранительницы чудесных предметов. Приведем несколько эпизодов. Ёма следующим образом встречает героев (брата и сестру), которые заходят к

ней в избушку: «Эй, дорогие дети, по верху птица не пролетит, по низу мышь не пробежит. Как же вы здесь очутились?» — «Да, бабушка,— говорит брат,— попали, куда человек не забредает. Пойдем дальше». Старуха их не отпустила, в бане мыла-парила, одела-обула. И вдруг брат стал большим и сильным. И сестра уже не так мала. В данной сказке брат и сестра (убегающие от водяного-васа) попадают еще к двум старухам-сестрам, которые также спрашивают их: «Зачем идете прямо в пасть водяному, нечистому духу?» Старухи дают им чудесные предметы и клубок, показывающий дорогу. Третья ёма, которая дает чудесный предмет, советуя бросить его перед водяным, говорит: «будет кровавая река и огненная река, и там водяной может сгореть-сгинуть. Другой смерти ему нет» (14, л. 269—287).

Таким образом, ёма (исконный «персонаж зла» и хранительница чудесных предметов) может выступать в качестве дарительницы. Данная позиция (хранительница-дарительница чудесных предметов) в основе своей закономерно представляется развитой в самой коми сказке, но формальные совпадения соответствующих элементов позволяют констатировать и в данном случае иноязычное влияние, выявление сказочных ситуаций, заимствованных из русского материала. Яга-дарительница, как уже указывалось, повлияла на образ ёмы-дарительницы. Добавим, что коми сказке известна и другая версия: дарительницей является безымянная старуха-помощница (образ, соответствующий русской старушке-задворенке). Появление же развитого в коми сказке образа ёмы — доброй советчицы, помощницы (в известной мере и дарительницы) нами объясняется появлением новых внутрисказочных схем и возможностью (очевидно, достаточно позднем этапе) различных «замен», семантических сдвигов. В то же время материал дает возможность проследить развитие самой трактовки (сказочно-мифологической) подобных образов, с достаточно раннего периода.

Особо следует отметить, что в коми сказках наличествует противостояние двух женских персонажей, и мотивы эти характеризуются мифологическими чертами.

Подобное противостояние (но на уровне сказаний, в северной «пограничной» традиции) подчеркивает А. К. Микушев: в северно-коми произведениях противостоят друг другу ёма и бурныы (добрая девушка), в сказаниях имеет место и ёма-ныы (дочь ёмы). Примечательно противопоставление белого и черного цвета в данном контексте; А. К. Микушев отмечает, что от одного прикосновения ёмы «белая оленья упряжка превра-

щается в черную» (15, с. 202-203, 214). В других регионах коми подобное противостояние «белого» и «черного» образов не замечено.

Противостояние ёмы и ее окружения (дочерей) силам добра в позднем репертуаре воспроизводились чаще, как уже упоминалось, без явного упоминания их антагониста, и последних заменяют Красная Марпида, царевна и т. д.

Архаичным является противостояние ёмы и женщины с золотыми атрибутами. Это противостояние мифологического характера. Очевидно, что архаические произведения с подобным явлением (ситуацией) не предполагали дополнительных женских образов помощниц, советчиц, дарительниц. Здесь имело место непосредственное столкновение сил добра и зла, темного и светлого начал (21, с. 273—274).

В то же время, по развитой волшебной коми сказке, помощница и дарительница чудесных предметов (для бегства от ёмы) необходима именно детям (по сказке, мать, «зарни сюра баба», не может им помочь, т. к. находится в плену у ёмы, отнявшей у нее особый головной убор). В некоторых сказках родители сообщают дочери о различных запретах (которые далее нарушаются, что создает известные ситуации по сказочному повествованию). Помощницы в сказочном повествовании необходимы: 1) детям (по известному варианту — дочерям) доброй женщины (в сказках о ёме); 2) старухи-помощницы помогают девушке, по другим вариантам — царевне в противостоянии ёма, в поисках пропавшего жениха и т. д.; 3) старухи-помощницы помогают юноше и герою-мужчине (в поиске невесты, в выполнении заданий хозяина, царя и т. д.).

Примечательно, что в упоминаемой сказке о ёме и женщине «с золотыми рогами» старуха-помощница, помогающая ее дочери, говорит последней в ответ на просьбу спрятать от персонажа зла (пределы передвижения которого по сказке известны): «спрятать я тебя не могу, а убежать от ёмы помогу», и для этого дает ей чудесные предметы — палку, точило, берестяной кузовок со смолой, обеспечивающие появление препятствий на пути ёмы (леса, горы, смоляной реки), как известно, в сказках есть и другие чудесные «обереги-предметы» (22, с. 8).

Очевидно, образ, почти полностью совпадающий с русской старушкой-задворенкой (по некоторым коми сказкам — «тӧдысь пӧч» — т. е. знающая старуха или просто с «нейтральным» названием — «пӧрысь пӧч» — очень старая женщина, старуха) появился в сказке достаточно поздно, и, как уже упоминалось, еще позже в известном репертуаре ёма проявилась как помощ-

ница, советчица героя (ср.: старушка-помощница в русской сказке может также выступать в образе яги).

В то же время вопрос происхождения помощников героя (героини) достаточно сложен. Этот сказочный образ вобрал, очевидно, соответствующие черты языческих духов-помощников, и является не менее сложным, чем сам образ ёмы.

В русском сказочном материале известен образ старухи-помощницы, в частности, помогающей герою решать трудные задачи. Соответствующий образ есть в коми сказках, и в этом случае в плане сказочной «формы» (в оформлении эпизодов и т. д.) влияние русской сказки очевидно. Однако, образ помощницы героя усложнен в самой сказке мифологическими (реликтовыми) чертами (в ряде эпизодов): «Старуха крикнула: «Лесные звери, все идите ко мне, о чем спрошу — отвечайте!» Собрались лесные звери... Далее старуха (помощница Митрея-царевича) вызывает «пуйыл пӧтка» — птиц, обитающих на кронах деревьев, летающих над деревьями, и «ваул чери» — рыб, плавающих в водных глубинах (букв. перевод — в подводных глубинах) (23, л. 69). Отметим, что заявленные «уровни» появляются в мифологической обрисовке охранительницы пределов ёмы (в упоминаемых сказочно-мифологических ситуациях).

Приведенные материалы о лесной старухе ёме и яге (на коми почве) ставят перед нами, в частности вопросы о стадии развития позднего полифункционального образа и, в частности, об определяющих чертах (функциях) образа у славян и финно-угров. При этом заимствованный русский сказочный материал не только обусловил упоминаемые семантические сдвиги, но вызвал появление многих современных контаминаций, что, в свою очередь, также вызвало появление в системе персонажей новых устойчивых внутрисказочных схем и, в частности, иной, новой по сути, трактовки сложных образов в коми сказках.

Как правило, обусловленность появления данных трансформаций имеет сложную природу на коми почве. В частности, семантика образа «ёмы-яги», а в некоторых версиях и «ёмы-яги-помощницы» (условное название), в ряду других типов персонажа лесной старухи является уже традиционной, и образ воспринимается как исконно коми практически со всеми ее чертами.

Материалы о *ёме* (лесной старухе), персонаже *яге* и *вӧрса* (лешачихе), *вӧр ань* — лесной женщине указывают на сложность образов, вобравших соответствующие функции и черты, а также соответствующую обрисовку. Наряду с персонажем гундыром, лесная старуха — один из самых сложных («ска-

зочно-мифологических»), традиционных образов коми сказочного фольклора.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Осипов И. А.* Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс йылысь // Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс. Сыктывкар, 1941.
2. *Плесовский Ф. В.* Сказки. Предания // История коми литературы. Фольклор. Т. 1. Сыктывкар, 1979.
3. *Плосков И. А.* Чудовищный образ противника героя коми волшебной сказки // Жанр сказки в фольклоре народа коми. Сыктывкар, 1992.
4. *Сидоров А. С.* Памятники древности в пределах Коми края // Коми му. № 7 (10). Усть-Сысольск, 1924.
5. *Попов А. А.* Проблемы истории народа коми в связи с его фольклором // Фольклор народа коми. Архангельск, 1938.
6. *Плосков И. А.* Персонаж глот в преданиях и сказках коми // Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. Сыктывкар, 1982.
7. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
8. *Плосков И. А.* Наименования и типы персонажа коми волшебных сказок — лесной старухи // Советское финно-угроведение. № 2. Таллин, 1987.
9. *Алексеев Г., Попов А.* Комментарии // Фольклор народа коми. Архангельск, 1938.
10. *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми (XIX — нач. XX в.). М., 1958.
11. *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
12. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, д. 93.
13. Фольклор народа коми. Архангельск, 1938.
14. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 5, оп. 2, д. 27.
15. *Микушев А. К.* Жанровые особенности эпоса северных коми-зырян // Специфика фольклорных жанров. М., 1973.
16. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, д. 195.
17. Коми мойдан и сьыланкывъяс. Сост. А. А. Цембер. Усть-Сысольск, 1914.
18. *Рочев Ю. Г.* Песни-сказки // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976.
19. *Новиков Н. В.* Образы восточно-славянской волшебной сказки. Л., 1974.
20. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, д. 38.
21. *Плосков И. А.* К рекомендации мифологических представлений древних коми о прародительнице // 17-я Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Ч. 2. Устинов, 1987.
22. Мойданкывъяс. Сыктывдінкар, 1922.
23. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, д. 94.

Ivan Ploskov

FOREST PERSONAGES OF YOMA AND YAGA IN KOMI FOLK-LORE

The article deals with the peculiarities of Yoma and Yaga personages (borrowed character) in Komi folk-lore. One can see here definite interdependency of both Komi and Russian characters. Some other various aspects find their position in the investigation of the system of Komi personages in the narrative (fantastic) folklore.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

Сергей Белых
Ижевск

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНОНИМЕ *ар*

В языках тюрок Поволжья и Предуралья — татар, башкир и чувашей — существует этнический термин *ар*, которым вышеназванные народы именуют удмуртов: тат., баш. *ар*, множ. ч. *арлар*; чув. *ар*, множ. ч. *арсем*.

От поволжских тюрок данный этноним был заимствован русскими и иногда использовался в качестве названия удмуртов в русских официальных документах и научной литературе вплоть до середины XVIII в. наряду с другим этнонимом — *(в) отин / (в) отяк* [см. 1, с. 99].

Начиная с 70-х годов прошлого столетия делались неоднократные попытки этимологизации этнонима *ар*. Так, например, его связывали с тюркским апеллятивом, означающим «пчела, трутень» или «оса, шершень», семантически обосновывая такую этимологию тем, что удмурты, якобы, трудолюбивы как пчелы, тем, что они как осы сопротивлялись татарам, либо тем, что удмурты, дескать, были хорошими пчеловодами [2, с. 5; 3, с. 26; 4, с. 626]. Понятно, что подобные «этимологии» нельзя было воспринимать всерьез, и они в последующие годы были без колебаний отвергнуты [см. 5, с. 191; 1, с. 105].

М. Г. Худяковым было выдвинуто предположение (ничем, впрочем, не подкрепленное и впоследствии справедливо подвергнутое критике [см. напр. 5, с. 190]) о том, что в старину имелось крупное удмуртское племенное объединение, называвшее себя *ар* и обитавшее в Приказанье. Именно от этого племени тюрки и восприняли, по М. Г. Худякову, свое современное название удмуртов. Кроме того, М. Г. Худяков, кажется, первым попытался увязать этноним *ар* с названием населенного пункта *Арск* (тат. *Арча*, ныне — районный центр Республики Татарстан), бывшего в средние века городом-крепостью и центром удельного княжества в составе Казанского ханства, которым, как полагал ученый, правили удмуртские князья [6, с. 346—347; 7 с. 55, 200].

Годы спустя эта идея была с энтузиазмом подхвачена и развита в трудах некоторых удмуртских ученых. Основываясь, во-первых, на внешнем созвучии названий *ар* и *Арча/Арск*, а во-вторых, на преданиях удмуртов Кукморского и Балтасинского районов Татарстана, повествующих о том, что некогда Арск был южноудмуртским центром, в котором жил *удмурт эксэй* — удмуртский князь, эти исследователи делают вывод о былом существовании в Арске древнеудмуртского городища, бывшего, по их мнению, столицей южноудмуртского княжества, которое находилось в вассальной зависимости от Казанского ханства и сыграло в его истории заметную роль [см. напр. 8, с. 297—302; 9, с. 8, 18—20; 10, с. 21—24; 11, с. 49—52; 12, с. 88 и др.].

Рассмотрим аргументацию этих авторов несколько подробнее. Прежде всего необходимо отметить, что, как показал В. И. Алатырев в своем «Этимологическом словаре удмуртского языка», татарское название Арска — *Арча* — происходит не от этнонима *ар* «удмурт», а от тюркского слова *арт* «зад, тыл, задний, тыльный» с прибавлением общетюркского именного аффикса *-ча*. Такое название вполне оправдано, т. к. крепость Арск издавна служила тыловым, северным форпостом на подступах к Казани [см. подробнее 1, с. 116—117], а сам район, где расположен Арск, татары до сих пор называют *Казан арты*, т. е. «тыл Казани, Заказанье» [13, с. 3].

Предположение М. В. Гришкиной, В. Е. Владыкина и других о происхождении князей Арска, *арских князей* русских документов конца XV—XVI вв. и их потомков — каринских татарских князей на р. Чепце из патриархально-родовой верхушки южных удмуртов [8, с. 18—20] является бездоказательным, приводимые ими доводы являются весьма спорными, а порой — и ошибочными. Так, например, ссылка М. В. Гришкиной на то, что в некоторых источниках, где перечисляются различные социальные слои и группы Казанского ханства, арские князья значатся отдельно в конце всего списка, говорит, якобы, ... *«о нетатарском, скорее всего, удмуртском происхождении последних»* [11, с. 51], вряд ли может быть принята как аргумент; данный факт свидетельствует об особом положении арских князей в социальной структуре Казанского ханства, но не содержит информации об их этнической принадлежности вообще — в том числе и об их *«удмуртском происхождении»*. Напротив, русские средневековые источники недвусмысленно говорят об арских и каринских князьях как о татарах, а их потомками являются татары некоторых районов Татарстана, а также чепецкие (каринские, нукратские) татары, что признает, в частности, и

сама М. В. Гришкина [10, с 23, 30—32; 11, с. 52, 63—64]. При этом важно, что нет ни языковых, ни этнографических, ни фольклорных свидетельств о принадлежности предков чепецких татар к удмуртам.

Существование на территории Арска *«укрепленного древнеудмуртского городища, явившегося основой развития Арска как города»*, которое у М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина *«не вызывает сомнения»* [9, с. 8], на самом деле является гипотетичным и не имеет достаточного археологического подтверждения, т. к. сколько-нибудь серьезных археологических раскопок Арского городища доселе не производилось.

Что касается вышеупомянутых удмуртских преданий, то можно сказать, что в силу их крайней отрывочности [см. 6, с. 346; 14, л. 93, 134, 136, 139, 142], извлечь из них сколько-нибудь значимую в этноисторическом плане информацию невозможно, за исключением, быть может, того положения, что некогда в окрестностях Арска действительно могли проживать какие-то группы удмуртов, которые затем были оттуда вытеснены татарами. Это последнее обстоятельство, на которое не обращают внимания М. В. Гришкина и сторонники её версии, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что вытеснение удмуртов из-под Арска (татарами!), могло произойти скорее всего задолго до падения Казани, а посему южно-удмуртские предания об удмуртском князе в Арске, вероятнее всего, вообще не имеют никакого отношения к арским князьям, многократно упоминающимся в русских источниках конца XV—XVI веков, предстающим в этих источниках верными союзниками Казани в событиях 1552 года [см. напр. 11, с. 50-51], и скорее противоречат выводам упомянутых авторов, нежели подтверждают их. Следует, кроме того, иметь в виду, что выражение *удмурт эксэй* может означать не только «удмуртский князь» (удмурт по национальности), но и «князь удмуртов» (по национальности — кто угодно).

У М. В. Гришкиной и др. из работы в работу переходит суждение, которое, ввиду придаваемой ему важности, я считаю необходимым процитировать целиком: *«О наличии удмуртского княжества, игравшего заметную роль в Казанском ханстве и принимавшего участие в междоусобной борьбе, свидетельствуют и татарские предания. В одном из них — «Чур батыр дастане» повествуется о том, как теменцы во главе с Чура батыром победили айрактанцев во главе с князем Алибеем. Термин «айрактанцы» расшифровывается специалистами как «из белых аров» и идентифицируется с удмуртами Арской земли»* [цитируется по 9, с. 8].

К сожалению, мне не удалось отыскать книгу, на которую ссылается Маргарита Владимировна в своих статьях и монографиях (История Татарской АССР, т. 1, Казань, 1950,— см. напр. 9, с. 8; 11, с. 23 и др.), равно как и не удалось найти текст дастана, о котором она ведет речь, однако, кое-какие замечания по этому поводу сделать, на мой взгляд, все-таки можно и должно. Прежде всего, совершенно непонятно, на каком основании вышеупомянутые безымянные «специалисты», на которых ссылается М. В. Гришкина, переводят термин *«айрактанцы»* как *«из белых аров»*, т. к. этимология этого слова, по моему мнению, достаточно прозрачна, и его следует возводить к тат. *аръяктан* — букв. «с той, противоположной стороны; с того берега», от тат. *аръяк* «та, противоположная сторона; тот берег» плюс суффикс исходного падежа *-тан*. Видимо, в результате метатезы *-rj- > -jr-* произошел переход *аръяктан [arjaqtan] > айрактан(цы) [ajraqtan]*. Метатеза в сочетаниях сонантов с сонантами — явление широко распространенное в тюркских языках [15, с. 176], в том числе, и в татарском: ср. напр. тат. *ärjän / äjrän* «айран, напиток из квашеного молока» [16, с. 546].

Таким образом, название *айрактанцы*, по всей видимости, служит всего лишь для обозначения жителей противоположного берега реки (к несчастью, не имея возможности оперировать с самим текстом предания, я могу только гадать, о какой реке здесь идет речь — о Волге, Каме или какой-то другой) и не дает ни малейшего намека на этническую принадлежность вообще и к удмуртам, в частности, этого населения и их предводителя *Алибея*, о чем осторожно в ранних работах и уже абсолютно категорично в своей последней монографии высказывается М. В. Гришкина [ср. 8, с. 294 и 11, с. 16].

Можно было бы продолжить критические замечания в адрес вышеуказанных работ и их авторов, однако, настоящая статья посвящена этимологии этнонима *ар*, и потому вернемся непосредственно к ней.

Если все те попытки этимологизировать этноним *ар*, речь о которых шла выше, а также некоторые другие версии происхождения данного названия, которые в целях экономии места не включены в настоящую статью, сегодня воспринимаются скорее как историографические курьезы, то этимология, предложенная в 30-е годы венгерским ученым М. Жираи и поддержанная впоследствии удмуртским языковедом В. К. Кельмаковым [5, с. 191; 17, с 132—133], стала в последние годы весьма популярной и даже именуется некоторыми авторами «общепринятой» [18, с. 12].

М. Жираи и В. К. Кельмаков считают, *«...что этноним ар этимологически восходит к тюркским словам eri, er, ir «человек», «мужчина», вернее к варианту с заднерядным вокализмом (ср. чув. ar)»*, ссылаясь на то, что слово со значением «человек, мужчина» очень часто служит для образования этнонимов у самых разных народов мира [5, с. 191].

Гипотеза эта, небезупречная фонетически, встретила также обоснованные возражения В. И. Алатырева и других исследователей по поводу своей семантики [см. 1, с. 102—104]. В самом деле, трудно себе представить, что поволжско-уральские тюрки стали называть своих соседей-удмуртов словом, означающим в их языках «муж, супруг; мужчина; герой; богатырь». Значение же «человек» у данного слова, если и имеется в каких-то тюркских языках (чего мне обнаружить не удалось), то носит явно вторичный характер и уж никак не является основным. Следует также отметить, что этнонимы типа «человек» употребляются, как правило, в качестве самоназваний, а если слово «человек» и входит в название другого народа, то практически всегда — в качестве компонента сложного слова (ср., например, мар. *марий* «мариец, мужчина, человек» — и *одомарий* «удмурт», букв. «человек (племени) *одо*»).

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что настоящая этимология является более чем спорной и вряд ли может претендовать на роль и звание «общепринятой» (см. выше).

Определенный интерес представляет попытка В. И. Алатырева связать происхождение этнонима *ar* с некоторыми индоиранскими лексемами. *«Термин ар явно напрашивается на сравнение с индоиранским словом *ari-, *arja «чужой, чужак, посторонний» и иногда «дикий»: вед. ari- «чужой, чужак, посторонний», др.-арийск. ari, arja «чужой», arjana «истинно чужой»... Слово arja (arjana) имеет еще и другие значения: «ариец; арийский; герой, удалец; господин»... Еще добулгарские (тюрко-угорские и гуннские) родоплеменные этнические группировки, продвигаясь с Востока и Юго-Востока в район Волго-Камья, об удмуртах (арах) могли впервые узнать от древних индоиранцев. Следует также учесть, что в составе волжских булгарских этнических групп были кочевники и из «сармато-аланских племен», для которых иноязычные родоплеменные ары могли быть известны. Булгарам и кыпчакам этот термин (ар) перешел «механически»* [1, с. 100—101].

Прежде всего, здесь необходимо заметить, что в упоминаемых В. И. Алатыревым древнеарийских корнях в языке предков осетин еще в скифскую эпоху звук *-r-* закономерно перешел

в *-l-* [19, с. 214]: ср. напр. осет. *allon* «алан»; *-älon: äcägälon* «чужой, чужак, посторонний» — букв. «истинно чужой», восходящие соответственно к арийск. **arja-* и **ari-* [20, с. 47, 101]. Из этого следует, что если даже этимология В. И. Алатырева в принципе верна, то появившиеся в Среднем Поволжье во второй половине I-го тыс. н. э. тюрки должны были заимствовать этноним *ar* не от аланов, а от каких-то других ираноязычных групп, в языке которых старый индоиранский *-r-* сохранился без изменений вплоть до этого времени.

Таким образом, данная гипотеза предусматривает целый ряд трудноприемлемых допущений. Во-первых, приходится допускать, что к моменту появления в Среднем Поволжье булгар здесь по соседству с предками удмуртов обитали какие-то ираноязычные племена, что представляется весьма гипотетичным. Во-вторых, необходимо допустить, что язык этих иранцев существенно отличался от языка аланов, т. к. он сохранял арийский *-r-* на месте аланского *-l-*. В-третьих, приходится допускать, что по каким-то никем не объясненным причинам в слове **ari* отпал конечный гласный и оно, таким образом, превратилось в *ar*. Все эти допущения делают настоящую этимологию В. И. Алатырева довольно шаткой.

Имея в виду все вышесказанное, осмелюсь предложить еще одну альтернативную этимологию этнонима *ар*.

Среди довольно многочисленных известий арабских и персидских средневековых авторов о Волжской Булгарии и соседящих с ней территориях весьма большой интерес представляет сообщение посетившего Булгар в 1135—1136 гг. арабского путешественника и миссионера Абу Хамида ал-Гарнати о расположенной где-то по соседству с Булгарией стране («области») *Ару*, в которой *«...охотятся на бобров и горностаев и превосходных белок. А день там летом двадцать два часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров»* [21, с. 31]. Справедливо полагая, что упоминание очень продолжительного светлого времени суток летом скорее всего указывает на земли к северу от Булгара, А. Л. Монгайт предположил, что область *Ару* — не что иное, как Арская земля русских летописей, а название города Арска ошибочно (см. выше) вывел из чувашского и татарского названия удмуртов [21, с. 102].

Мне представляется, что название *Ару* может происходить от имеющегося во многих тюркских языках слова *ar / ary* «напротив, на той стороне; та, другая сторона, находящийся на другой стороне; туда, дальше» [22, с. 243, 264—265]: ср., например, тат. *ары* «тж» [23, с. 74].

Если взглянуть на археологическую карту Волжской Булгарии, невозможно не заметить, что подавляющее большинство булгарских памятников домонгольской эпохи локализуется на левобережье Волги и Камы и по левым их притокам на территории современного Татарстана [см. напр. 24, с. 10]. Именно в этом регионе во времена Абу Хамида ал-Гарнати проживала основная масса населения Булгарии, здесь были расположены ее наиболее крупные города — Булгар, Биляр и др. Земли же, расположенные севернее, за Камой, булгары вполне могли называть словом *ary* в значении «та, другая сторона, тот берег; заречье». Тогда же или позднее данный термин был перенесен булгарами и их потомками — чувашами и татарами — и на жителей этих земель — предков южных удмуртов.

Отпадение конечного *-y* в слове *ary* и превращение его, таким образом, в *ar* может быть объяснено следующими причинами:

Звук *y* (орфографически в тат., баш. *-ы*, в чув. *-ӑ*) в тюркских языках Урало-Поволжья является гласным звуком неполного образования (редуцированным) и потому в определенных условиях легко выпадает [25, с. 168—169; 26, с. 230]. В данном же конкретном случае падение этого звука хорошо объясняется тем обстоятельством, что слово **ary* в качестве названия жителей правобережья Камы изначально употреблялось поволжскими тюрками либо с суффиксом множественного числа — **arylar*, либо в составе других композитов, означавших буквально «житель / жители той стороны, того берега, заречья». Оказавшись, таким образом, в безударном положении звук *-y-* беспрепятственно отпал, точно так же как он отпал, например, в татарском *аръяк [arjaq]* «та, другая сторона; тот берег» < *ары [ary]* + *як [jaq]* «сторона, место, местность»; а слово **arylar* превратилось в *arlar*. Постепенно основа этого последнего слова *(ar)* стала осмысляться тюрками не как вышеупомянутый апеллятив, а как этноним — название удмуртов.

Таким образом, настоящая этимология представляется вполне приемлемой и фонетически и по своей семантике. Типологически она имеет параллель, например, в удмуртском языке: удм. *тупалъёс [tupaljos]* «жители заречья, зареченские» < *тупал [tupal]* «заречная сторона, заречье» + *ёс [jos]* (суффикс множ. числа).

Сокращения названий языков: *баш.*— башкирский; *вед.*— ведический; *др.-арийск.*— (древне)арийский; *мар.*— марийский; *осет.*— осетинский; *тат.*— татарский; *удм.*— удмуртский; *чув.*— чувашский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алатырев В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка. А-Б. Ижевск, 1988.

2. *Островский Д. Н.* Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. Т. 4, № 1. Казань, 1874.

3. *Кузнецов С. К.* Общинные порядки вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. № 4. М., 1904.

4. *Бехтерев В. М.* Вотяки. Их история и современное состояние // Вестник Европы. № 8. СПб., 1880.

5. *Кельмаков В. К.* Происхождение и первые упоминания этнонима *ар* // Этнонимы. М., 1970.

6. *Худяков М. Г.* Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXX. Вып. 3. Казань, 1920.

7. *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

8. *Сысоева М. В.* Первые письменные известия об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Выпуск IV. Ижевск, 1967.

9. *Гришкина М. В., Владыкин В. Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

10. *Гришкина М. В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988.

11. *Гришкина М. В.* Удмурты. Этюды из истории IX—XIX вв. Ижевск, 1994.

12. *Атаманов М. Г.* Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

13. *Бурганова Н. Б.* О формировании татарских говоров Заказанья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985.

14. *Атаманов М. Г.* Дневник этнографической экспедиции института (УдНИИ) и УдГУ в ТАССР и Кировскую область 1973 г. // Рукописный фонд УИИЯЛ УрО РАН, оп. № 2-Н, д. № 442.

15. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

16. Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.

17. *Кельмаков В. К.* К истории удмуртов правобережья Бятки // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

18. *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.

19. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л., 1949.

20. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.-Л., 1958.

21. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М., 1971.

22. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 1. СПб., 1893.

23. Толковый словарь татарского языка. Т. 1. Казань, 1977.

24. *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.

25. *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971.

26. *Гарипов Т. М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхрони-ческой и диахронической характеристики. М., 1979.

Sergey Belykh

ONCE MORE ON THE ETHNIC NAME *ar*

The Tatars, Bashkirs and Chuvashes call the Udmurts by the name *ar*. Since the end of XIX century a lot of etymologies have been suggested for this name, but none of them can be considered acceptable. The author makes a new attempt to explain the origin of the folk name *ar*. According to his opinion, this ethnic name arises from Turkic stem *ar/ary* «there; (on) that/opposite side; (on) that/opposite bank, across the river». Originally the Volga Bulghars and their descendants who lived on the left bank of the Lower Kama could call the land of the Southern Udmurts who lived on the right bank of Kama, by tnis name and afterwards they might transfer this word onto all inhabitants of those lands.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

Ольга Егорова
Казань

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ КОРРЕЛЯТЫ МАРИЙСКОГО МЕЛОСА
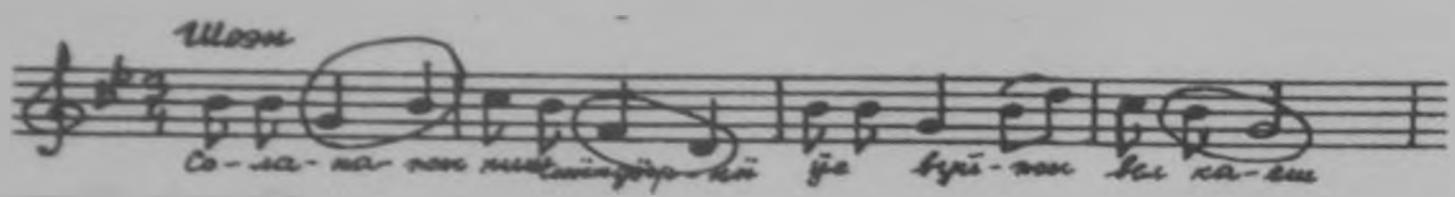
Изучение неповторимого по своей исторической, научной, художественной ценности феномена национальной культуры, каким является МЕЛОС марийской народной песни, представляет неисчерпаемые возможности для нетрадиционных методов.

Одним из них может стать рассмотрение мелоса в его связи с особенностями пространственно-временных представлений.

Категории пространства и времени являются основополагающими в осмыслении глубинных основ этнической ментальности. Известно пристальное внимание, проявляемое учеными различных направлений к данному аспекту — это более чем наглядно демонстрируют многие исследования последних десятилетий. «Категория «время»,— пишет О. Притыкина,— занимает особое положение, ... находясь на стыке философии, эстетики и музыкознания... Категории «время в музыке» и музыкальное время — фундаментальные музыкально-эстетические категории... через них раскрываются сущностные стороны бытия музыки (1, с. 68—69). Как известно, один из основоположников методологии исследования пространственно-временного континуума в области художественного творчества М. Бахтин сформулировал и то положение, которое служит путеводной звездой при «погружении» в сложнейшую область музыкальной семантики: «... всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота... хронотопов» (2, с. 94).

Попытка рассмотрения с этих позиций феномена марийского мелоса может быть начата с осмысления законов симметрии, выполняющих функцию организации мелодического прост-ранства. Симметрия является одним из законов, имеющих в природе широкое распространение. Пространственно-временной континуум марийского мелоса преломляет этот всеобщий закон в форме, которую можно определить как пространственно-временное смещение основополагающих элементов, управляемое неизменными интервальными соотношениями. Мотив — инвариант

не меняется, а передвигается, «переворачивается» в заданном ладо-мелодическом пространстве: .

В приведенном примере отмечена малотерцовая попевка, роль которой наиболее наглядно демонстрирует симметричную интонационную структуру мелостроки. Обратим внимание на тот факт, что малотерцовая попевка, по имеющимся наблюдениям, играет особую роль в наиболее древних слоях угро-финского музыкального фольклора. Это, безусловно, важный ладо-семантический и ладообразующий элемент.

Отметим также легко улавливаемую слухом **стабильность** малотерцовой попевки и в то же время — **изменяемость** ее пространственно-временного статуса. По-видимому, именно эта особенность обратила на себя внимание венгерского ученого Л. Викара, назвавшего марийскую мелодику «одномотивной». Ему же принадлежит определение РИТМА марийской монодии, как «однообразного», «не богатого», с чем нельзя согласиться (8). Следует, скорее, говорить об аналогичном мотивному развитию явлении МОНОСТРУКТУРНОСТИ, обуславливаемой опять-таки «притяжением» и «отталкиванием» основополагающих ладо-ритмо-интонационных элементов, лежащих в основе развития. Так, поразительным примером «разнообразия в однообразии» является следующий пример:

Передвижение и смещение мотивов, приводящее к изменению метро-ритмического статуса исходных элементов, хорошо просматривается в приведенном выше примере свадебного напева, исполняемого унисонным хором. (Запись В. Куокаль).

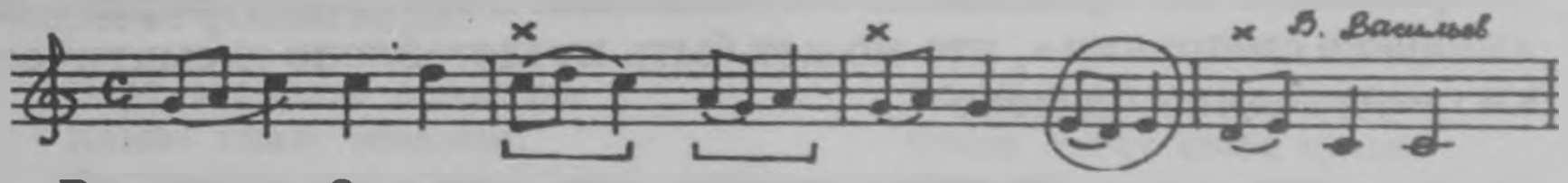
Подобного рода мелодические формулы встречаются в большом количестве песен. Не умножая количества приводимых примеров, отсылаем читателя к аналогичным случаям, приведенным в следующем известном издании: Мари муро, собр. В. Васильева. Казань, 1919 (№ 306, Изи вӱдет йогальэ, № 268, Кужужым йакшыжым, № 155, Кугужан капкат и многие другие).

Отмеченные особенности постепенно подводят нас к необходимости терминологического обновления. Используемое в име-

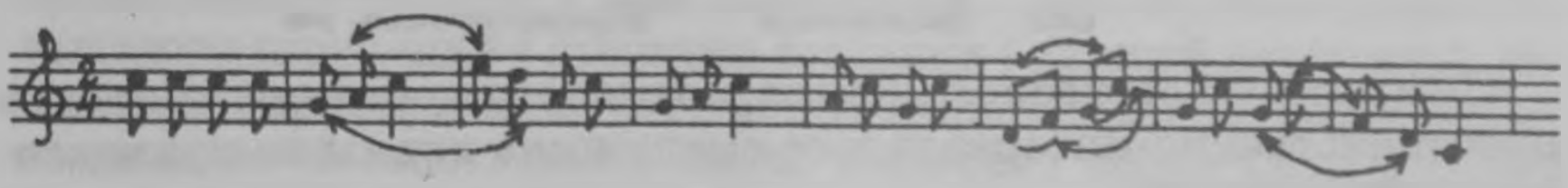
ющихся исследованиях марийской песни традиционное понятие «вариант», «варьирование» не отвечает сущности явления. В поисках некоего изоморфа пространственно-временным перемещениям внутри марийского мелоса возникает аналогия с рисунком звездного неба и передвижениями планет, при которых силы притяжения и отталкивания остаются неизменными. Возникает (в марийской песне) своеобразный ИНДЕКС ПРО-СТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО СМЕЩЕНИЯ, позволяющий изменять КОНФИГУРАЦИЮ, «передвигая» исходные элементы. Таким индексом в марийском мелосе, как правило, становятся кварто-квинтовые сопряжения, управляющие вращением малотерцовых и большесекундовых попевок. Схематически один из часто встречающихся вариантов можно представить следующим образом (за «единицу смещения» берется большая секунда):

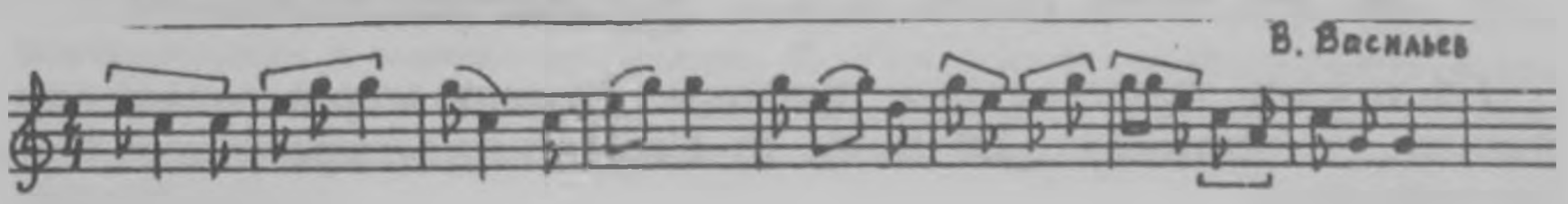
В приводимых ниже примерах, взятых из сборников В. Васильева, знаком «х» отмечены секундовые мотивы, связанные кварто-квинтовым сопряжением; скобкой — секундовые мотивы, один из которых звучит в обращении; знаком круга — секундовый мотив, образующий квинтовое сопряжение на расстоянии (прим. 3 «в»).
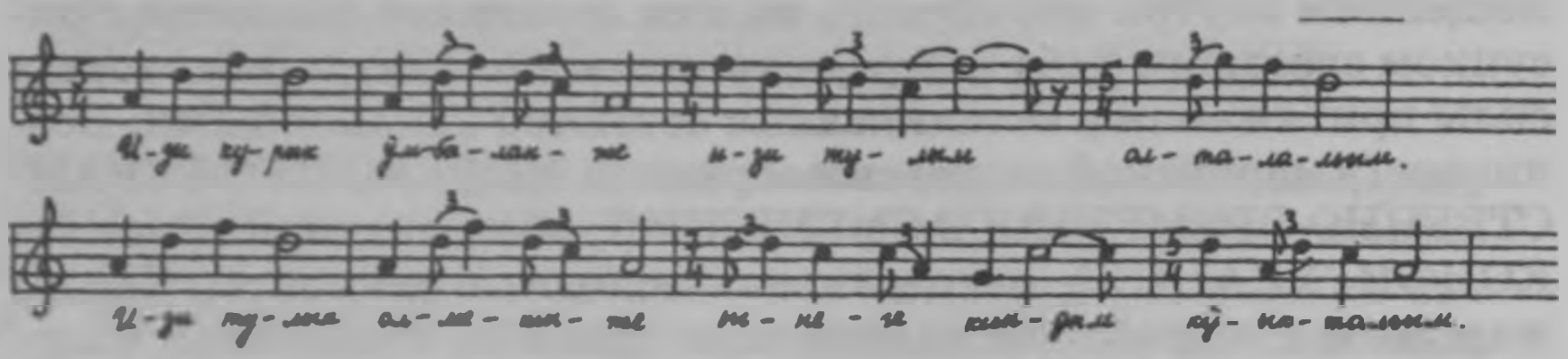

В примере 3 «с» квинтовые сопряжения, отмеченные стрелками, образуют тончайшую «вязь», как бы опоясывающую поток мелодического движения.

В примере 3 «d» чрезвычайно заметен принцип вращения мотива, в данном случае — терцового, как бы «привязанного» к звуку, образующему центр вращения (до ⟵ ми ⟶ соль)

Интонационно и семантически значимые элементы выстраиваются в нижеприведенном примере в постепенно расширяющееся мелодическое пространство:

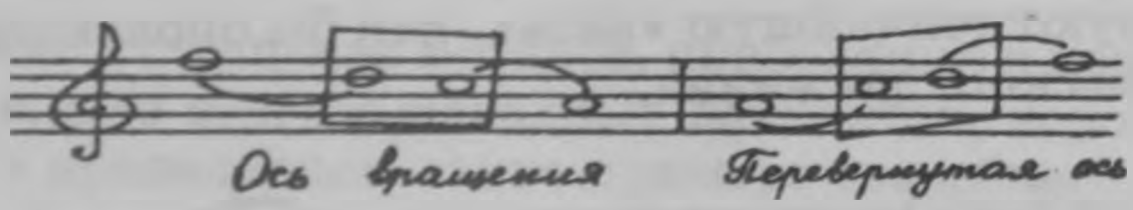
Выписанный отдельно текст приведенного примера выглядит — в построчном и постròфном расположении — следующим образом:

Изи курык ӱмбаланже
Изи тулым олталальым.
Изи тулын олмешыже
(Ы) снеге киндым кӱыктальым.

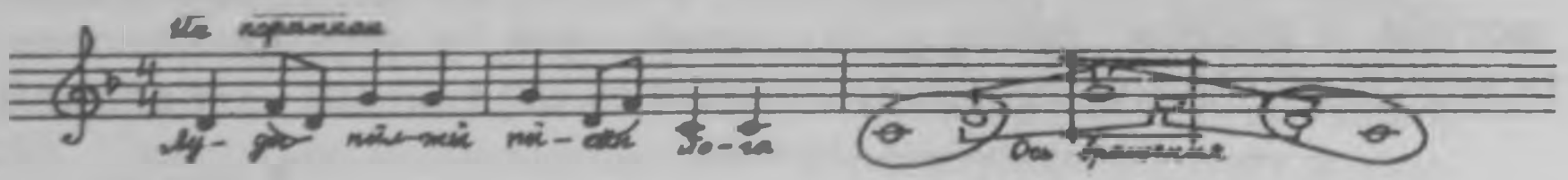
(Музыкальный и вербальный текст приводится в пределах до квинтового смещения, образующего вторую половину песни).

Рассматривая начальную мелострóку, замечаем, что она организована по принципу некоего вращения вокруг интонационного осевого центра. Ритмически выделенный и легко «оседающий» на слуху интервал большой секунды играет роль этого центра, вокруг которого располагаются малотерцовые попевки. Сохранность интервальных соотношений позволяет говорить об «индексе смещения», что может быть представлено схематически следующим образом:

Схема мелодического развития

Симметричное расположение мотивов и действие «индекса пространственно-интервального смещения» видны из приведенного ниже текста:

(Источник цитирования примера: Кырык мары халык мырывла. Йошкар-Ола, 1958. А. Р. Сидушкина сирен налын да составляен).

Околосекундовое вращение создает в марийском мелосе характерный оборот, воспринимаемый «европейским» слухом как «минорный квартсекстаккорд — мажорный секстаккорд», что часто используется в профессиональной музыке (типа ля-ре-фа = -фа-до-ля, где секунда ре-до «притягивает» терции, лежащие «по краям»).

При передвижении, смещении, вращении элементов системы меняется и их временной статус: они появляются позже, раньше, в различных метро-ритмах, на иной высоте, образуя все новые пространственно-временные функциональные связи*.

Принцип пространственно-временного смещения, как нам представляется, можно рассматривать с точки зрения его изоморфности по отношению к типичным структурам национального вербального языка и связанных с ним мифологических представлений. Переходя к этому пункту наших рассуждений, необходимо напомнить некоторые исходные положения. Как известно, в агглютилирующих языках, в отличие от флективных, семантически значимые частицы присоединяются друг к другу, зачастую меняя при этом временную и пространственную семантику, понятие образующих элементов. Явление такого типа не может не оказать воздействия на широко понимаемое пространство ментальности, присущей тому или иному народу. Отметим, в частности, что фольклорная поэтика знает способ образования большего количества путем присоединения (а не роста). Приведем лишь один пример, взятый из марийского песенного фольклора:

Пӧрт вуйышто кайыкше	Воробей сидит на крыше,
Комбо лияш тӧчалеш.	Очень хочет стать гусем.
Ты Пам(а) шенер ӱдырышт — (в)лак	Памшенерская девица
Вате лияш тӧчалыт.	Очень хочет замуж. (7)

Несмотря на явно частушечный, «комикующий» характер приведенного текста, в нем совершенно ясно просматривается «агглютилирующий» принцип создания большей величины, заполнения пространства «путем присоединения»: воробей «присоединяет» к собственной массе величину сарая (или другого строения), чтобы казаться больше. Древность этого принципа,

---

* Отмеченную закономерность следует распространить на уровень формообразования в марийском мелосе. С этим связана необходимость пересмотра и уточнения некоторых часто применяемых терминов типа «вариантность» и «секвенция». Мы предполагаем рассмотреть этот вопрос в отдельной работе.

его историческая «отточенность» свидетельствует одинаково и в пользу самобытности языка, и в пользу такой же глубинности принципов музыкального формообразования в марийском мелосе. «До технического совершенства агглютилирующих... языков,— пишет Н. С. Трубецкой,— индоевро-пейским языкам еще далеко... агглютилирующий строй по сравнению не только с гипертрофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующими представляется некоторым идеалом... Нельзя себе представить финна, эстонца, венгра, турка или японца, который... стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии» (3, 58—59).

Агглютинирующий принцип сам по себе как бы провоцирует взаимозаменяемость частиц, подразумевает особую роль вектора движения. «Игра» пространственно-временных значений давно замечена исследователями марийского языка. Наиболее ранние наблюдения отражены в понятиях «ончыл мари» и «шенгел мари» («передние» и «задние» марийцы). Точкой, от которой ведется пространственный отсчет, является Казань. По отношению к этой географической точке «ончыл мари» расположены ближе (южнее), а «шенгел мари» — дальше. Субъект наблюдения должен при этом представить себе пространственное перемещение в двух взаимосвязанных аспектах — как бы «к себе» и «от себя». Марийская ментальность, по-видимому, вообще включает в себя свободную ориентацию в пространстве. Это хорошо заметно в мифологических представлениях, отразивших, безусловно, глубокую древность.

«Взаимообращаемость» пространства и времени запечатлена, например, в разнообразных обычаях «общения» мертвого и живого, доброго и злого мира. Так, В. Акцорин указывает на записанный им способ избавления от колдовства: вывернуть одежду, надеть обувь носками назад, двигаться задом наперед (4, 163).

Обращаемость миров отражена и в описанном этнографами обычае «вургем чийше», когда кто-то из родственников умершего исполняет его роль, надевая на себя его одежду, исполняя его любимые песни и т. д., при этом «двойника» после выполнения ритуальной задачи «провожают на кладбище» (5, 128).

Представления о космическом круговороте, вращении вокруг некоего центра запечатлены в астральных представлениях древних марийцев. «... небесное стадо,— пишет Ю. Калиев,— совершает круг вокруг небесной оси — «шӱдыр» ... вокруг полярной звезды «шӱдыр», «кава менге» — друг за другом астральная картина располагала созвездия... во вращательной пос-

ледовательности изображаются лось, маленькие животные, напоминающие овцу и лебедь...» (6, 26). Приведенные примеры мифологических и астральных представлений могут показаться достаточно отдаленными от законов, управляющих марийским мелосом.

Намечая в предлагаемой статье некоторые возможные аспекты изучения национальной проблематики, мы отдаем себе отчет в дискуссионности затрагиваемых положений. Однако автор глубоко убежден в том, что все проявления человеческой культуры имеют глубокую связь между собой. Единые закономерности управляют свойствами видения мира и его отражения в языке, ментальной структурой и формообразованием национального мелоса.

Предлагаемый материал является попыткой представить себе смысл некоторых феноменов национального фольклора с точки зрения их соотнесенности с более широким кругом явлений. Может быть, этот путь приведет нас к некоей обобщающей картине, органичными и взаимно связанными частями которой будут и законы звездного неба, и структура народной песни, рожденной под его покровом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Притыкина О. И.* Музыкальное время — понятия и явления // Пространство и время в искусстве. Л., 1988.

2. *Земцовский И. И.* Хронотопы музыкального фольклора: Опыт типологии // Пространство и время в искусстве.

3. *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме. Избранные труды по филологии. М., 1987.

4. *Акцорин В.* Этногенез марийского народа по данным фольклора // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

5. *Мокшин Н. Ф.* Этнические взаимоотношения между мордвой и марийцами // Происхождение марийского народа.

6. *Калиев Ю. А.* Об астральных представлениях марийцев // Современные проблемы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1994.

7. *Герасимов О.* Марийские песни из Татарии и Удмуртии. М., 1978.

8. *Vikar L., Bereczki G.* Cheremis folksongs. Budapest, 1971.

Olga Egorova

SPACE AND TIME CORRELATES OF MARI MELOS

The article is devoted to the study of traditional Mari Melos from the point of its connection with space and time notions. Considering space and time content of Mari melodics the author reveals some regularities of structural organization of traditional songs melodics.

The principle of space and time displacement characteristic of Mari melodics is compared with the structures of national verbal language and folk mythological imaginations.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

Роза Игнаева
Йошкар-Ола

ОБ ОДНОМ ИЗ ТИПОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ПОСТПОЗИТИВНЫМ КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В СОВРЕМЕННОМ МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной марийской печати, особенно периодической, наблюдается возрастание употребительности числительных в роли кодовых (научных и технических) определителей (Уран-235, Ритм-1, Зонд-3 и др.), в наименованиях моделей самолетов (АН-225, Боинг-747, С-141, ИЛ-18, ТУ-144, ИЛ-2), автомашин (ВАЗ-200, ЗИЛ-164А, ЗИЛ-130, ВАЗ-1111), космических кораблей и спутников (Союз-10, Луна-17, Прогресс-39, Прогресс-250), теплоходов (Дунайский-30, Дунайский-62), а также отмечается широкое использование постпозитивного количественного числительного вместо порядкового в адресах, счетах, индексах, как, например: *Окружной комиссийын адресше тыгай; Советский поселко, Советский урем, 31, телефон 9-41-21* (2, № 7)'Адрес окружной комиссии такой: посёлок Советский, ул. Советская 31, телефон 9-41-21'; *Мемнан адресна тыгай: Волжск ола, Заводской урем, технический библиотека, телефон 3-01-74* (3, № 40)' Наш адрес такой: город Волжск, улица Заводская, техническая библиотека, телефон 3-01-74' Эти словосочетания, расширяя сферу своего употребления, получают все новые и новые позиции в марийском языке. Ныне цифрами кодируются уже многие явления, события, предметы и отдельные лица, а не только масса изделия промышленности. По образцу научных и технических терминов создается большое количество «шифрованных» наименований, проникающих через средства массовой информации в обиходный язык.

В последнее время марийские языковеды немало уделяли внимания вопросам взаимовлияния русского и марийского языков. Опубликован ряд монографий и статей, но синтаксические конструкции с постпозитивным количественным числительным почему-то остались вне поля зрения исследователей.

Рассмотрим, какие функции в марийском языке выполняют конструкции типа «Муро-95». Во-первых, они служат для «кодирования» наименования явлений или событий, повторяющихся ежегодно или в определенные промежутки времени: а) различных выставок: *1992 ийыште Севилья олаште «Экспо-92» тӱнямбал выставка лие* (2, № 77)' В 1992 году в городе Севилья была международная выставка «Экспо-92»' б) названий международных ярмарок: *Новосибирскыште «Трансибэкспо-95» икымше универсальный ярминга-презентаций почылтын* (3, № 21)' В Новосибирске открылась первая универсальная ярмарка-презентация «Трансибэкспо-95»' в) «кодируются» названием года в усеченном виде также наименования различных состязаний, спортивных соревнований, чемпионатов, олимпиад: *«Север-89» традицийыш пурышо тенийысе автораллыш чылаже ныллe куд экипаж миен* (2, № 41)' На традиционный авторалли «Север-89», проводимый в этом году, собралось всего шесть экипажей'.

Участники соревнований и чемпионатов — клубные и национальные команды — также могут получать числовой определитель по календарному году: «ЦСКА-65», «ЦСКА-66».

Интересно отметить, что и города — места проведения олимпиад и чемпионатов — нередко получают к своим названиям числовые определители: «Мехико-68».

Во-вторых, подобные словосочетания могут служить для наименования всевозможных конкурсов: *Тений мартыште Кужснер поселкышто «Муро-95» фестиваль годым тыгаяк танасымаште угыч икымше верым налмеке, республиканский смотрыш корно почылто* (3, № 97)' После того, как вышла на первое место во время фестиваля «Муро-95», открылась дорога на республиканский смотр'.

В-третьих, примыкающее количественное числительное встречается в названиях теле- и кинофильмов, опер, постановок: «КВН-95» — так называется телевизионный конкурс веселых и находчивых; «Фестиваль-68» — так называется полнометражный цветной документальный фильм. Таких названий, особенно в телепрограммах, очень много.

В-четвертых, такими словосочетаниями с примыкающими числительными стали называться некоторые рубрики в газетах и журналах. Они могут повторяться в каждом номере газеты: «Абитуриент-66».

В-пятых, такие конструкции с количественным числительным могут употребляться для наименований годовых сборников произведений молодых поэтов, писателей, композиторов:

1990 ийыште тудо «Дива-90» книгаште шӱдӧ мурын авторжо семын пурен (3, № 123)' В 1990 году он вошел в книгу «Дива-90» как автор ста песен'.

Наконец, в-шестых, постпозитивное количественное числительное — название года в сокращенном виде — может примыкать ко многим другим именам существительным, как нарицательным, так и собственным. Будучи здесь специфическим темпоральным конкретизатором, оно определяет явление, событие или лицо, с одной стороны, во временном плане, а с другой — в плане характеристики и особенностей, присущих этому времени. Это названия премий года, научных экспедиций и студенческих отрядов, призов, моды года и многих других явлений; имена литературных героев или исторических личностей: «Мода-79», «Робинзон-68».

Ниже речь пойдет в основном о словосочетаниях, в которых количественное числительное означает название календарного года в сокращенном виде. Однако, в целом ряде случаев примыкающее количественное числительное имеет и некоторые другие значения. Нередко какой-нибудь другой признак, свойственный явлению или предмету и выраженный числительным, тоже может послужить поводом для создания «шифрованного» наименования. По количественному числительному в наименованиях автомашин, самолетов, различной техники, определяется их мощность и модификация: *Колхоз правлений тудлан ДТ-75 тракторым ӱшанен* (2, № 35)' Правление колхоза ему доверило трактор ДТ-75'; *Тудо Т-150 куатле тракторым виктара* (2, № 7)' Он управляет мощным трактором Т-150' *ТУ-209 самолет 1989—1990 ийлаште государственный да эксплуатационный тергымашым тӱналеш* (2, № 3)' В 1989—1990 годах самолет ТУ-209 начинает государственное и эксплуатационное испытание'; *Кызыт судокорпусный цехыште СТ-672 теплоходым олмыктат* (3, № 14)' Сейчас в судокорпусном цехе ремонтируют пароход СТ-672'; *Шукерте огыл российско-европейский экипажан «Союз ТМ-22» корабль космосыш чонештен ыле* (3, № 171)' Недавно корабль «Союз ТМ-22» с российско-европейским экипажем полетел в космос'; *КОРК-5 кормоцех вольыкым специалист-влакын темлымышт дене тӱрыснек келшышын пукшаш йӧным пуа* (2, № 31)' По мнению специалистов кормоцех КОРК-5 дает все условия для того, чтобы нужным образом накормить скот'. Здесь постпозитивное количественное числительное «5» показывает производительность названной техники в тоннах в течение одного часа: *Тунам озанлыкыце танасымаште эре гаяк ончыл верыш лектын, ЖРБ-4,6 жат-*

ка дене пурсам солымаште ойыртемалтын (2, № 139)' Тогда на соревнованиях хозяйства он почти всегда был победителем, выделялся во время уборки гороха жаткой ЖРБ-4,6'. Здесь постпозитивное дробное числительное «4,6» показывает длину жатки. Показательно в этом отношении название пишущей машинки — «Консул-221» (3, № 90). В этом названии цифра «221» расшифровывается просто: машинка обеспечивает 221 удобство каждому, кто ею пользуется. В фирменных бутылках в Латвии разливали пиво «Алдарис-100». Числительное 100 означает столетие завода «Алдарис». Федеральными службами контрразведки могут быть закодированы имена исторических личностей: *Фашистский Германийысе сарыште гестапо СССР-ым сенаш ямдылалтын, 5256 вуйлатышым пушташ лӱмын спискым ыштен. Тушто Сталин Д-147 номеран лийын. Тудын деч коч писатель-влак деч лӱдынят, коеш. Илья Эренбургын номерже Е-21, Алексей Толстой — Т-93* (3, № 48)' На фашистско-германской войне гестапо готовилось завоевать СССР, составило список пяти тысяч двести пятидесяти шести руководителей, которых должны были убить. Там Сталин был под номером Д-147. Кроме него, оказывается, боялись писателей. Илья Эренбург был под номером Е-21, Алексей Толстой — под номером Т-93'. Иногда присубстантивное количественное числительное эквивалентно по значению порядковому: *Танасымаште «Дружба-1» тале улмыжым ончыктен. 28 очко гыч 22-ым поген* (2, № 88); *Тыге ужалыме-налме пашам шуктымо дене изи ответственностян «Арго-1» товарищество 1993 ийыште налог деч шудо миллион утла тенгем коден сенен* (3, № 41)' Таким образом, товарищество «Арго-1», занимающееся куплей-продажей, в 1993 году сумело уклониться от налога на сумму около ста миллионов рублей'.

Следовательно, как показывают приведенные выше примеры, а они ни в коем случае не претендуют на исчерпывающую полноту, постпозитивные количественные числительные в словосочетаниях могут иметь разные значения, а именно: название календарного года, наименование юбилейной даты, определенный порядковый номер, а также какой-нибудь признак предмета, присущий ему.

Приведенный выше материал, таким образом, показывает, что тип словосочетания «имя существительное + количественное числительное» стал ныне продуктивным в марийском языке, и в нем наблюдается возрастание употребительности таких конструкций. При этом многие из них являются, как правило, сложными наименованиями терминологического характера, ко-

которые, раз появившись в языке, воспроизводятся затем уже в качестве готовых единиц, а не создаются в речи каждый раз заново. Среди них есть и такие, которые функционируют в языке на правах имен собственных.

Необходимо отметить, что исследуемые словосочетания пронизывают наряду с письменной также и устную речь, особенно в радио- и телепередачах новостей. Происходит известная «математизация» обиходного языка, в котором по образцу научных технических терминов создается масса новых наименований с примыкающими количественными числительными.

Чем можно объяснить бурный рост употребительности интересующих нас словосочетаний? Во-первых, тем, что сам тип этих конструкций давно уже бытует в марийском языке. Стоит только вспомнить о наименованиях различных типов автомашин, кораблей, самолетов, образцов оружия и боевой техники, а также о названиях предметов бытовой техники, радиоприемников и телевизоров, чтобы стало ясно, что «кодированные» наименования чрезвычайно употребительны в марийском языке и встречаются в нем от названий космических кораблей («Союз-ТМ-20») до названий изотопов химических элементов («Латий-5»), от названий телевизоров («Рубин-401-1») до названия шариковых ручек (РШ-43).

Во-вторых, не исключено, что этот процесс стимулируется и поддерживается заметным нарастанием употребительности аналогичных конструкций в некоторых других языках. Так, например, в русском языке конструкции типа «Муро-95» не менее употребительны, чем в марийском. Исследуемый тип словосочетаний, будучи общим и как бы унифицированным для многих европейских языков, превращается в своеобразный «синтаксический интернационализм». Хотя многие из этих языков значительно расходятся по степени аналитизма-синтетизма, постпозитивное числительное, примыкая к имени существительному, выступает в каждом из них тем не менее в неизменной форме. Вполне возможно, что развитие процесса унификации обуславливается взаимовлиянием языков, вызванным широким обменом информацией между государствами и нациями и необходимостью перевода такой информации с одного языка на другой. В марийский язык рассматриваемая синтаксическая конструкция проникает под непосредственным влиянием русского языка. То есть происходит введение в марийский язык новых способов синтаксического построения путем заимствования лексико-синтаксических моделей русского языка. Заимствование может быть двумя путями: 1) буквальным переводом существи-

тельного и количественного числительного: «Песня-95» — «Муро-95» (они являются кальками); 2) заимствование имени существительного из русского языка и переводом постпозитивного количественного числительного на марийский язык: «Фестиваль-68» — (они являются полукальками).

Анализ показывает, что в марийском языке, как и в ряде других языков Европы, наблюдается рост употребительности словосочетаний с постпозитивным количественным числительным. Эти словосочетания употребляются как в письменных, так и устных формах речи, особенно в языке прессы, науки и техники. В рассмотренных здесь конструкциях примыкающее количественное числительное может означать: а) название календарного года («Коттедж-94»); б) юбилейную дату («Алдарис-100»); в) какой-либо признак предмета («КОРК-5»); г) очередность или порядковый номер («Агро-1», «Дружба-1»).

Ныне в «закодированном» виде все чаще появляются наименования многих событий, явлений («Трансибэкспо-95»), предметов («Дива-90»), лиц («Алексей Толстой: Т-93»). Эти словосочетания как самые краткие и «экономные» служат целям синтаксического лаконизма и употребляются там, где необходима краткость изложения и возникает потребность в варьировании средств выражения мысли в стилистических целях. Они придают марийской речи особый колорит свежести и новизны. Сам факт их включения в синтаксический ряд свидетельствует о том, что такие ряды могут пополняться новыми членами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бучкина Б. З.* Космонавт три или Космонавт-три? // Русская речь, 1967, № 2, с. 145.
2. Марий Коммуна, 1989, № 3, 7, 12, 31, 35, 39, 41, 77, 88.
3. Марий Эл, 1995, № 14, 21, 40, 41, 48, 90, 97, 123, 171.
4. Русская грамматика. М.: Наука, С. 573—580. Т-1.
5. *Уфимцев А. А.* Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. С. 160—164.

Roza Ignayeva

ABOUT ONE OF THE TYPES OF SYNTACTICAL CONSTRUCTIONS WITH POSTPOSITIONAL ORDINAL NUMERALS IN MODERN MARI LANGUAGE

In recent years in modern Mari language like in some other European languages one can observe the increase of the usage of phrases (word combinations) with postpositional ordinal numerals. These word combinations are considered to penetrate into Mari language through the direct influence of Russian language. In the above mentioned constructiones the ajoint ordinal numeral can have the following meanings: a) the name of the calendar year (Cottage-94); b) the jubilee date («Aldaris-100»); c) some characteristic feature of an object (thing); («Consul-221»); d) the proper sequence or a cardinal number («Friendship»). Nowadays these are the names of events and phenomena («Transibexpo-95»), things («Diva-90»); persons («Alexei Tolstoy: T-93») that appear more often in the «coded» form.

«Финно-угроведение», 1996. № 3.

Людмила Барцева
Йошкар-Ола

О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА *ЛЕКТАШ* В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В развитии и обогащении литературного языка значительную роль играют лексико-семантические изменения. В процессе развития языка для обозначения новых понятий не только создаются новые слова, но еще более конкретизируются смысловые оттенки существующих лексических единиц. Использование неизменной оболочки слова для выражения новых понятий называется полисемией. Значения многозначного слова образуют семантическую структуру, элементы которой зависят друг от друга и связаны между собой.

Уровень соотношения значений многозначных слов у различных категорий лексических единиц не одинаков. Имена существительные и прилагательные, обозначая названия предметов, явлений или их признаков и свойств, имеют ясное логико-предметное содержание, поэтому их значения разграничиваются легче. Семантика глагольных лексем, в отличие от именных, очень широка, вследствие чего их понятийная основа трудно поддается определению. Подчас без ситуационного и словесного контекста или сравнения, а также сопоставления с другими глаголами невозможно описать соотношение их значений (9, с. 70).

В данной работе подвергается семантическому анализу глагол *лекташ*. Анализируя значения данного слова по семам, попробуем представить весь объем его значений и смысловую структуру, попытаемся установить смысловые связи между разными лексико-семантическими вариантами (далее ЛСВ) одной единицы.

Глагол *лекташ*, входящий в лексико-семантическую группу глаголов движения, по нашему мнению, имеет 13 значений (по данным 16—31 значение):

1) «перемещаться, переместиться, оставляя пределы чего-л.»: а) «выходить, выйти, выезжать, выехать, вылетать, вылететь»: *Омаш гычын поче-поче латкок ек лектеш* (19, с.9) ‘Из

шалаша друг за другом выходят двенадцать человек'; *Эр кочкыш деч вара кок имнешке корныжко лекте* (22, с. 68) 'После завтрака двое всадников выехало на дорогу'; б) «выходить, выйти, уходить, уйти; увольняться, уволиться, перестать участвовать в чем-л.»: *Марийже война гыч толмеке, Анна паша гыч лектын* (12, с. 34) 'После возвращения мужа с войны Анна уволилась с работы'; *«Смоленск воктене кредалме годым Йогор ик бой гыч лектын огыл» манме увер гына толын* (2, с. 168) 'Пришла только весть: «Во время сражения под Смоленском Йогор не вышел из одного боя»'; в) «выписываться, выписаться»: *Тӱжем индешшӱдӧ ныллe кокымшо ийыште госпиталь гыч лекмеке, мый Арзамас олашке логальым* (11, с. 142) 'Выписавшись из госпиталя в тысяча девятьсот сорок втором году, я попал в город Арзамас'; г) «выходить, выйти, вылупляться, вылупиться»: *Муно гыч лекмеке, кайык иге кенета огеш чожеште* (Посл.) 'Вылупившись (из яйца), птенец не сразу полетит'.

ЛСВ-1 является главным, свободным, широко функционирующим в языке значением. Его семная структура: «перемещаться + изнутри + оставляя пределы чего-л.». В качестве субъекта выступают одушевленные и неодушевленные предметы (самолет, машины и т. п.), приводимые в движение человеком;

2) «появляться, появиться, быть обнаруженным»: а) «всходить, взойти; подниматься, подняться из-за горизонта (о солнце, луне)»: *Кузе кече лекте, туге пӱртӱс ылыже* (1, с. 40) 'Как только взошло солнце, так сразу ожила вся природа'; б) «идти, пойти; возникать, возникнуть откуда-л., выделяясь, распространяясь (о дыме, запахе, тепле и т. д.)»: *Тӱньык гыч шикш лектеш* 'Из трубы идет дым'; в) «просочиться наружу, на поверхность»: *Эйно нимом вашешташат ыш пале. Шинчавӱдшат лекте, тудым иктат ынже уж манын, вуйжым кумык сакыш* (6, с. 97) 'Эйно не знал, что ответить. У него выступили слезы, чтобы никто их не видел, он опустил голову'.

ЛСВ-2 по своему внутреннему содержанию напоминает ЛСВ-1. Данное значение очень активно употребляется в языке. В его семный состав входят компоненты, указывающие на движение неодушевленных предметов изнутри другого предмета. Конкретизатором признания ЛСВ-2 как отдельного значения являются семы «появиться + наружу + становясь замеченным»;

3) «окончиться, истечь (о сроке, времени)»: *Тудо мланде ончычшо арендыште лийын. Аренда срокшо тений гына лек-*

тын (14, с. 227) ‘Та земля раньше была отдана в аренду. Срок аренды истек только в этом году’.

Вещественное содержание ЛСВ-3 распределяется на следующие семантические множители: «переместиться + за пределы указанного времени». В данном случае перемещение субъекта в пространстве переходит на временную ось;

4) «становиться, стать каким-то, кем-то»: *Полковник тӧра тукым гыч огыл, тудо крепостной кресаньык ешеш шочын. Тале улмыж дене офицерыш лектын* (4, с. 183) ‘Полковник (по происхождению) не из господ, он родился в семье крепостного крестьянина. Смелость и ловкость помогли ему стать офицером (букв.: выйти в офицеры)’; *Кок-кум ий эрталта — ял ӱдыр-влак коклаште эн талыш, эн моторыш Алвика лектеш* (2, с. 167) ‘Пройдет всего два-три года — из всех деревенских девушек Алвика станет самой смелой, самой красивой (букв.: выйдет в самую смелость, в самую красавицу)’.

ЛСВ-4 семантически согласуется с ЛСВ-1, 2 общим компонентом «перемещаться», с ЛСВ-2 семами «появиться + наружу». Под последними подразумеваем движение личности вверх по служебной лестнице или же рост авторитета человека, отличившегося какими-то качествами (умом, красотой, силой и т. д.), в глазах общественности;

5) «обнаруживаться, отыскиваться, отыскаться, найтись (о человеке, вещах, работе и т. п.)»: *Пиалешем мыланем вер лекте* (18, с. 50) ‘К счастью, для меня нашлось место’.

В указанном значении сема движения исчезает. Наоборот, акцентируются компоненты «появиться + наружу», характерные ЛСВ-2, 4. Значение-5 дифференцируется от них семой «как следствие ожидаемого или в результате поисков». Субъект — одушевленные и неодушевленные конкретные существительные;

6) «становиться явным, обнаруживаться»: *Варушын ондалчык улмыжо да тушман пашаже тӱжваке лектеш* (20, с. 261) ‘Обман и злодейство Варуши обнаруживаются (букв.: выходят наружу)’.

Лексически связанное значение-6 реализуется при наличии сочетаний слов *тӱжвак лекташ, чараш лекташ* ‘выходить, выйти наружу’. Оно развивалось на основе ассоциации «появиться + наружу + оказавшись замеченным (обнаруженным)». Субъектом могут быть только абстрактные существительные;

7) «появляться, появиться в результате естественного развития»: а) «происходить, произойти»: *Тиде легенда пеш шукерте ожнак марий ден удмурт ик еш гыч лектыныт манмым ончыкта* (3, с. 164) ‘Эта легенда говорит о том, что давным-

давно марийцы и удмурты произошли из одной семьи'; б) «получив начало, развиться; прорезаться (о зубах); вскакивать, вскочить (о прыщах, чирьях, шишках и т. д.); всходить, взойти (о всходах)»: *Презын тӱкыжат лекташ тӱналын* (10, с. 24) 'У теленка даже рога начали появляться'; *Пыдал налшат лийын: «Тудо (Зина) але самырык, уш-акыл пӱйжат лектын огыл»* 'Были и заступники: «Зина еще молода, зуб мудрости у нее еще не прорезался»'; *Южгунам агентын йолешыже кокша лектеш* (17, с. 110) 'Иногда на ногах агента вскакивают чирьи'; *Поча энер вес велне кукурузшо сай лектын, а кумшо участкыште нимо шот уке* (13, с. 37) 'За рекой Поча кукуруза хорошо взошла, а на третьем участке — никакого толку'; в) «подниматься, подняться, начинаться, начаться (о ветре, шуме, скандале и т. п.)»: *Кенета мардеж лектеш* (5, с. 48) 'Вдруг поднимется ветер'; г) «возникать, возникнуть (о препятствии)»: *Лач тунамже Эмекеевлан вучыдымо чарак лекте: фермыш пучым конден огыт шукто* (13, с. 73) 'Именно тогда для Эмекеева возникло препятствие: на ферму не успеют завезти трубы'.

ЛСВ-7 семантически близок к ЛСВ-2, 4—6. Их объединяют семы «появиться + наружу». В качестве субъекта выступают предметы, развивающиеся естественным путем. Данный признак является важным фактором отличия ЛСВ-7 от генетически родственных ему значений;

8) «появляться, появиться в результате творческой деятельности»: а) «зарождаться, зародиться, рождаться, родиться (о песнях, словах и т. д.)»: *Лектеш йонго муро йол йӱк дене пырля* (8, с. 30) 'Рождается новая песня в такт ритму шага'; б) «быть выпущенным, изданным, опубликованным (о газете, журнале, книге, законах, указаниях)»: *Совет властьын первый ийлаштыже тӱрлӧ олалаште марла газет ден журнал-влак лекташ тӱналыч* (10, с. 232) 'В первые годы Советской власти в разных городах стали издаваться марийские газеты и журналы'.

Семема-8 состоит из следующих мельчайших единиц плана содержания: «появиться + наружу + как результат творческой деятельности». Данное значение является вторичным, переносным по отношению к семеме-7. В настоящее время она воспринимается как прямое неэкспрессивное значение;

9) «выходить, выйти; причитаться, следовать к получению, подлежать к уплате»: *Шӧр, кинде, пакча-саска сдатлымылан кӧра шӱдӧ тӱжем теҥге наре лектеш* (13, с. 137) 'За сдачу молока, зерна, овощей выходит около ста тысяч рублей'.

Семная структура значения-9: «появиться + как количественный результат». Первый компонент связывает значение-9

со значениями-2, 4—8. Указанный ЛСВ отличается от предыдущих семой «в виде материальных вознаграждений»;

10) «появляться, появиться, обнаруживаться в каком-л. количестве после подсчета»: *Ындыжым тудын (Йыванын) тенгеат пеле деч уто шымлур лекте* (14, с. 172) ‘Теперь у Йывана помимо полутора рублей появились лишних семьдесят копеек’.

Внутреннее содержание ЛСВ-10: «становиться явным + после подсчета». В качестве субъекта выступают предметы, подлежащие счету. ЛСВ-10 интегрируется с ЛСВ-2, 4—9 семами «появиться + наружу»;

11) «получаться, получиться, удаваться»: *Мый вет фото-што артист гай ом лек* (7, с. 62) ‘Я не выхожу на фотографии, как артист’.

Необходимым условием реализации контекстуально обусловленного значения-11, кроме вышеназванных компонентов «появиться + наружу», становится сема «как качественный результат». Субъектом могут служить как одушевленные, так и неодушевленные предметы;

12) «выступать, выдаваться вперед, образовав выступ»: *Тюлькинын шӱргыжӧ кок могырыш кержалт кеча, мӱшкыржӧ тагынала ончык лектын* (14, с. 103) ‘Щеки Тюлькина свисают с обеих сторон, живот выступает вперед, как лоток’.

Семема-12 проявляется в контексте, где говорится о частях тела человека, животного или какого-то предмета, органически связанных с целым предметом. Они могут выступать вперед (наружу) больше, чем это требовалось бы для нормального положения частей тела, предмета;

13) «выходить, быть обращенным, расположенным, направленным к определенному месту, в какую-н. сторону (обычно об окнах, дверях, фасадах дома и т. д.)»: *Андрей Петровичын пачерышкыже йӱк-йӱан шагал вита: анышыр кӱкшӧ тӧрзаже кудывече могырыш лектеш* (21, с. 74) ‘В квартиру Андрея Петровича шум проникает мало: его узкие высокие окна выходят во двор’.

В данном контекстуально обусловленном ЛСВ сема «появления (выступления вперед)» исчезает. В нем более четко проявляется компонент «наружу», под которым подразумеваем запланированное направление части какого-то предмета в сторону другого предмета или свободного пространства.

Таким образом, глагол *лекташ* в своем основном значении указывает на перемещение субъекта изнутри чего-л. Однако беспрерывное изменение ситуаций выявляет все новые и новые

аспекты его семантики. Поэтому семный анализ данного слова способствует раскрытию интегральных и дифференциальных компонентов его семем. Выясняется, что в ЛСВ-1—3 четко выделяются семы «перемещения + изнутри», в значениях-2, 4—12 первая сема отходит на задний план, уступая место семам «появиться + наружу». В ЛСВ-13 последние также затухают, а сема «наружу» акцентируется.

Следовательно, лексико-семантическая структура исследуемого слова складывается на основе семантических аспектов, выявляемых каждой новой ситуацией, а также потенциально возможными случаями его употребления в новом окружении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов Ю.* Канде тасман, ужар солыкан Какшан // Ончыко. 1975. № 5.
2. *Асаев А.* Ошвичыжат, йӱксыжат. Йошкар-Ола, 1971.
3. *Васин К.* Мурызын шомакше. Йошкар-Ола, 1966.
4. *Васин К.* Муро аппат. Йошкар-Ола, 1974.
5. *Евсеева М.* Илыш савыра. Йошкар-Ола, 1968.
6. *Иванов В.* Вӱдшӧ келге, серже тура. Йошкар-Ола, 1968.
7. *Иванов М.* Илыш тыге тӱналеш. Йошкар-Ола, 1966.
8. *Олык Ипай.* Пиал. М.: ГИХЛ, 1935.
9. *Ишбердин Э. Ф.* Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986.
10. *Казаков М.* Эрикын каникулжо. Йошкар-Ола, 1966.
11. *Казаков М.* Шонымо ой. Йошкар-Ола, 1973.
12. *Корнилов П.* Лыжга мардеж // Ончыко. 1959. № 5.
13. *Корнилов П.* Савырыме кумыл. Йошкар-Ола, 1977.
14. *Лекайн Н.* Кугезе мланде. Йошкар-Ола, 1955.
15. *Орай Д.* Осып Ваня. Йошкар-Ола, 1974.
16. Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1994. Т. 3.
17. *Тимофеев А.* Шем курныж. Йошкар-Ола, 1973.
18. *Тыныш Осып.* Анук акай. Йошкар-Ола, 1961.
19. *Чавайн С.* Проза. Публицистика. Йошкар-Ола, 1967. Т. 2.
20. *Эман С.* Сылнымут нерген мут. Йошкар-Ола, 1971.
21. *Эрыкан А.* Чолпан Иван. Йошкар-Ола, 1966.
22. *Юксерн В.* Атаманыч. Йошкар-Ола, 1963.

Ludmila Bartseva

ABOUT SEMANTICS OF THE VERB «LEKTASH» IN THE MARI LANGUAGE

The article is devoted to the semantic analyses of the verb «Lektash». We are of the opinion that the verb «Lektash», being a part of the Lexico-semantic group of verds has got 13 meanings. In its main sense it indicates upon the transfering of the subject from inside something.

However continuous changes of situations result in the expansion of its semantics. It has been found out that in LSV — 1—3 there are specificalty defined semas «transfer + from inside»; in LSV — 2,4—12 the first sema goes back giving way for the semas «appear + outside». In LSV — 13 the last one disappears as well, the sema being emphasised.

Thus lexico-semantic structure of the analysed word is based on the semantic aspects exposed through any situation, as well as potentionally possible occasions of its usage in new surroundigs.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

ПУБЛИКАЦИИ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ЮЛИИ ВИХМАНН*

На Волге, 7.10.1905. (Отъезд 2.10.)

Когда раньше я думала о предстоящей долгой поездке, то представляла, что будет трудно уехать из Будапешта и что мое сердце будет рыдать при пересечении границы. Ошибалась — отъезд был легким. Мои мысли были заняты только тем, что в моей жизни начинается большое путешествие и что теперь у меня нет никого из близких, кроме моего мужа. И это было хорошее чувство, огромное и заполняющее всю мою душу. Мне казалось хорошим то, что поездка в чужую страну больше сблизит нас, может быть, проведенные вместе трудные дни станут для меня настоящим счастьем. Знаешь ли ты, кем ты являешься? Знаешь ли ты, что для меня ты являешься всем и знаешь ли ты, что, кроме тебя, у меня нет никого другого! Значит, люби меня, сильно люби! Помни слова тети Лидии, когда она написала тебе и пожелала, чтобы Бог дал тебе столько любви, чтобы ты смог стать всем тому, который ради тебя оставил все.

До границы Венгрии дорога в сторону Одеберга увлекательная. Ночью мы не могли насладиться красотой природы. Но

---

* *Юлия Вихманн* (1881—1974), венгерка по происхождению, жена языковеда-исследователя *Юрьё Вихманна* (1868—1932), который совершил многочисленные научные экспедиции в среду народов, говорящих на финно-угорских языках. Начиная с 1905 года, вместе с ним в экспедициях участвовала и Юлия Вихманн. Данная публикация — ее дневниковые записи, сделанные в период научной экспедиции к марийцам в 1905—1906 гг., опубликованы в книге Yrjö ja Julie Wichmannin Kirjeitä ja päiväkirjamer Kintöjä tutkimusmat Koilta 1891—1906. Toimittanut Irene Wichmann. Helsinki, 1987. (Письма и дневниковые записи Юрьё и Юлии Вихманн с научных экспедиций 1891—1906.) Перевод Э. Н. ЛЕБЕДЕВОЙ.

дорога мне знакома, так как по ней я ездила и раньше, в дневное время. Когда позади остались Карпаты, природа изменилась и стала совсем другой; погода была намного дождливее и холоднее, и мы начали доставать зимнее пальто. Пейзаж стал суровым, местами виднелся сыпучий песок, иногда поля и пахотные земли. Но в целом не было ничего живописного. Наконец, доехали до границы, и начался таможенный контроль, от которого мы не ждали ничего хорошего. Но все прошло очень хорошо, хотя у других пассажиров проверяли всю одежду для того, чтобы в одежде не было ничего спрятано. Если бы у нас не было письма министра юстиции, в котором говорится о том, что мы едем в научную экспедицию, то и нас не оставили бы без контроля.

Теперь мы можем совершенно свободно говорить по-венгерски: здесь никто ничего не поймет. Когда мы в Варшаве зашли пообедать в ресторан, то к моему большому ужасу Юрьё сказал полным голосом на ясном венгерском языке и к всеобщему услышанию: «Целую тебя», как будто просит положить сахара в чай! Повторяя время от времени «Люблю тебя» или «Обнимаю тебя», он заставлял меня краснеть все снова и снова. Конечно же, никто больше не понимал, что он говорит.

Здесь, в Варшаве, наши разговоры никто не понимает. На улицах города большое движение, но атмосфера очень угнетающая — город находится в кольце. В ресторанах люди разговаривают шепотом и близко наклоняясь друг к другу. На улицах ходят военные полицейские с ружьями. Нет ничего приятного жить сейчас в Варшаве.

Здесь можно увидеть интересные маленькие вагончики. Такие маленькие вагончики есть повсюду на востоке. Одна лошадь запряжена между двух оглобель, которые соединены друг с другом согнутой деревянной дугой. Все улицы ужасно грязные и плохие. Но вагоны поезда очень приятные; они оборудованы под спальные вагоны. Очень холодно. Дома, в Венгрии, в это время еще лето, но здесь уже надо надевать шубу.

При отъезде из Варшавы в сторону Москвы пейзаж изменился и стал более живописным. Много леса, и здесь наступает чудесная золотая осень. В смешанных лесах растут березы и хвойные деревья. На фоне неба и сохранивших свой зеленый цвет хвойных деревьев отчетливо вырисовываются березы с опадающими листьями всех оттенков золотистого, желтого и красного цветов. Также высокие стволы деревьев отличают русский пейзаж от венгерского: у хвойных деревьев они красные, а у берез — белые. За пару часов до приезда в Москву в лесах

начинают проглядываться летние домики москвичей, маленькие простые деревянные домики в тени березовых рощ. Весь оставшийся путь до Москвы пролегает посреди этих домиков. Наконец, после 4-суточной поездки без отдыха мы прибываем в «город святой грязи», так Юрьё называет святую и грязную Москву. В Москве на железнодорожном вокзале стояли длинные ряды вагонов с нарисованными на них красными крестами. На них привезли раненых с восточно-азиатских полей сражения русско-японской войны. Но в самом городе нет никаких признаков, напоминающих о войне. Я заранее приготовилась к тому, что поездка по России не обойдется без волнений.

По пути с вокзала до гостиницы мы проехали почти через весь город. Издалека город выглядит красиво: разноцветные, чаще зеленые, крыши, построенные из красного кирпича и покрашенные в зеленый или синий цвет дома, позолоченные, индиго-синего цвета, белые сверкающие жестяные купола, большие и неуклюжие византийские церкви. Далеко виднеются стены Кремля из красного кирпича, угловые и старые башни, на большой скорости мчатся повозки, забавно смотрятся извозчики из-за надетых присборенных кафтанов и плоских, расширяющихся к верху, шляп или киргизских головных уборов.

Видели панораму с самой красивой башни Ивана Грозного. Каково должно быть здесь в пасху, когда все огромные церковные колокола звучат одновременно! Самый лучший вид открывается с Каменного моста. На фоне неба вырисовываются золотистые и разноцветные купола. Увядающий сад рядом со старыми и грязными стенами.

На каждом шагу видны церкви, в каждом магазине, ресторане и на вокзале иконы. Рассказывают, что одному строителю церкви выкололи глаза, чтобы он не смог построить другую такую же красивую церковь, хотя это здание такая безвкусица, что становится смешно. Весь город находится на холмах, и то здесь, то там видны живописные сады. (Третьяковская галерея — красивый исторический музей, но нет ничего особенного.)

За всю свою жизнь я не пила столько много чая, как во время этой поездки. Куда ни иди, повсюду пьют чай. В банке на столе у каждого служащего стакан чая, чай пьют все слои населения и в любое время суток. Русские блюда очень хорошие, особенно супы (с капустой — щи) и вместе с чаем употребляют пироги, начиненные мясом, капустой, творогом или яйцами.

Нижний Новгород находится на берегах Оки и Волги. Правильные, перекрещивающиеся друг с другом улицы образуют

особый город, в котором имеются только магазины. В это время эта часть города совсем пустая, так как там совсем нет жилых зданий. Только во время больших летних ярмарок там кипит жизнь. Построенный на пригорках жилой район пленяет разноцветьем деревянных домов и очень красив. Улицы плохие и грязные. Много нищих.

«Великий князь Владимир» — это большой красивый пароход, на котором мы отправляемся по Волге до Казани. Наш путь пролегает по красивой местности, и наше путешествие очень приятно. Волга — самая большая река Европы, широкая, но неглубокая. Время от времени проясняется небо, и синие полоски неба с собирающимися облаками красиво отражаются на поверхности Волги. Движение облаков, влияющее на изменение освещения, делает пейзаж особенно красивым. Впереди, там, где река совершает изгиб, противоположный берег выглядит то таким же синим, как и вода, то становится светлым и блестящим, когда солнце, прорывающееся между облаков, освещает далекий берег. На берегу виднеются темно-зеленые пятна лугов и золотисто-красные леса. Над водой в воздухе большими стаями летают утки, вероятно, отдыхают перед отлетом, поскольку сейчас вечер. Уже начинает смеркаться. Мы закрываем окна занавесками, только на корме парохода окна остаются незашторенными. Сижу и смотрю, как темнеющий берег, линии воды и неба сливаются в одно. В нижней части парохода вдруг начинаю слышать звуки вечерней службы моряков: хоровое пение. На реке пение матросов, разносящееся с ветром далеко, создает необычное, приятное настроение.

Время от времени навстречу попадаются другие пароходы, зажженные фонари которых в темноте указывают направление движения. Красиво смотреть, как скользит мимо нас большой пароход со многими освещенными окнами. Свет отражается на воде длинными полосками. Поездка на пароходе переносится, действительно, легко и приятно — на Волге не заболеешь морской болезнью.

Казань, 8.10.1905

После многократных коротких остановок, поездки, длившейся полдня и одну ночь, наконец, мы находимся в Казани. Грузчики порта при громком шуме принимаются за работу, крича по-турецки и по-русски.

Город находится далеко от берега, дорога плохая и очень грязная, и на ней полным-полно груженых товаром телег, хотя

сегодня и воскресенье. Люди бедные и ходят в лохмотьях. Видели татарских женщин, которые закрывают лицо при встрече с татарами-мужчинами; неверующие не закрывают. Были в «Городском музее». Нет ничего удивительного, маленький музей, в котором все смешано и беспорядочно.

Казань, 9.10.1905

Здесь люди ложатся спать очень поздно и встают также очень поздно. Где-то около десяти часов утра мы позвонили прислуге, так как у нас не было таза для умывания. Прислуга ответила, что занята. Это огромная гостиница, наверное, самая большая в Казани. История с тазом для умывания закончилась тем, что таковые здесь не в моде. Здесь люди умываются прямо под краном. Под ним находится корыто, в котором есть щель, откуда вытекает вода.

Уже научилась кипятить чай в самоваре. Это очень итересно, и считаю, что чай, приготовленный в самоваре, лучше. Здесь самовар входит в стоимость комнаты, самовар можно попросить два раза в день без дополнительной оплаты. Мужчины пьют чай из стакана, женщины — из маленькой чашки. Прекрасно светило солнце, когда мы ходили по городу. Здесь почти все ходят в униформе. У студентов, всякого рода служащих, солдат, извозчиков, прислуги и попов имеется своя особая униформа. Рабочие же одеты либо в русские красные рубашки, либо в татарскую рубашку и головной убор. Уличная картина очень многоликая.

Здесь можно увидеть много разных головных уборов. Чаще всего бросаются в глаза черкесские высокие, в форме цилиндра, головные уборы из шерсти, но можно увидеть головные уборы и татарские, и других народностей.

Принадлежащие к интеллигенции женщины одеваются так же, как и на западе, но в более яркие цвета, независимо от плохой погоды.

Казань, 14.10.1905

Сегодня уже неделя, как мы находимся в Казани. Завершаем подготовку к долгой поездке. Купили шубы и сапоги от предстоящего ежедневного мороза в 30—40 градусов. Через два года увидишь, как мы поедем к Северному Ледовитому океану, правда, к сожалению, летом, тогда, когда по нему можно плыть на пароходе. Сожалею, что нет возможности познать настоящий зимний Северный Океан и его айсберги, тогда, когда оди-

наково темно и зимним днем и ночью. Но, может быть, однажды смогу увидеть и это.

В ближайшие дни мы сядем на корабль и поедем по Волге до первого пункта нашей экспедиции. Мы еще не знаем точно, куда мы поедем, но в любом случае это будет населенный пункт Казанской губернии. Сначала поедем к черемисам, которые разбросаны по пяти различным губерниям.

Казань я уже знаю и чувствую себя почти как дома. Правда, здесь не обойтись без помощи русского языка, но я уже начала его изучать.

Город с русскими и татарскими жителями и кое-где с очень красивыми кварталами очень интересен. Византийские башни и узкие минареты татарских мечетей господствуют над городом, находящимся в равнине. В сутолоке людей всегда правильно определяю татарских женщин: уже издалека их отличают платки, чаще зеленые (тогда как одежда обычно желтого цвета). Они держат платок двумя руками для того, чтобы в случае необходимости быстро опустить его на лицо перед истинно верующими мусульманами, возникающими вблизи. Те, лица которых мы видели, старые и некрасивые. Злые языки рассказывают, что молодые и красивые с удовольствием показывают свое лицо, разумеется, людям другого вероисповедания. Сегодня мы были в татарской части города. Мне давно хотелось побывать там, потому что надеялась увидеть там красивую татарскую женщину. Но разочаровалась. Там очень мало женщин, и у всех них лица закрыты. В той части города на каждом шагу встречаются татары-мужчины. Красивых татарских женщин неохотно выпускают на улицу. Они чаще находятся дома, в более чистых, по сравнению с русскими, домах. Первый этаж домов построен из камня или кирпича, и над ним еще один или два деревянных этажа. То здесь, то там в открытые ворота можно увидеть имеющийся внутри порядок, чистый двор, и на внешней стороне верхнего этажа балкон, украшенный разноцветными стеклами. Мы бродили по улицам и тупикам с магазинчиками, в которых, кроме русских товаров, имеется обилие турецких товаров на любой вкус: оловянные чайники с длинными горлышками, красные и зеленые сапоги и другой товар. Завтра, возможно, пойдем в татарскую мечеть. Очень хочется ее увидеть.

Сегодня мы были в одной семинарии в татарском квартале, в которой готовятся учителя для черемисов, остяков, вотяков, зырян и других национальностей. Здесь есть также университет, в котором 800 студентов. Его особенностью является изучение восточных языков.

Еласы, 29.10.1905

Позади осталась Казань. Там тоже очень неспокойно: уличные стычки между солдатами и горожанами, забастовки (как раз перед нашим приездом закончилась забастовка извозчиков, и к счастью, у нас был извозчик), университет был закрыт. Когда мы были в Москве, как раз начинались октябрьские волнения. Мы видели казацкие войска, вероятно, спешащие в центр событий. Где это было и что там происходило, этого мы не знали. Москва — большой город, и цензура, как удается, пытается не разглашать о всех забастовках. Поэтому совсем неудивительно, что уже при отъезде из города мы узнали, каким опасным местом он сейчас является. Также Нижний Новгород (так же как и Москва и все крупные российские города) был в кольце, когда мы там были. Хорошо, что мы не задержались надолго в Венгрии. Если бы мы выехали позднее, то скорее всего по пути были бы втянуты во что-нибудь, так как от Варшавы до Нижнего Новгорода бастуют и железнодорожники. Однако в этом беспорядке мы благополучно добрались до цели. От Казани до Козьмодемьянска мы ехали на пароходе по Волге. Выехали 20-го октября в пять часов вечера и должны были приехать следующим утром. Однако ночью был сильный туман, и пароход не мог двигаться в тумане, а стоял на месте, поэтому мы прибыли в Козьмодемьянск в восемь часов вечера, с опозданием на двенадцать часов. От речного порта до города добрались на телеге особого рода. К тому же здесь можно увидеть и «тарантасы» с плетеными колесами, сидя в которых чувствуешь себя как в калоше. Лошадь запряжена между двух оглобель. Если вне оглобли с обеих сторон есть еще одна лошадь, так всего три лошади, то тогда речь идет о тройке.

По дороге в город справа мы видели светящиеся окна домов. Дома высотой в 6—10 метров стоят на пригорке как попало, беспорядочно. Слева от дороги текла Волга, но вода была так высока, что на дороге, лежащей на краю берега, было много воды, и лошади были вынуждены идти вброд по воде. К тому же дорога была такой глинистой, что время от времени требовалось несколько мужчин, чтобы толкать колеса, когда они застревали на месте. Наконец-то мы добрались до деревянного дома, где мы остановились.

В Козьмодемьянске мы были три с половиной дня. На пароходе с нами произошло небольшое несчастье. Сундук, в котором находились три шубы, по забывчивости был оставлен нами на земле в другом городе, и мы получили его спустя три дня.

Однако это не было большим несчастьем, так как в любом случае нам пришлось ждать одного полицейского, который выехал в ближайшую местность подыскать нам подходящую деревню. После возвращения он сообщил, что уже арендовал нам жилье. В Козьмодемьянске живут русские, но в городе часто можно увидеть жителей черемисских и чувашских деревень. У нас был обычай всегда замечать: «Там черемис», которых можно узнать по одежде. У женщин платье с длинными рукавами, широкое, до колен, которое слегка приподнимается при подвязывании на поясе лентой. На голове у них белая косынка. Начальник полиции сказал, что в этой местности черемисы не сохранили первоначальной одежды.

На рассвете отъезд. Сначала поедем в Еласы, где проведем первые три месяца. Тарантасы уже ждут у дверей и на них грузят наш багаж. Собирать чемоданы — довольно мудреное дело. Мы сидим на низком сиденье на сене с вытянутыми ногами, одетые в шубы и валенки — едва ли можно одеться теплее в сорокаградусный мороз. Однако сейчас прекрасная погода.

Дорога очень грязная. На каждом шагу слышно бултыхание. Находящаяся с моей стороны молодая лошадь — дикий жеребец. Он все время отворачивает в сторону свою длинногривую голову, конечно, он хочет освободиться от упряжи. Едем вдоль левого берега Волги, по высокому берегу, где холмы возвышаются над равниной. Леса сейчас нет. Находящаяся недалеко равнина с обеих сторон от дороги густо усыпана деревнями, в которых ветряные мельницы и часовни церквей являются признаками жизни в них. Дорога такая широкая, что на ней могли бы рядом проехать шесть или восемь телег. Глубокая, заполненная водой, колея как блестящая лента, которая местами переходит в маленький или большой пруд. Красноватая дорожная глина сливается то с зеленоватыми осенними посевами, то с сохнущими пахотными полями. Местами виден берег, размытый водой от тающего весной снега. Красивое разноцветье, но, может быть, уже завтра все это будет покрыто снегом. Здесь зима наступает почти незаметно. Весна и осень длятся всего две-три недели.

Продолжаем поездку без остановки до нашей цели, до черемисской деревни. Облака то поднимаются, то опускаются, как будто театральный занавес между сценами спектакля. Так природа устраивает нам меняющееся представление. При нашем продвижении вперед облака все время представляют разные кар-

тины и открывают новый вид. Такое чувство, что они укрывают за собой нечто большое и красивое, и мы ждем, что в любой момент занавес поднимется. Уже выглянуло солнце, из-за клочков облака оно светит на дорогу и обогревает нас. И когда начинается небольшой дождь, на ум приходит шведская поговорка: «добрый Бог купает ангелов». Такое чувство, что там прячутся ангелы, которые греются на солнышке в просвете облаков.

После трехчасовой поездки мы прибываем в деревню Еласы. Юрьё уже обманул меня. Он приукрашивал, к каким трудностям мне нужно приготовиться. Он рассказывал, что однажды ему пришлось ночевать в комнате, где находилось 17 человек. В комнате был такой плохой воздух, что он проделал в стене над кроватью небольшую щель, чтобы сюда проникал свежий воздух. Ему приходилось жить впроголодь целыми днями, питаясь чаем, медом и хлебом. Был сорокаградусный мороз, и тараканов было так много, что их можно было мести метлой. Однако нас ждала отличная теплая квартира. Здесь у нас есть прихожая, рабочий кабинет, спальная комната и место для умывания. В действительности это всего одна большая комната, которая разделена на маленькие комнаты перегородками от пола до потолка. Хозяин (русский) является деревенским мастером по замкам. Это старый мужик.

Хозяйка дома готовит нам обеды, и ей помогают двое дочерей. Постель нельзя использовать, так как полно клопов. Мы вынесли ее наружу. Спим на полу на соломенном матрасе, который мы привезли с собой. Мыши иногда беспокоят, они осмеливаются даже лезть в постель. Утром хозяйка спросила нас, сильно ли нам мешали клопы.

Меня теперь зовут Юлией Антоновной. Юрьё — Георгием Емельяновичем.

Юрьё начал свою работу сразу на следующее утро после нашего приезда. Он сидит около стола с высоким косоглазым стариком-черемисом. Они увлеченно работают, выпивая чай, с десяти до часу и с пяти до семи. Я со своей стороны пытаюсь учить русский язык у дочерей хозяйки Антонины и Зинаиды.

Еласы, 4.11.1905

Теперь я намереваюсь регулярно вести дневник. Юрьё уже спрашивал, почему я не пишу каждый день.

У нас здесь есть славный маленький котенок. Ему удается немного позабавить и нас. Однажды мы надумали запеленать его как ребенка. Я сшила для него маленький белый колпак, и

мы запеленали его. Это было для него непривычно, и поэтому он долго стряхивал с себя пеленки и, освободившись от них, с колпаком на голове, к нашему большому восторгу, как дикая кошка, устремился в кабинет Юрьё. Но Юрьё ничего не заметил. Сейчас котенок уже образумился и не считает странным ходить с колпаком на голове.

5.11.

Сегодня впервые в моей жизни на десерт поела семена подсолнуха.

6.11.

Произошло небольшое несчастье. Из любимых брюк Юрьё выпала пуговица. Искали ее долго при свете свечи, но безрезультатно. Пришлось смириться с потерей. Правда, вечером мое плохое настроение поправило яблоко, которым меня угостила дочь хозяина.

8.11.

Сегодня вспомнился рецепт, который дал мне наш семейный врач. Свежеиспеченной женой просила у него рецепт; он дал два. Понесла рецепт в аптеку. Когда впервые после замужества мы обедали у моих родителей, я рассказала им, что произошло. В аптеке сказали, что не смогут приготовить лекарства по этому рецепту. Там было написано: «Много счастья и успехов». «Затем она принесла рецепт мне»,— сказал Юрьё,— «и у меня она его получила».

4.12.1905

В ближайшее время мне исполнится четверть века. Двадцать пять лет! В Хювешвелде прошли первые счастливые недели. Затем долгий путь, и теперь мы живем здесь, посреди спокойствия в тихой деревне Еласы, во время революции. Народ здесь дремлет и не чувствует необходимости в больших переменах, которые уже стоят на пороге. Вести о революции доходят сюда с опозданием, как вообще они сюда доходят.

Во время революции и крупных забастовок — например, забастовки почтовых и железнодорожных рабочих — мы совсем не получали почты. Затем, когда газеты стали приходить из Финляндии, из них мы узнали, в какое историческое время мы живем: наконец, Россия проснулась, и, что важно, бескровная революция в Финляндии приносит долгожданные плоды. Мы

заметили, что на земле стало больше свободы и права, в течение нескольких часов под влиянием революции у нас тоже было сильное душевное волнение, нашему волнению не было границ. Теперь мы с нетерпением ждали дни, когда приходила почта. Наверное, больше нигде в мире не было такого места, где ничего не известно о революции, как именно здесь, в центре России. Вести о ней передаются по телеграфу в другие страны, но здесь крупные забастовки препятствуют тому, чтобы эти вести доходили до наших ушей.

Мы оба очень огорчены из-за того, что сейчас, в период великих решений и действий, мы погружены в спокойную работу и не можем принять участие в крупных событиях, происходящих дома, в Финляндии. Вся семья Юрьё со всеми силами участвует в движении, которое борется за права. Великий князь Финляндии вернул стране конституционные права и отказался от всех принятых ранее решений. Финны снова получат государственность, и сенат будет подчиняться парламенту. Страна еще находится в большом напряжении, тогда как старое правительство постоянно капризничает в Петербурге, и новый сенат еще не назначен.

Здесь, в России, время от времени начинаются крупные забастовки, сейчас опять происходит всеобщая забастовка почтовых служащих. Если это будет продолжаться долго, то это нас очень огорчает, потому что мы не можем вовремя получить деньги, которые находятся в пути к нам.

Дни спокойно проходят в работе. Коротаю свое время в исправлении самого большого моего недостатка — в изучении языка. Уже немного понимаю по-русски и могу начать этнографические работы. Мои планы по работе следующие:

1. Одежда родственных народов разных регионов. Изготовление одежды, резьба по дереву, шитье и вышивка, особенно оригинальные способы вышивки. Названия предметов одежды.

2. Кора деревьев и ее использование. Способы обработки, орудия труда, изготовленные предметы.

3. Сбор фонографии.

4. Сбор народных обычаев.

5. Зарисовка и фотографирование предметов народного быта.

Материал большой. С удовольствием работаю. Веду работу для Национального музея Венгрии, и только работа, указанная в пункте 2, запланирована для одного журнала в Хельсинки. Мы уже были в черемисском доме, у переводчика Юрьё. Здесь

есть и образованные черемисы, такие как помощник попа и его дочь, которая работает учительницей.

Изучаю использование кухонной утвари у русских и приготовление местных блюд. Здесь все блюда готовятся в печи. Горшки ставят глубоко в печь с помощью особого черенка. Руки так далеко не дотянутся, но даже и передней части печи невозможно коснуться рукой, потому что она очень горячая. Научила старшую дочь хозяйки готовить кое-какие венгерские блюда. Из всех ингридиентов блюда что-нибудь отсутствует, так как здесь невозможно достать все необходимые продукты. Теперь нам готовит старшая дочь, поскольку у нашей хозяйки воспаление легких. Она находится в своей комнате на грани смерти уже в течение десяти дней, как раз за нашей стеной. Страшно слушать эту борьбу со смертью. Иногда кажется, что ее не надо жалеть, потому что она так глупа, что не следует советам врача.

25.12.1905

Все наше окно покрыто морозным узором, так что мы совсем ничего не видим на улице. По блеску морозных узоров можно догадаться, что на улице светит солнце. Прекрасно после обеда пойти покататься на санках.

Сегодня первый рождественский день. Юрьё еще вчера после обеда сказал, что только тогда у нас начнется Рождество, когда придет почта. Несколько дней совсем не было почты. Очень нужны деньги, но о них ничего не слышно. Эта забастовка начинает казаться очень досадной.

Вечером накануне Рождества, то есть вчера, Юрьё просил меня заказать немецкие книги из Хельсинки, но они еще не пришли. Я долго думала, какой сюрприз приготовить Юрьё — что-нибудь полезное, которое пригодилось бы в поездке. Однажды утром, за три недели до Рождества, Юрьё, натягивая носки, сказал: «Эти носки мне связала моя любимая мама!» Он сказал это очень нежно, и я страшно завидовала его матери из-за этой фразы. Надеюсь, что когда-нибудь в будущем он так же нежно скажет: «Эти носки мне связала моя любимая жена!»

1.1.1906

Вчера пришли книги из Хельсинки. Почта начала функционировать. Деньги еще не пришли. Поделила книги таким образом, что одна из них будет рождественским, другая — новогодним подарком. Вечером мы выключили свет еще в старом году.

Но не спали, а, обнявшись, ждали, когда часы будут бить двенадцать раз. Когда часы начали бить, начался долгий и счастливый поцелуй, который продолжался из старого года в новый. Как счастливо закончился старый год, и как счастливо начался новый! Тот момент, когда новый год наступал вместо старого, был заполнен чувствами.

Затем я пожелала Юрьё счастливого нового года по-фински. Еще вчера я выучила это с помощью словаря и грамматического справочника. Конечно же, были ошибки, но какая разница! Юрьё обрадовался. Я сказала так: «Желаю счастливого нового года!» Утром подарила Юрьё новогодний подарок — первую, предназначенную для публикации, этнографическую рукопись «О сушке зерновых у черемисов».

9.1.1906

Телеграф уже работает, и в течение прошлой недели, наконец-то, мы дважды получали срочно высланные деньги. Завтра Юрьё поедет в город, а я останусь одна, конечно, не в первый раз. На третий день после замужества, в Хювешвелде, я была дома одна, в то время как Юрьё решал проблему с паспортами.

5.2.1906, Еласы

В их краях обычно самые холодные месяцы — январь, февр[illegible]ь. Январь уже закончился, самая холодная температура днем была не ниже 21 градуса мороза. Ночью, конечно, было холоднее. В эти дни погода стояла тихая и мягкая. Позавчера было всего два градуса мороза.

В Финляндии не ожидали, что мы так спокойно переживем эти кипучие времена. В письме прочитали, что они начали посылать кого-нибудь в поисках нас, так как из-за забастовок от нас ничего не было слышно. Революция уже подавлена. Сейчас, может быть, в России постепенно наступят времена получше. Хотя нельзя быть уверенным.

В конце этого месяца уже мы продолжим наше путешествие в другую губернию. Сейчас я привожу в систему свой этнографический материал. Не смогла собрать народные обычаи, потому что мы не живем среди черемисов, и я не знаю черемисского языка. О некоторых обычаях однако могу упомянуть, так как много раз имела возможность наблюдать на улице: прощание уходящих в армию с односельчанами. По слухам, такой обычай есть только у черемисов. Посреди саней стоит уходящий в армию парень. У него на поясе завязан платок. В обеих руках

он держит один или несколько платков. В ритм песне он по очереди поворачивается, махая платками, то в одну, то в другую сторону. Вокруг него на санях на коленях стоят его друзья и держат друг друга за руку за спиной, образуя таким образом цепь, которая защищает каждого из них и стоящего в середине военнообязанного от падения. Так с песнями, а иногда с гармонью они ездят из деревни в деревню, обходя знакомых, пьют много вина и часто бывают сильно пьяными. Они охотно едут на рынок, и у меня много раз была возможность видеть их там, так как рынок здесь бывает каждый вторник. На рынке они выходят из саней и обходят окрестности с песнями, играя на гармони и танцуя. Такое происходит за неделю до ухода в армию.

Наконец-то, сейчас начала регулярно получать венгерские газеты. Дома дела идут плохо; невозможно знать, чем это закончится.

Еласы, 13.2.1906

Вчера мы были на черемисской свадьбе. Не знаю русского языка хорошо, посредством которого смогла бы выяснить предшествующие и последующие обычаи.

Жених платит за невесту. Помолвленными бывают очень короткое время, 8—10 дней. Венчание происходит в церкви в середине дня. После этого и жених, и невеста идут к себе домой. Примерно через два-три часа жених с родственниками идет в дом невесты. Важным местом является скамейка, находящаяся вдоль стены напротив двери, где сидит жених со своими родственниками. Другие званые гости находятся в доме, а двор полон незваных гостей. Невеста не может находиться в одной комнате вместе с гостями, она сидит на кухне. Только тогда она заходит в комнату, когда старая соседка наденет на нее *шарпан* и *нашмак*. В таком одеянии она может показаться гостям. Ширина вышитого края *шарпана* указывает, насколько богата невеста. В лучшем случае в вышивке может быть 61 ряд. Затем невеста идет обратно на кухню и сидит на скамейке спиной к стене, с другой стороны которой точно так же спиной к ней сидит жених. Гости могут подойти к невесте и положить на тарелку деньги для младенца. Невеста не должна разговаривать. Хозяйка дома, сын и празднично одетая молодуха неустанно обслуживают гостей. Из маленькой чаши они угощают всех квасом, начиная с жениха и его семьи, после каждого снова наливают квас. Когда наступила наша очередь, нам на-

лили напиток в двух различных стаканах. (Вина тоже пили, но по кругу им не угощали.) Недалеко от главной скамейки на двух столах стояли ведра с квасом, из которых черпали напиток большими ковшами. После этого наступила очередь соседей. Женщины принесли либо ведро кваса, либо кушанье — румяные пироги с начинкой из рыбы. Каждая из принесших пироги женщин разделила их на квадратики, положила их на стол и сказала: «Кушайте!» Мужчины принесли бутылки с вином, из которых они наливали в маленький стаканчик, обходя всех гостей (начиная с жениха и его родственников). Каждый мужчина в ответ угощал из своей бутылки, менялись стаканами, отпивали голоток и опять шли к следующему гостю. Во дворе танцевали незваные гости под гармонь, мужчины и женщины танцевали отдельно какие-то русские танцы. Девушки никогда не танцуют. Через два-три часа жених уводит невесту к себе домой, где собираются только родственники. Мы там не были. Там опять едят и пьют и также проводят шуточную оценку приданого невесты. На следующий день праздник продолжается в доме у жениха. Больше я не знаю.

Люмшанур, 24.2.1906

Девятнадцатого числа в восемь часов утра мы, одетые в шубы, отправились в большой путь. Первая остановка после двух с половиной часов пути была в Козьмодемьянске. В начале пути не было ничего интересного. Куда ни кинь взглядом, везде лежит однообразный белый снег. Погода была холодная, и дорога была очень плохая — и это все. В Козьмодемьянске мы отдохнули и отогрелись около часа в уже знакомой гостинице. Принесли самовар, и старый извозчик тоже зашел с нами, и его также согрели горячим чаем. Вновь отправившись в путь, мы переехали через Волгу. В предыдущий раз ехали по Волге на пароходе, когда она еще свободно текла. Теперь она была покрыта льдом и сливалась воедино с окружающим белым снегом. Мы переехали реку поперек. Направление движения обозначено с двух сторон дороги вбитыми деревянными колышками. Раньше я представляла, как красиво ехать через Волгу по огромному ледяному покрытию — однако льда совсем не видно.

Дорога по другому берегу Волги стала более интересной, хотя и хуже. Сани, груженые тяжелыми бревнами, полностью испортили дорогу. Мы ехали по глубокой колее этой дороги. Много раз сани чуть было не опрокидывались, и наконец, мы упали, правда, удачно. В таких низких санях падение неопасно. Вна-

чале я пыталась весом своего тела уравновесить сани во время движения, но потом я заметила, каким легким и неопасным было падение, и отказалась от этого, а позднее угрозу падения воспринимала спокойно.

Теперь мы находимся на низком берегу Волги по пути от горных марийцев к луговым. Со всех сторон лес, хвойные деревья и березы, отдельно или смешанно. То здесь, то там над дорогой склоняются молодые и высокие стволы берез; следы на белом снегу говорят о том, где маленькие белые зайчишки играли или грелись на солнышке. Моя шея совсем оцепенела от постоянного оборачивания по сторонам. Пыталась быть очень внимательной, потому что мне очень хотелось увидеть одного такого маленького зайчонка. Но мне не повезло. А Юрьё увидел, хотя и не прилагал такого усилия, как я. А я увидела только лапки зайчонка. Две лапы рядышком, две — друг за другом.

Время от времени делали остановку. Ночь провели у одной старой русской женщины. Из шуб сделали себе хорошую постель, но на расстоянии вытянутой руки лежал пистолет. В другой комнате несколько часов отдыхали извозчики, которые собирались продолжить свой путь в двенадцать часов ночи. Они были очень суровые и сердитые на вид существа. Чтобы посмотреть на часы, они заходили в большую комнату, где мы спали вместе с хозяйской семьей, извозчики всегда смотрели вокруг очень внимательно и подозрительно. В такое революционное время опасно путешествовать господам с большим количеством багажа и спать под одной крышей вместе с шестью бедными извозчиками.

Приятной хозяйке было около 80 лет. У нее был брат, который после долгого скитания осел на одном месте, но не желает теперь жениться в столетнем возрасте. Ее сын — военнопленный в Японии. Мы помогли ей прочитать из письма название того японского города, в котором он находится. Мы утешили ее тем, что русских военнопленных уже везут домой, и наверняка ее сын тоже через несколько недель будет дома.

Мы продолжили путь на следующее утро. Днем нам пришлось сделать остановку в одной лесосеке, в грязном доме бедного русского. Дом был в плохом состоянии, окна и пол были плохими, везде грязь; непослушные дети были также грязными и покрытыми болячками. Во всем доме царил беспорядок. Хозяин дома бывает дома только раз в несколько недель, однако он бывает счастлив в своем грязном и сломанном доме; здесь тепло и есть горячая пища. В лесу от работы на морозе он

сильно мерзнет, и там он время от времени пьет только горячий чай с черствым черным хлебом.

Юрьё поставил локти на колени и уставился на пол. Наверное, он старался не смотреть на эту ужасающую убогость и грязь. Печально и жалко было смотреть на это.

Теперь мы в пути уже второй день. Нам не холодно, потому что мы так хорошо одеты, что не можем даже поворачивать головы. Смотрим вперед только из маленькой щели между головным убором и платком, завязанным на лицо. Наконец, в три часа после обеда мы прибыли в маленький городок Царевосанчурск. Здесь мы хотели выяснить, куда нам лучше отправиться. Проблема была решена быстро, и после того, как мы пополнили нашу дорожную аптечку и купили немного продуктов, мы продолжили наш путь. На третий день пути во второй половине дня после трехчасовой поездки на санях мы добрались до нового пункта — Люмпанура. Это село, где есть много магазинов и базаров. Мы живем в семье черемиса. Хозяйка — старая женщина, но по вечерам на кухне она очень увлеченно играет на гуслях.

У нас симпатичная комната, белые занавески на окнах, и вдоль стен живописно поставлены скамейки. Здесь я готовлю сама. Очень приятно готовить здесь в своеобразной посуде.

Мы намерены провести здесь несколько недель, начиная с 22.2. Сегодня 35 градусов мороза. Такого я еще не видела.

Люмпанур, 15.3.1906

Вчера было два градуса тепла. Сегодня день рождения моей матери, а также день освобождения Венгрии. Однако свобода граничит со смертью. Положение Венгрии является сейчас нестабильным. Может быть, как раз сегодня, пятнадцатого марта, свобода снова появится в Венгрии, и в мирное время в душе каждого рождается революция. Возможно, сегодня, когда этого больше всего требуется, народ присоединится к великой революции. Я прочитала в старых газетах, что, точно так, как я и думала, правительство опасается этого дня, и поэтому оно запретило всякого рода собрания во всей стране. Было бы интересно, если бы можно было прочитать венгерские газеты в день их появления. Кто знает, возможно, вся страна в движении, может быть, народ уже свободен. Кто знает!

Еще восемь-десять дней и мы продолжим наше путешествие дальше. Хотелось бы еще по санной колее добраться до следующего места расположения. Когда снег начнет таять, трудно со-

вершать поездки. Работаем спешно и лихорадочно, чтобы побыстрее выполнить работу.

Сернур, 28.3.1906

24 марта удачно выехали на санях из Люмпанура. Сначала поехали в Царевосанчурск, где были два дня. 26-го мы продолжили нашу поездку в Сернур. Видимо, это были последние дни, когда еще можно было ехать на санях. Спустя несколько дней, думается, уже нельзя было бы ехать ни на чем. Поэтому мы хотели ехать и днем, и ночью, пока не доберемся до цели. Но получилось по-другому: В доме, куда мы вечером прибыли, не оказалось на месте лошадей, и нужно было ждать до утра. Впереди оставалось еще 150 верст. Провела 25-го свой день рождения довольно особым образом: сидя в санях с утра до вечера. Затем утром мы продолжили нашу поездку. Один из извозчиков был очень забавным. Всю дорогу он разговаривал с лошадью, которая была молодая и неопытная, и поэтому ее поощряли, обучали, задабривали. Я еще не владею русским языком хорошо, поэтому я не поняла всего, что он говорил, но Юрьё перевел мне несколько фраз. Слова эти примерно следующие: «Но, мальчик, иди внимательно, слушай только то, что я скажу. Не ходи левее, там дорога плохая! Но чего же ты боишься, куманек? Глупец боится, всего боится! Ты же ведь не дурак, не видишь, что ли? Будь спокоен, не бойся, ты — лесной эльф, иди только по белому снегу» и т. д. и т. п. Это продолжалось всю дорогу, не переставая ни на минуту. Теперь мы находимся в Сернуре, временно в одной семье, пока не получили подходящего жилья.

Сернур, 10.4.1906

Нам не удалось получить такого жилья, на какое мы рассчитывали, но получили маленький домик. Теперь у нас дом, свой маленький домик посреди большого сада. С правой стороны совсем нет соседей, сзади тоже, а с левой стороны за садом и напротив, с другой стороны улицы, имеются. Живем почти уединенно и радуемся этому. Утром привезли багаж. Предыдущим днем дом отапливался, и после этого в доме был угарный газ. Мы этого совсем не чувствовали, и позднее сильно разболелась голова. Распаковывать багаж было утомительно, и после того, как мы сходили в баню, было приятно в конце концов немного отдохнуть. Устроили в нашем маленьком домике большую постель и быстро уснули. Но проспали мы недолго. Ночью без 10

минут 12 часов я проснулась от страшного грохота. Юрьё как раз не спал. Сначала мы ничего не поняли, что произошло. Я думала, что дверь ломают. Юрьё услышал, как треснуло окно. По этому грохоту было трудно определить, что произошло. Юрьё спрыгнул с постели, взял револьвер из висящей у изголовья сумки и, согнувшись, обошел с проверкой все пять окон спальной комнаты. Два окна со стороны улицы были разбиты, и через дыру шел холод в комнату. Лаяла собака. Юрьё залез под одеяло, чтобы согреться и подумать, что делать дальше, так как казалось, что в дом никто не проник. Первым делом надо было закрыть разбитые окна — начали чувствовать холод и в постели. Для этого нужно было пойти и принести необходимые вещи из другой комнаты. После бани я развесила там сушить банные простыни и влажное постельное белье. Я пошла за ними, Юрьё пошел вместе. Мы закрыли окна и ждали, что будет дальше. В доме всего 11 окон. Не требуется большого умения открыть их снаружи совсем беззвучно. Дверь надежна, она громко скрипнула бы при взломе. Ночь прошла в страхе и напряжении, но больше ничего не случилось. Утром мы увидели, что произошло. В одно окно был брошен большой кирпич, вырвавший оконную занавеску, которая упала на письменный стол. А кирпич продолжил свой путь на другую половину комнаты и упал у подножия кровати. Отсюда громкий шум. В соседнем окне уже была трещина, и от удара окно полностью разбилось.

Утром мы пошли к владельцу дома попросить починить окна. Здесь мы узнали, в чем дело. Здесь мы еще никого не знаем, и поэтому у нас не должно быть мстителей, мы еще не успели нажить себе врагов. Поэтому мы предполагали, что кто-то пришел к нам с намерением ограбить. Но дело было совсем в другом.

Днем нам помогала одна женщина. Она живет вместе с мужем, который вчера вечером был сильно пьян. Когда его жена не захотела пойти домой ночевать, муж пришел ее искать. Его жена уже ушла от нас, мы не знали куда, и сказали ему об этом. Муж ушел, но не поверил нам. (Мы раньше не знали, что этот мужчина был мужем нашей прислуги.) Он думал, что его жена осталась у нас ночевать, и поэтому он разбил наше окно. Таким образом он угрожал жене: где его жена остается ночевать, там он разбивает окна. Мужчина этот пьяница и нигде не работает, а жена содержит его и их маленькую дочь. Днем ему одному дома скучно, и поэтому на ночь он не желает отпускать от себя жену. Мы отказались от этой прислуги и заплатили ей. Она поняла, что в такой ситуации мы не можем держать ее в

качестве нашей прислуги. Она сказала плача: «Я пытаюсь работать и содержать ребенка, а он только пьет и ничего не делает». Этот мужчина был не единственным в своем роде.

Теперь мы знаем, что случилось. Но ночной испуг и напряженность были такими сильными, что после этого я боялась как днем, так и ночью. С тех пор у нас ночует один мужик, чтобы мы не были совсем одни, как той первой ночью. Однако я все равно боюсь. Когда кто-то приходит к нам, я уже дрожу. Боюсь людей, которых встречаю каждый день: прислуги, переводчика Юрьё, того мужчину, который у нас ночует. Еще много-много ночей прошло, прежде чем исчез этот болезненный страх. И только потом, когда мы уехали из этого дома и из этого села и приехали на новое место и к новым людям, моя прежняя смелость постепенно вернулась. Жила же я когда-то совсем одна в Албертфалва и провела целый месяц одна в Карлсбадене, совсем ничего не боясь. Юрьё очень тяготит этот мой продолжающийся страх. Мне нужно собраться с силами и хотя бы пытаться скрыть от него мой страх, иначе я доставляю ему беспокойство. Обстоятельства усложняются тем, что в этом крае (местности) много воров и разбойников, люди поглядывают с опаской друг на друга посреди бела дня. Как же мне потом не бояться ночью малейшего шороха, если люди считают, что мы очень богаты.

Сернур, 15.4.1906, —6°С
Сернур, 16.4.1906, +13°С

Юрьё говорит, что его нынешний переводчик является лучшим из всех прежних. Разумеется, он как всегда много работает. Здесь люди очень хотели бы помочь нам собрать фольклорный материал. Многие помогают, но только что пришел один, который хотел бы начать собирать. Несколько дней тому назад сюда пришли двое мужчин, оба совсем пьяные. Один из них пошел в комнату к Юрьё, а другой остался на кухне и начал шуметь. Мы не могли понять, чего они хотят. Я страшно напугалась, что произойдет. Тот, который был с Юрьё, пытался убедить, что его друг очень хороший и умный человек. Юрьё спросил у него, чего они хотят и почему он об этом говорит — хотят ли они помочь собрать материал. Он отвечает, что его друг не хочет собирать материал, только он умный человек. Он не хочет уйти отсюда, но и не говорит, чего он хочет. Наконец один собиратель народных песен, который как раз был у нас, пошел к владельцу дома, и тот послал человека, которому уда-

лось вывести из кухни скандалившего пьяницу. Прислуга пошла за жандармами, но не нашла их. Последним ушел другой пьяный мужчина, который был с Юрьё. Тогда собиратель народных песен рассказал, что раньше он сам был жандармом и тогда он сталкивался с теми двумя мужчинами, которые были политическими ссыльными. Теперь они приняли Юрьё за политического агитатора, выдающего себя за составителя словаря. Поэтому один из них убеждал Юрьё, что он очень умный и знающий человек, что ему спокойно можно дать секретное политическое задание. Однако они не оставили нас насовсем, а этот «умница» и «знаток» постоянно подстерегал нас около дома. Вероятно, он выжидал подходящего момента, чтобы поговорить с Юрьё с глазу на глаз. Однажды, когда мы с Юрьё пили чай в саду, он подошел к Юрьё. Когда владелец дома заметил это, он подошел к нам, схватил того мужчину и вытолкал его вон. Больше тот мужчина не приходил, но кричал что-то за забором, а что — понять было невозможно. Прислуга предположила, что ночью они могут поджечь дом. Естественно, мне не нужно многого, чтобы испугаться. Никто не мог и вообразить, что я чувствовала; достаточно, если скажу, что я не спала всю ночь. Но Юрьё я не сказала, что боюсь.

Сернур, 23.4.1906

Весна делает свое дело и здесь. На земле еще лежит немного снега, но, несмотря на это, сегодня в именины Юрьё мы посидели на улице без пальто. Весна пришла и сюда — но какая бедная весна! Где сирени? Дома, в Венгрии, в каждом саду в это время настоящее море сиреней. Их цвет и запах делают весну, без них весна — не весна. Да, здесь есть фруктовый сад, и все же он расцветет позднее. Хейкель раньше уже рассказывал Юрьё о предмете фольклора. Возможно, когда-нибудь он появится здесь. Сирелиус почти уверен, что осенью женится. Он приехал бы в фольклорную экспедицию, ему не нужно было бы долго находиться на одном и том же месте, как нам. Но конечно же, мы бы встречались с ним время от времени. По-моему, это было бы очень здорово.

Юрьё был вчера великим спасителем. На кухне, которая сейчас не используется, весеннее солнце разбудило каких-то весенних бабочек. Они не могли выбраться наружу, а только летали около неоткрывающегося светлого окна. Юрьё по одной выпустил бабочек наружу и даже освободил одну осу.

Я благодарна Юрьё за изгнание ужасной мыши. Юрьё выставлял корм около мышиной норы, житель которой выходил

погулять средь бела дня, хотя мы были дома. Но в конце-то концов мы были вынуждены привести кошку, которая за полчаса освободила нас от нашего маленького друга.

Здесь много этнографически интересного. Жаль, что я не владею русским языком немного лучше. Народ здесь по религиозному верованию в большинстве своем придерживается язычества, и в этом крае живы многие языческие обряды. Однако их соблюдают строго в тайне, так как правительство налагает штрафы на тех, кто, будучи крещенными, соблюдает языческие обряды.

Однажды мы ходили на ярмарку. Обычно они проводятся раз в год рядом с кладбищем. Ярмарки обычно известны тем, что здесь есть обычай красть невест. Девушек крадут с их согласия, но родители об этом намерении ничего не знают. Обычно парни женятся за год до ухода в армию, а их жены бывают на 5—6 лет старше.

Завтра, 24 апреля, здесь проводится день поминовения усопших. В этот день люди идут на кладбище на могилы родственников. Там они едят, пьют, играют на волынке и танцуют (русские тоже делают так же). Женщины и мужчины танцуют парами, но не со своими супругами. Девушки танцуют по одной. Неженатые парни могут танцевать с любой женщиной, с другим холостяком или по одному. Танцуют в такт волынки, все время одно и то же. Мужчины и женщины встают навстречу друг другу в нескольких шагах друг от друга. Мужчина вытягивает руки так, как будто он желает обнять женщину. Женщина ставит руки на бедра и подпевает в такт волынки (ай-ай-ай). Они одновременно приближаются друг к другу, все время притаптывая ногами по земле, и встречаются друг с другом в середине, где меняются местами. Затем они снова приближаются друг к другу и встречаются в середине так, что женщина оказывается между вытянутыми руками мужчины, и они прикасаются друг с другом. Затем они обходят круг, топая ногами по земле, и каждый возвращается на свое место. После этого все начинается сначала. Девушки танцуют по одной точно так же, но так, как будто у них есть партнер. Таким же образом танцуют на свадьбах и на праздниках.

Здесь можно увидеть особую старую пастушью трубу, которой пастухи сейчас не пользуются. Труба состоит из двух полых труб: одна узкая труба вставляется в другую широкую, и они туго перевязываются полоской бересты. Осенью по вечерам девушки играют на них во дворе около ворот, по одной или часто вместе, но всегда только одни девушки. Маленькие де-

вочки еще не умеют хорошо играть, так как трудно дуть в трубу. Исполнение на трубе довольно трудное. Если звуки такой *пуч*-трубы слышны где-то вечером, то это значит, что в доме есть девушка, желающая выйти замуж. Часто звуки трубы слышны до полуночи. Жених всегда платит за невесту отцу девушки. Обычно платят десять рублей, но чем богаче невеста, тем больше за нее надо платить. Сто рублей здесь платят редко. У богатой девушки, когда она выходит замуж, имеется около сорока платьев и рубашек, по меньшей мере пять льняных и пять суконных кафтанов и шуб. У среднеобеспеченной девушки имеется до пятнадцати платьев и рубашек.

Здесь только девушки собираются и прядут по вечерам, молодые парни собираются в другом месте. Несколько дней тому назад здесь ходил олин нищий, который в молодости был язычником. Его зовут Яндыган. Он участвовал в войне с Турцией, тогда и крестился.

Сернур, 20.5.1906

Вчера получили письмо от мамы Минхен*. Она спрашивает, как я выдерживаю такие волнения. Приношу поистине большую жертву перед алтарем любви, считает она. Да, эти два месяца были трудными после того, как в дом ломились первой ночью. Но вот работа выполнена и, возможно, через неделю мы сможем продолжить наше путешествие на новое место. Да, у нас были причины бояться. Ранней весной мы получили известие из Восточной России о надвигающейся черной смерти. В Люмпануре была скарлатина, здесь брюшной тиф и трахома. Но пройдут 15 месяцев, и мы поедем домой!

Здесь у меня было много работы для рисования. У местных девушек имеется очень много украшений. У здешних девушек самая красивая и живописная одежда из всех виденных мною. Спустя некоторое время будет приятно посмотреть в фотоальбоме всю нашу поездку во всех местах нашего пребывания.

Все-таки и здесь есть сирени — но как поздно! Я уже узнала и попробовала российскую осень, зиму и весну, но лето мне еще не знакомо. Теперь и оно уже совсем на пороге.

Морки, 31.5.1906

Мы отправились в путь 27-го числа. В последний день болезнь прислуги затруднила приготовления к поездке. Однако все-таки мы выехали из этого стократно трудного места.

---

* Мать Юрьё Вихманна.

Наша поездка на новое место в Морки длилась один день. Мы выехали утром, в середине дня отдохнули несколько часов в одной деревне и вечером были уже на месте. На месте остановки у меня была возможность познакомиться с очень старинной русской народной игрой. По воскресеньям молодые девушки обычно собираются на главной площади около церкви. Здесь они друг за другом по одной идут по кругу, напевая старинные русские песни — такие старинные, что в них еще сохранились слова со времен язычества, например, имена богов, но значение этих слов давным-давно забыто.

Издалека видела татарскую деревню. Ее можно было распознать по узкой башенке мечети. Было интересно, что поблизости есть черемисская деревня, и хотя она была маленькой, в ней все-таки была церковь. Русские попы опасались, что находящаяся вблизи татарская деревня и мечеть повлияют на черемисскую деревню и она примет магометанство, и поэтому они спешно построили в ней церковь, чтобы защитить свое господство. Впрочем, казанские татары уже повлияли на принятие магометанства языческими черемисами, опасаясь, что черемисы примут одурманивающую русскую религию. В этой местности еще много язычников. В церкви часто крестятся целыми семьями, за этим интересно наблюдать, так как у греческо-католических русских принято совершать крещение, полностью погружая крестящегося в воду.

Дорога была очень скверная. Для Юрьё также трудно было выдержать эту дорогу. Мы стискивали зубы, сжимали кулаки и кусали руки во время очередных толчков. Это было очень утомительно. Населенный русскими район отличает черемисов Уржумского уезда от царевококшайских черемисов. Проезжая по русской местности, я пыталась следить, когда мы будем в черемисской деревне, чтобы суметь разглядеть, какой головной убор носят женщины, что является типичной чертой одежды. Въезжая в одну деревню, мы уже у ворот заметили детей и женщину, одетую в черемисскую одежду. «Но она больна»,— сказала я Юрьё, так как лоб женщины был перевязан узкой белой полоской ткани. Чуть подальше Юрьё снова заметил другую женщину, у которой точно так же была белая полоска на лбу. «И эта больна»,— заметил Юрьё. Это начало уже казаться подозрительным, и когда я повернулась посмотреть на женщин сзади и заметила, что эта полоска на лбу, конечно же, относится к ее головному убору. Сзади висел длинный вышитый конец.

Первую ночь в Морках провели у русского крестьянина. На следующий день мы получили отличное жилье в доме жандармского капитана. Тот жандарм был приговорен к особому наказанию. Ему было приказано провести досмотр дома одного попа, потому что сын попа был политически неблагонадежным. Однако когда жандарм прибыл на место досмотра, поп запретил ему производить досмотр и угрожал начать бить в церковные колокола, если тот еще попытается это сделать. Так капитан оставил дом попа без досмотра, так как жители деревни наверняка сообща избили бы его. А из-за непроизведенного досмотра дома его наказали тем, что на неопределенное время выслали его за сто верст на более плохую должность, и теперь он живет в разлуке со своей семьей. В этом маленьком эпизоде прослеживается влияние революции на жизнь деревни.

Здесь у нас одна очень хорошая и уютная большая комната, рядом с которой со стороны сада имеется веранда; прихожая со стороны улицы. Здесь мне надо готовить все самой.

После поездки очень утомилась. Всегда после прибытия на новое место нужно отдохнуть несколько дней от выполненной работы на предыдущем месте и от дорожной усталости.

Все встреченные нами черемисские женщины были очень подвижные, а в Еласах — очень тихие.

Морки, 30.6.1906

Здесь у нас уже третий переводчик. Последний живет в пяти верстах отсюда и каждый вечер уходит домой. Его семья проявила к нам дружелюбие интересным способом: его мать прислала нам в подарок десять яиц и пирог из малины. Пирог был интересно приготовлен: на свежий расправленный лист капусты была выложена свежая малина, и затем все это высушено. Зимой эти пироги с малиной были лакомым кусочком.

Юрьё был болен. Здесь распространена какая-то кишечная инфекция. Но у Юрьё началась дизентерия. К счастью, здесь имеется хороший врач, и вскоре болезнь была побеждена. Когда Юрьё уже выздоровел, была моя очередь заболеть, но я болела не так сильно. Болезнь длилась только два дня, но после этого появилась сильная боль в области поясницы, что я не могла ни вставать, ни садиться, ни ложиться сама. Сидеть могла только короткое время, и это было очень трудным, но труднее было долго лежать. Довольно долго это продолжалось.

Из Финляндии мы получили волнующие известия: там очень о нас беспокоились. Мы теперь решили, что поедем на после-

днее место проживания черемисов, и когда там работа будет выполненной, не останемся надолго здесь в России, если положение будет таким же неспокойным, даже если революция и не совершится. В таком случае мы поедем домой в Финляндию, оттуда через Венгрию в Румынию, Австрию и, в конце концов, в Венгрию. Сначала выполним венгерскую часть работы и затем через год, если к тому времени ситуация улучшится, еще на год приедем сюда к зырянам и вотякам. Если тогда еще волнения будут продолжаться, попросим в университете изменить программу и третий год проведем в Венгрии, где Юрьё занялся бы обработкой собранного материала. В этом случае, возможно, ему хотелось бы и на третье лето приехать в Россию для дополнения уже ранее собранного материала словаря зырян и вотяков. Но эти времена будут для меня нелегкими.

Моркы, 9.7.1906

Вчера у нас был интересный день, мы ходили к переводчику домой в Азъялы. У нас всегда была традиция в конце пребывания гостить дома у переводчика, потому что мне нужно фотографировать и расспросить множество вещей и внимательно рассмотреть женскую одежду. Здесь мы фотографировали сушку зерновых, а также черемисские музыкальные инструменты. Здесь их четыре вида.

Мы также фотографировали черемисскую одежду. Я оделась в черемисскую одежду и Юрьё сфотографировал меня в этой одежде. Вся деревня собралась посмотреть на нас, поскольку они знали заранее, когда мы приедем. Нас приняли в *кудо*. Летом черемисы не живут в настоящих домах. Справа от дома, в том же направлении, что и дом, во дворе была построена довольно длинная комната из четырех углов (у одних она больше, у других меньше). Это постройка из бревен, в ней нет окон, в одной стене (почти маленькая) дверь. Крыша наклонная и построена из досок. Напротив двери, в другом конце под этой же крышей, построена комната поменьше, но такая же широкая. В маленькой комнате есть горизонтальная крыша, и в нее ведет дверь, расположенная напротив двери в большой комнате. Большую комнату называют *кудо*, маленькую — *изи кудо*. В *кудо* вдоль стен с трех сторон стоят широкие скамейки (их нет у стены, где находится дверь). В *изи кудо* скамейки заканчиваются у двери, и они более узкие. В комнате один или два стола, несколько стульев, на стенах — музыкальные инструменты. На верхнем бревне стены посреди комнаты поперек распо-

ложены два больших бревна на расстоянии метра друг от друга. На этих бревнах укреплены две крепкие жерди, на которых висят железные крючки для горшков. Под ними, на земляном полу посреди комнаты между нескольких камней разжигают огонь. Дым выходит наружу через щели между досками крыши и через находящееся над очагом большое отверстие. Крючки на жерди можно перемещать ближе к очагу или дальше. Летом здесь готовят пищу и едят, но никогда не спят (летом спят в *клате*). Это тоже святое место. Язычники проводят там домашние жертвоприношения. С самого начала это было святое место. И крещенные черемисы никогда не спят в *кудо*.

В маленькой *изи кудо* есть полки, на которых в настоящее время хранится посуда, куда кладут обещания о жертвоприношениях. Если, например, зимой кто-то заболеет, за его выздоровление обещают принести в жертву гуся или много-много хлеба, яиц, голубей, барана и т. д. Чтобы не забыть выполнить данное обещание, на полки в *изи кудо* кладут, например, немного муки на кусок ткани или, если обещано что-то другое, серебряные монеты и т. д. Затем летом здесь постепенно выполняют данные обещания и после этого муку или монеты отсюда можно убрать. Такие обещания всегда даются и их всегда выполняют, иначе злые духи будут жестоко мстить. В *изи кудо* мы не были.

Дома у переводчика мы были в таком *кудо*. Это был большой *кудо*, на скамейках сидело много людей, и дверь была открытой. Женщины разводили огонь в самоваре (в каждой крестьянской семье есть самовары), мужчины разговаривали и играли на *кӱсле*, на струнном инструменте, много мелодий, также одну языческую мелодию. Во дворе играли на *пуч*, и на нем исполняли языческие мелодии. *Пуч* здесь другой, намного длиннее (очень длинный) и узкий, и здесь на нем играют только мужчины во время праздника *сӱрем*. *Пуч* здесь изготавливают только за несколько недель до этого праздника. Мужчины репетируют дома и затем все играют в священной роще праздничные языческие мелодии и во время молений. После праздника каждый оставляет свой *пуч* на деревьях в священной роще. Каждый год изготавливают новые *пучи*. Старые нельзя снова использовать, потому что они изготавливаются полностью из бересты, и за такой долгий промежуток времени они засыхают и становятся непригодными для использования. *Сӱрем* — это праздник урожая.

Здесь нет возможности достать изношенное или сломанное

украшение или орудие труда, их не продают. Мне бы хотелось купить черемисскую скатерть, но за нее очень дорого просят.

Народных традиций знаю не очень много. Женщины и девушки здесь танцуют, но по одной и без мужчины. Местные черемисы говорят, что «если одновременно идет дождь и светит солнце, то медведь женится». Очень огорчена тем, что не смогла принять участие в празднике *ага-пайрем* (праздник земли), *сӱрем*, так же как и в других черемисских языческих праздниках. Начала сомневаться в том, что пойти на такой праздник, может быть, не было бы совсем безопасным, потому что Юрьё, знающий, как сильно мне хотелось бы это увидеть, наверняка смог бы так организовать свои дела, чтобы мы не были в дороге именно в день праздника. Рядом с каждой черемисской деревней есть священная роща, если даже ее жители были бы крещенными. Это небольшая роща, огороженная забором, в которой растут березы и ели. В ней есть место, где совершают жертвоприношения. Никогда не была в таком месте. Юрьё вместе с зырянами или вотяками был в таком месте, фотографировал, и был даже в таком месте, в котором никому не разрешается бывать, кроме карта.

Кильмезь, 18.7.1906

Теперь мы находимся на последнем месте исследования. Из Морков мы сначала поехали на лошадях в Казань и переночевали в одной татарской семье. Для меня было очень интересным опытом побывать в татарском доме, немного лучше познакомиться с жизнью и бытом татар. В доме всегда есть какое-нибудь чистое место, какой бы бедной ни была семья, так как ежедневно семь раз в день мужчины должны молиться в чистом месте. В женщинах есть нечто достойное и нечто наивное. Когда-то здесь было татарское ханство, но после его распада татары различным образом сильно обеднели и ведут в деревнях крестьянский образ жизни. Может быть, замеченная у женщин деликатность является отпечатком их происхождения. Все женщины одеты в очень широкую, вышитую, с крупными цветами одежду. Одежда цельная, свободная, напоминающая по форме халат, и к ней относится блузка в сборку, надетая поверх широкой юбки. Верхняя и нижняя части одежды одного цвета и из одной ткани, в основном, из ситца. Тогда как русские женщины оставляют маленьких детей дома на попечении у родителей, пока сами работают на поле, то татарские женщины всегда берут с собой своих детей в маленькой коляске, изготовленной из бересты.

Татарская женщина лучше содержит свой дом, сама она всегда чистая, и ее дом чист в той мере, насколько это возможно. Она заплетает волосы в одну или две косы, украшенные однотонной лентой с серебряными монетами, которые свисают сзади до бедра. На голове у нее всегда есть платок, два соседних угла которого завязаны под подбородком, сзади платок свободно свисает. Перед работой они надевают фартук так, чтобы он не соскальзывал. Выходя из дома на улицу (часто также будучи дома), она повязывает на голову еще один большой платок, достающий почти до щиколоток. Этот платок тоже с вышивкой и с крупными цветами, обычно из ситцевой ткани. Когда навстречу попадается мужчина-татарин, этим платком она закрывает лицо. Чаще всего у нее полосатый фартук, который завязывается на спине так, что косы оказываются снизу. На ногах у зажиточной женщины украшенные вышивкой и рисунком кожаные сапоги. У женщины победнее — войлочные сапоги или пьексы.

В Казани мы были два дня для того, чтобы уладить дела и снова упаковать багаж. Теперь, в летнее время, нам не нужно возить с собой много одежды, поэтому нам не нужно двух пар лошадей, а достаточно одной пары. Из Казани мы выехали на пароходе уже вечером второго дня и два дня и две ночи мы ехали по Волге, Каме и Вятке. Путешествие было приятным и кое-где красивым. Особенно интересными были многочисленные ласточкины гнезда на берегу. На реке Каме нужно было пересесть на другой пароход, так как в Вятке вода очень неглубокая, и большие пароходы не ходят. Мы пересели на маленький пароход. Местами глубина воды была четыре, четыре с половиной фута, и по этой причине мы продвигались очень медленно. На корме парохода стоял матрос, который держал в руках измерительную палочку, размеченную через каждые половины футов, и когда капитан давал свисток, матрос тотчас мерял глубину воды и кричал числа. Когда опасная низина была пройдена, матросу выпал отдых до тех пор, пока свисток снова не позвал его к работе. Местами на высоком берегу виднелись деревни, построенные очень интересно. Каждый дом стоит на отдельном высоком холме, и к каждому дому ведет дорога. Берег очень своеобразный и высокий.

Ночь мы провели в городе Малмыж, который является центром этого уезда. В восемь часов утра мы отправились в путь, впереди было 60 верст по суше. До места доехали по большой Сибирской почтовой дороге, это очень хорошая дорога, европейского уровня. По такой хорошей дороге в России я еще не

ездила. По сторонам стоят березы в два ряда, дорога построена по велению императрицы Екатерины Второй. Деревья были выращены таким образом, что рубщиков грозились отправить в Сибирь на добычу свинца. Вначале, когда и вправду рубщиков деревьев отправляли в Сибирь, эти месторождения пополнились многочисленными новыми рабочими. Теперь по всей дороге только изредка нет деревьев, хотя поездка намного приятнее под большими столетними березами.

Сейчас мы живем по-барски на частном постоялом дворе у одной вдовы лесника. Мне не нужно готовить пищу, мы питаемся у хозяйки дома. Пища хорошая.

До сих пор видела много интересного. Встречала настоящих язычников, восточного магометанца и глупого русского.

Кильмезь, 30.7.1906

Здесь живут вместе люди различных национальностей. В таком месте народные обычаи часто ущемлены. Так произошло с татарами, к примеру. Коран строго запрещает им употреблять крепкие напитки, но здесь от русских они научились выпивать. Забавно видеть выпивших, шумных татар.

Здесь почти каждый день немного дымный воздух. Каждое лето где-нибудь лесные пожары. Рассказывают, что прошлым летом людям приходилось сидеть дома с закрытыми окнами и дверями, так как воздух был таким дымным, что люди почти задыхались.

У Юрьё здесь есть старые знакомые: одна семья, хозяин которой обрусел, но его родители являются по происхождению финнами, которые переехали сюда, в Россию. Они очень дружелюбные, сердечные люди. От них мы услышали об одном интересном случае. Примерно десять лет тому назад через Кильмезь верхом на лошади проезжал один маленький японец, которому было не больше двенадцати лет. Его пригласили на обед в семью наших знакомых. Я прочитала написанное на немецком языке письмо, подписанное им. В нем он рассказывал о своем путешествии в Германию верхом на лошади и о том, что в спортивных интересах он намеревался доехать до дома верхом на лошади. Будучи в Германии, он уверял людей, что он не понимает по-немецки, потому что он считал, что тогда при нем люди выскажут свое мнение о японцах, и об этом он хотел услышать. Здесь он все время говорил по-немецки и совсем не умел по-русски. Вероятно, он и здесь хотел услышать честные высказывания. Он подарил хозяину свою фотографию и на обороте написал длинный текст

на японском языке, но не захотел это перевести. Таким способом японский шпион проехал верхом на лошади через всю Европу и особенно через Россию, через города и деревни, подслушивая разговоры господ и крестьян.

Мы уже решили поехать домой, закончив здесь работу. Дума распущена, и Россия находится на пороге великой революции. Не хочу, чтобы ради меня Юрьё прерывал свою работу и поспешил домой, так как если бы он был здесь один, он не делал бы этого, а выполнял бы тот небольшой объем работы, который у него остался по черемисам. Если бы мы сейчас поехали домой, то позднее для него это была бы слишком большая работа, потому что он уже позабыл бы черемисский язык и надо было бы начинать сначала его изучение. И так мы поедем домой через три недели! Как бы это не было слишком поздно! Сейчас мы уже отказались от первоначального плана по пути домой сделать остановку в Нижнем Новгороде, чтобы на летней ярмарке купить на память что-нибудь интересное. Если бы там мы сделали остановку, то потеряли бы целый день, и кто знает, может быть, наша жизнь зависит от одного дня. Рассказывают, что в Нижнем Новгороде только что во время ярмарки на базарной площади города был большой пожар, который уничтожил 250 магазинов. Город находится в кольцевой местности. Ярмарки маленькие, их как таковых и нет. Если бы Юрьё приехал сюда один, а я осталась бы в Венгрии в качестве его невесты, как он хотел, и я стала бы из газет узнавать эти ужасающие новости и точно не знала бы, угрожает ли Юрьё неизбежная опасность, жив ли он или уже погиб, наверняка тогда мне было бы труднее, чем вместе с ним проводить эти опасные дни, и если так должно быть, погибнуть вместе и разделить свою судьбу с ним.

Из финских газет я узнала, что у меня есть право на выборы. Придется ли мне его когда-то использовать?

На Волге, 21.8.1906

Мы уже едем домой, в Финляндию. Отправились в путь 15-го числа. Из Кильмези 65 верст по суше до ближайшего речного порта в Малмыже. Пароход, намного опоздавший, прибыл наконец-то ночью. Мы сели на пароход в среду ночью, и в субботу после пяти вечера мы были в Казани. Из-за сильной засухи воды в реке мало, и пароход беспрестанно останавливался. Неудобным было то, что мы тащили на буксире баржу, это затрудняло наше продвижение по неглубокой воде, особен-

но, когда надо было делать изгибы. На Вятке мы застряли в одном неглубоком месте, где многочисленные стоявшие пароходы и баржи перекрыли нам путь, и мы вынуждены были стоять около 20 часов. И в конце на наш пароход посадили пассажиров с парохода, стоявшего уже два дня, и мы продолжили наш путь следом за какой-то баржей.

По пути на какой-то пристани на реке Каме, где мы пересели на пароход побольше, произошел небольшой инцидент, когда один из моряков взял с собой в третий класс одного пассажира. Полицейские вывели пассажира, так как капитан не захотел взять его с собой. Вероятно, капитан опасался беспорядков, так как, действительно, теперь в воздухе пахнет порохом.

Рукописи Юрьё о зырянах и вотяках хранились в библиотеке Казанского университета, и поскольку до понедельника библиотекаря не оказалось на месте и мы сможем послать наш багаж только в понедельник, нам пришлось задержаться в Казани.

В Казани нас ждало много дел, но Юрьё, конечно же, первым делом бросился покупать маленькую японскую коробочку конфет, чтобы порадовать свою жену. Затем он отправился в парикмахерскую приводить себя в порядок, и только после этого мы принялись за другие дела. Мне нужно рассказать об этом моей маме, чтобы она поняла, что не все ученые мужи являются одинаковыми и такими, как мой отец, и чтобы она поняла, в каких руках находятся мое будущее и моя судьба.

Будучи в Казани, мы намеревались питаться в летнем павильоне, который находится в парке на берегу так называемого Черного озера. В нижней части террасы там всегда много нищих, которые создают много шума. Сейчас официанты пытались прогнать прочь одного нищего, который здесь бродит. Когда они хотят вывести его отсюда, нищий бросается на землю, начинает кричать и устраивает скандал. И сейчас, когда официант схватил его, он с криком бросился на землю. Официант, который знал его привычки, не слушал его, а тащил его за руки за забор, отделяющий террасу от парка. Сразу же вокруг собралась толпа рабочих и прохожих, и показались жандармы. Мы спешно заплатили и удалились. Также в парке среди людей, гуляющих и слушающих вечернюю музыку, мы заметили жандармов с ружьями. В городе сейчас какое-то особое положение, о котором мы еще не выяснили. До нас доносился слух о беспорядках и в Царевосанчурске, в котором мы были два раза. И это только маленький городок.

Между тем Юрьё высказал мнение о том, что ранее осени не произойдет большой революции, а, возможно, это произойдет только зимой во время новых выборов. Члены распущенной думы, которые собрались в Выборге, в Финляндии, пришли к решению о том, что время всеобщей революции еще не наступило. Возникшие в армии волнения и бунт, и то, что бунтовщики подавлены, показывает революционерам, что правительство чувствует себя довольно сильным. Хотя и нет всеобщей революции, беспорядки во всех крупных городах тревожат. В такой город не хочется сейчас ехать. Но можно сказать, что мы находимся на пути в огонь, так как мы должны ехать через Петербург.

События в Виапори близ Хельсинки были делом красных социалистических рабочих, которые чуть было не стали опасностью для Финляндии. В Хельсинки было очень беспокойно, когда из окруживших город кораблей стреляли, и снаряды убили и ранили многих людей. Одна часть города полностью опустела, так как здесь было опасно. В таком месте мы сейчас находимся.

Завтра рано утром мы прибываем в Нижний Новгород, и поедем дальше только вечером, мы должны пересесть на другой пароход. Если город покажется спокойным, сходим посмотреть на ярмарку. Может быть, осуществится моя мечта.

Сейчас мы едем неудобно, собственно, мы находимся в разных каютах. У Юрьё одноместная каюта, я же вместе с другими тремя женщинами нахожусь в четырехместной каюте. Во всем пароходе в первом и во втором классах оставались только эти два места.

Ужасно, какой плохой чай здесь мы пьем. Вода в Волге ужасно грязная и мутная. Выпей-ка это без кипячения! Уехав из Венгрии, не выпила еще ни одной капли некипяченой воды.

Когда вспоминаю этот год, проведенный на черемисской земле, то на ум приходят многие моменты. Теперь уже могу довольно хорошо переводить финский язык с помощью словаря и грамматического справочника, но обычную быструю речь еще не понимаю. Каким увлекательным был наш брак на первой неделе, когда Юрьё еще плохо умел по-венгерски и говорил мне по-фински. Я не понимала, что он говорил, но знала, что все эти таинственные и незнакомые слова являются нежными. Сейчас уже понимаю их — и немного больше жизнь.

У Юрьё очень неиспорченная и наивная душа. Все происходящие вокруг мелочи интересуют его. Его забавляют гонка собак наперегонки и роющий землю грязный поросенок. Он кормит живущих под нашими окнами индюков, каждый день по-

ливает все находящиеся в нашей комнате цветы и хлопает мух. С теми простыми крестьянскими переводчиками он может отлично говорить и работать. Его по-настоящему интересуют их дела, и прежде всего, земледелие и погода. А его имя в переводе с греческого означает «земледелец».

Однажды по дороге в Кильмезь через Азиково Юрьё вместе со старым черемисом за день перелистал одну часть словаря. Поскольку он умеет так точно обозначать все звуки и также учится их произносить, он спрашивал у черемиса эти слова и произносил их так чисто, что мужик спросил у него: «Разве ты не черемис?» Он ни в коем случае не хотел поверить, что это было так, а только сказал: «Но ты произносил все слова так чисто, как умеет произносить только черемис».

Бедняжка Юрьё сидел с переводчиком по восемь часов в день, он торопился, чтобы уехать. Все свое время он тратил на изучение черемисского языка, так что мы не ходили даже гулять.С переводчиками бывало всякое. Тот азиковский старик, например, однажды разгневался, когда Юрьё спросил у него одно слово: «Какой дурак сказал тебе это слово? Не записывай его!» В Морках, когда Юрьё спросил какое-то бытовое слово, переводчик сказал: «Нет, этого нельзя записывать», ни в коем случае он не хотел сказать этого слова.

У Юрьё везде были хорошие отношения с переводчиками. Кроме одного, все были очень умными. Юрьё считает черемисов очень одаренным народом, у которого были бы большие возможности для развития, если бы они жили в другом окружении и в другом положении. Особенно наш последний переводчик был очень умным и знающим. У него намного больше знаний, так как он много ездил будучи солдатом, был даже в Петербурге. Особенно хорошо он умел рисовать, так что по памяти сделал мне несколько рисунков для моих этнографических работ. Он был разговорчивым и с открытым сердцем. Он рассказывал очень открыто: «У меня в воскресенье венчание. Мне хотелось бы отложить это дело до ноября, но мой отец очень хочет, чтобы в доме было больше женщин. Но для чего сейчас больше? Сенокос закончился, дом отремонтирован, все большие дела уже сделаны. Но для чего сейчас больше женщин?»

У него очень симпатичная жена. Он приходил к нам однажды со своей невестой, мне нужно было многое спросить у них о женской одежде. Мы вместе пили чай, и было хорошо. Когда мы приходили к ним фотографировать, наш переводчик преподнес нам в подарок на блюдечке льняную салфетку, украшенную кружевами. Здесь у всех черемисов такой обычай, что

сыновья вместе с семьей живут в доме отца, и часто в одном доме живет огромное количество людей. Если не всем хватает места, кто-то из сыновей строит свой дом и переезжает туда со своей семьей.

Здесь, на последнем месте нашего пребывания, и женщины, и девушки танцуют с мужчинами или поодиночке. В Морках женщины боялись фотоаппарата. Когда мужчины сказали, что сейчас фотоаппарат их сфотографирует, все убежали.

Еще ни разу не писала о бане, об этой первоначально финно-угорской традиции, которую переняли и другие народы южной России. Это крестьянская парная баня, и она имеется во дворе каждого крестьянского дома. Важной частью маленькой постройки является отапливаемая комната, в углу которой стоит большая печь. Рядом с печью имеются поднимающиеся ступеньками скамейки, посуда, в которой есть горячая и холодная вода, большие тазы для мытья, веник из березовых веток с листьями, которым люди хлещут свою мокрую и потную кожу. К бане относится маленькая прихожая, куда проникает тепло из бани, так что там можно одеваться и раздеваться. Иногда есть маленькая отдельная комната для одевания, но некоторые одеваются прямо в бане, это не очень приятно, потому что там очень жарко. Дымохода в бане обычно не бывает, а только в стене или на крыше есть отверстие, через которое дым выходит наружу. Поэтому, когда топят баню (в течение двух-трех часов), в ней очень много дыма, но когда баня отоплена до готовности, и осталось очень мало угля, дыма вообще нет. В баню идут голыми и устраиваются где-нибудь на ступеньках (наверху всего теплее). Тот, который хочет больше тепла и пара, наливает горячую воду на камни печи. Затем, когда выходит пар, основательно хлещут себя березовым веником, моются и (если такая комната имеется) отдыхают немного в комнате для одевания. Время от времени можно заходить в баню, обливаться прохладной водой и снова немного отдыхать. Затем одеваются, возвращаются в дом и отдыхают, и если все еще потеют, меняют нижнее белье.

Шабаони, Румыния, 29.12.1906

Теперь, через несколько месяцев после нашего отъезда из России, пишу воспоминания о нашей поездке.

Возвращаюсь к тому времени, когда мы выехали из Казани в Нижний Новгород. В Казани мы купили также интересные сувениры: татарские сапоги и домашние тапочки, длинный татарский платок, в котором имеется финно-угорский элемент

украшения. Когда мы были в Казани, в близлежащих деревнях были большие волнения. Во многих местах народ восстал против «земских начальников», грабя и разрушая их собственность. Заметно, как много народ по-своему понимает революцию. В Еласах произошел такой случай. Приехавшие со стороны хулиганы хотели убить собаку здешнего попа, потому что кто-то из них дразнил собаку, и она его покусала. Они пришли к попу и сказали: «Как ты смеешь держать собаку!» Когда поп узнал, что они хотят убить собаку, и рассердился, они ему ответили: «Смотри, царь дал нам свободу». Это было тогда, когда царь после Рождества увеличил права народу.

Здесь заканчиваются дневниковые записи Юлии Вихманн. Следующие строки она написала в 1960 году, будучи в Хельсинки в доме престарелых (по-фински).

По Волге можно ехать на пароходе до Рыбинска, и мы доехали досюда на пароходе. Отсюда мы должны продолжить наш путь на поезде до Петербурга. На пристани стояла большая толпа мужиков, и каждый из них пытался вызваться помочь перенести наш багаж. Кроме экипажа моряков, ни у кого мы не просили о помощи, иначе мы бы больше не увидели наш багаж. Наши вещи отнесли в ожидающий вблизи на берегу «омнибус», который возил пассажиров на железнодорожный вокзал. У нас было много багажа, и надо было быть внимательным, чтобы весь багаж погрузили, так как его несли несколько моряков. «Омнибус» был очень особый. Посередине по всей длине было две скамейки, между которыми была одна общая спинка. Мы сели в «омнибус» на переднее сиденье. «Омнибус» долго не отъезжал. Кучер был готов к отправлению и ждал этого момента. А толпа мужчин стояла прямо перед нами с выпрашивающим и угрожающим видом. Кучер сидел на месте, но отъезд задерживался слишком долго. Мужчины приняли нас за богатых и жалостливых из-за нашего многочисленного багажа. Они неотрывно смотрели на маленькую плоскую кожаную сумку, висящую на плече Юрьё, и может быть, они думали, что там много денег. (Там был револьвер, но им невозможно было обезопасить себя от такой большой толпы.) Опасность и напряженность были большими. Наконец, Юрьё начал вертеть головой и оглядываться вокруг. Тогда один из мужиков заметил: «Напрасно оглядываешься, здесь нет жандармов». Ситуация начала становиться очень угрожающей, когда, наконец, «омнибус» поехал, и мы избежали большой опасности. Мы доеха-

ли до Петербурга. (В тот же день, когда мы прибыли в Петербург, произошло покушение на Столыпина.)

В Петербурге до вечера нужно было ждать поезда, отправляющегося в Финляндию. Немного погуляли по улицам города. Проходя по мосту через Неву, Юрьё осторожно вытащил револьвер из сумки и бросил его в реку. Было бы очень опасно, если бы выяснилось, что у кого-то, в особенности у иностранца, был револьвер, и именно в этот день. Владение револьвером было тогда запрещено.

До этого события, прогуливаясь по улицам, я спросила у Юрьё по-венгерски, есть ли все еще у него револьвер. Не думала, что и по-венгерски револьвер будет так же. Тогда мы заметили, что совсем рядом находился жандарм, но, к счастью, он ничего не слышал. В такой день даже разговаривать на иностранном языке было опасным. И опять мы чудом избежали опасности.

Вечером, наконец-то, мы сидели в поезде, идущем в Финляндию, и очень волновались. После приезда в Финляндию Юрьё уладил дела, мы побывали в гостях у свекрови и в семье брата Юрьё. После этого мы отправились в Венгрию и Румынию.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

ПЕРСОНАЛИИ

Александр Китиков
Йошкар-Ола

ВКЛАД П. АРИСТЭ В ФОЛЬКЛОРИСТИКУ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Академик П. Аристэ (1903—1992) — один из видных финно-угроведов мира. Несомненно, он в первую очередь — лингвист. Главными объектами его исследования являлись языки многих финно-угорских народов. Но языкознание не заслонило его интерес к фольклористике, этнографии и истории этих родственных народов.

Весной 1925 года он окончил гимназию и осенью того же года поступил в Тартуский университет «изучать эстонский язык, прибалтийско-финские языки, уральское языкознание и фольклор» (1, с. 8).

Из-за материальных затруднений нелегко было получить высшее образование. Он начинает подрабатывать, и на первом же курсе поступает на работу в архивную библиотеку Эстонского народного музея. В 1927 году его назначают на должность помощника заведующего только что созданного Архива эстонской народной поэзии. Здесь он обрабатывает фольклорные собрания Якоба Хурта и Матиаса Йоханна Эйзена. Позже упорядочивает и собрание фольклорных материалов других народов. Включается и сам в сбор материалов народной поэзии, проводит исследования на берегах Чудского озера, в Сетумаа, Хийумаа, у шведов, живущих в Западной Эстонии.

В 1929 году П. Аристэ окончил Тартуский университет по специальности эстонский язык, уральское языкознание и фольклористика с оценкой «laudatur» и по прибалтийско-финским языкам с оценкой «cum laude» (лат. — хорошо и отлично — *А. К.*).

Многие знают П. Аристэ как лингвиста-полиглота. Поэтому его часто спрашивали: «Какой язык, по Вашему мнению, самый красивый?». Ответ был постоянно один: «Всегда родной». Без комментария ясно: он был патриотом родного народа. Естественно, в первую очередь он увлекался фольклором родного эстонского народа. Много ездил, собирал и публиковал. Но главная его характерная черта как фольклориста проявилась в подготовке и публикации эстонского народного эпоса.

Научно-исследовательская работа по эстонскому фольклору сосредоточилась в 50-х годах вокруг основного произведения Ф. Р. Крейцвальда (1801—1882) — эпоса «Калевипоэг». Руководить исследовательским коллективом, возглавить работу по подготовке к академическому изданию народного эпоса доверили доктору филологических наук П. Аристэ (главный редактор) и А. Аннисту (редактор). В коллектив вошли научные сотрудники университета Э. Лаугастэ, Ю. Пээгель, Литератур-ного музея имени Крейцвальда и других учреждений. Этот коллектив подготовил академическое издание «Калевипоэга» в двух томах (1961, 1963). Наряду с подлинным текстом «Калевипоэга», которому предпослано большое введение и сопутствуют комментарии, это издание содержит в себе все материалы фольклорного происхождения (сказания и народные песни), использованные при создании эпоса, разделы и стихи, опущенные в последнем прижизненном издании Крейцвальда, также и те разделы начального варианта, отсутствующие в окончательной редакции, полный словарь эпоса (с указанием частотности слов) и библиография (1836—1961). В силу всего этого указанное издание представляет собой уникальный труд в международном масштабе.

П. Аристэ был хорошим знатоком эстонского народного эпоса. Об этом говорит его выступление на страницах журнала «Огонек» (2, с. 31). Капитан дальнего плавания из Владивостока Г. А. Яффе обратился в этот журнал. Он писал: «В журнале «Огонек» я прочитал заметку о памятниках литературным героям. Она доставила мне по возвращении из плавания большое удовольствие. Я очень хотел бы увидеть на страницах журнала сообщение о памятнике Линде — героине эстонского эпоса». Удовлетворяя просьбу Г. А. Яффе, а также пожелания других читателей, действительный член Академии наук Эстонской ССР Пауль Александрович Аристэ рассказал: «Памятник Линде, матери эстонского народного богатыря Калевипоэга, поставлен на горе Харью в Таллинне. Памятник Линде сооружен в Таллинне потому, что, по преданиям, основание города тесно связано с ее име-

нем. Линда является символом женской преданности и скромности, а её сын Калевипоэг храбро защищал эстонский народ от иноземных захватчиков, особенно от нападений немецких псов-рыцарей.

Эстонский народный эпос «Калевипоэг» переведен на русский язык и неоднократно был издан в Москве и Таллинне. В его первых двух главах поётся о происхождении, свадьбе и дальнейшей судьбе героини эстонского народа Линды».

Одним из хорошо знакомых языков для П. Аристэ являлся финский. Он изучал его на курсах народного университета в годы учебы в гимназии. Тогда же он записал у финского народного певца Микко Пукконена старинные финские народные песни.

Будучи школьником, П. Аристэ слушал выступление ливского хора в Таллине. Впечатления от хора побудили в нем желание заняться языком и культурой этого маленького народа. В ливские села Латвии он попадает со студентами в 1948 году. Собирает народные сказания, поговорки, фразеологию, лексический материал. К ливам он ездил три года подряд. Из собранных материалов опубликовано мало, а большая часть погибла при пожаре главного здания университета в 1965 году.

Не оставались вне поля зрения соседи эстонцев — ижорцы, живущие в Ленинградской области. Сейчас их всего 820 человек. Этим языком академик занимался во второй половине 50-х годов, ибо наряду с конкретными проблемами построения ижорского языка он был заинтересован определением его места среди других прибалтийско-финских языков. Советские лингвисты считали его самостоятельным языком, который ответвился во второй половине I тысячелетия нашей эры от древнекарельского языка. В 30-х годах существовал даже ижорский литературный язык. Финские языковеды были другого мнения — ижорский язык это всего лишь финская диалектная группа. Время подтвердило мнение П. Аристэ, что ижорский язык самостоятельный, а не диалект финского языка.

Собранные материалы (тексты и народные песни) П. Аристэ опубликовал в 1960 году в пятом томе исследований Института языка и литературы ЭССР под названием «Образцы ижорского языка».

Уважение и большое внимание проявил П. Аристэ к народу *водь* и водскому языку, самому близкому к эстонскому в языковом отношении. По количеству говорящих на нём людей, водь — самый небольшой финно-угорский народ. На нем общаются

в настоящее время 6 десятков человек в Кингисеппском районе Ленинградской области.

По данным П. Кёппена, в 1867 году водское население достигало 5148 человек, к 1915 году их насчитывалось всего около тысячи. В 1960 году П. Аристэ высказал мнение, что води осталось лишь десятая часть из этого числа. Ещё молодым ученым он начал изучать водский язык и поклялся сохранить фольклор, язык и историю водского народа. В одной из статей, посвященной началу своей творческой научной деятельности, он говорит, что «в весеннем семестре 1932 года, будучи стипендиатом Тартуского университета, работал в лаборатории экспериментальной фонетики в Хельсинки под руководством известного финского ученого профессора Ф. Яймя. Там он начал записывать и водскую речь у информанта Г. Кузьмина» (3, с. 10).

Целенаправленная и продуктивная научная деятельность по изучению водского языка и фольклора П. Аристэ продолжалась в Эстонии в 1947 году. Летом этого года он со студентами отправляется по водским сёлам. В селе Куровицы он находит сказительницу Матью Герасимову и записывает 36 народных песен. Собирая все жанры устного народного творчества, он записывает и пословицы. Надо сказать, что П. Аристэ очень любил полевые экспедиции. Поездки он считал своеобразным спортом, о котором говорил: «Я себе зарубил: больше двигаешься — и больше пишется», или еще: «Не помнешь мышцы — разум становится ленивым». Опираясь на помощь спорта и разумное использование времени, он поставил себе цель — публиковать ежегодно не менее 100 страниц исследования машинописи.

В 1957 году он опять в водских сёлах. Вместе с ним — студенты, которые делали с академиком первые шаги в большую науку. За это время у него накопилось 22 папки, где было 4146 страниц рукописного материала. Рукопись содержит почти все жанры водского фольклора.

На базе этого материала в конце 50-х годов он начинает публиковать сборники водских текстов.

В 1960 году в серии Трудов общества родного языка выходит сборник «Водские песни» (4), который содержит 96 народных песен, записанных от 18 народных сказителей с 1932 по 1959 год. В 1962 году вышли из печати «Водские сказки» (5, s. 5—23), где помещено 65 сказаний, записанных от 11 сказителей.

В 1969 году он порадовал филологов новым сборником — «Водский народный календарь» (6), в котором можно найти

заметки о народных приметах и поверьях; они классифицированы по датам народного календаря.

В 1977 году бвл опубликован сборник «Водские предания» (7), где размещено 143 сказания по самой разнообразной тематике.

В 1978 году П. Аристэ удалось записать в деревне Пески сказку, которая до сих пор не была зарегистрирована у води, а именно сказку о «Чудесной молотьбе». Нищий ночует у скупого хозяина, который не дает ему ни куска хлеба. За ночлег нищий молотит хлеб. Он сжигает солому, остается зерно. Скупой хозяин подражает нищему, сжигает тоже хлеб и вместе с хлебом — и своё гумно. Приведены два варианта. Первый вариант записан по рассказу, второй записан на магнитной ленте.

В 1979 году выходит новый сборник П. Аристэ — «Водские загадки» (8). Здесь всего 70 страниц, где 83 текста водских загадок даны в алфавитном порядке отгадок. Но все они даются в сопоставлении с загадками других финно-угорских народов. Для сравнения использованы и 30 марийских загадок, опубликованных в сборнике А. Е. Китикова «Марийские народные загадки» (1967). Одинаковые тексты обнаружены им в загадках о природе и ее явлениях (мороз, иней, снег, луна) и предметах повседневного домашнего обихода (ковш, веретено, игла, и др.).

В 1984 году он опубликовал «Водские этиологические сказания» (9, s. 17—26), где имеется 15 текстов. Все они переведены на немецкий язык. И к ним указаны типовые номера сказаний Аарне и Томпсона. Многие из этих текстов имеют некоторые сюжетные сходства с марийскими сказаниями — ‘тошто ен ой’. Например, сказание «Девушка на луне». Приведу перевод немецкого текста. «Радуга пьёт воду. Она пьёт из речки или из моря, где ее конец. Дедушка нам рассказывал, что девушка шла от родника. Радуга выпила воду из ее ведра, и выпила вместе с водой и девушку с коромыслом. Радуга светится перед дождем».

Марийские сказания повторяют эти же мотивы. Подобные аналогии можно заметить в таких водских сказаниях, как «Почему морда зайца треснувшая», «Почему сарыч пьет воду из реки» (сарыч — канюк обыкновенный), «Почему у ласточки развиленный хвост», «Почему у можжевельника (у ели) острые иглы».

П. Аристэ записывал и этнографические материалы, которые переплетаются с фольклорными. В этом отношении интересной является работа «Культ леса и деревьев у води» (10, s.

147—156). Ее можно использовать для сравнительного изучения культа растительного мира и у мари.

Для води типично почитание березы, осины и дуба. Этим деревьям они приносили в жертву медные монеты. Обычно народ просил под ними сохранить хорошее здоровье.

На кладбищах води сохраняются священные сосны, возле которых поминают едой умерших, могилы которых неизвестны. В лесах до сих пор существуют священные «золотые ели», под которыми поминают умерших в лесу, павших на войне. Согласно верованиям води, в лесу нельзя вести себя непристойно: ругаться, сердиться. Если же кто нарушит этот запрет — его ожидают неприятности: лесной дух карает таких, они не могут выбраться из леса.

Надо отметить, что П. Аристэ был великолепным рассказчиком. Умел так увлечь, что слушатели забывали о пролетавшем времени. В день своего 80-летнего юбилея рассказывал, как он в полевых экспедициях использовал всевозможные методы сближения с информантом, чтобы он доверился приезжему. И вспомнил один эпизод из своей практики. Примерное изложение его рассказа таково. «Раз мы с информантом Марией Борановой и с ребятами из ее деревни пошли в лес за грибами. Проходили мимо магазинчика. Вдруг она остановилась и вбежала в магазинчик. Вскоре вышла, в руках держала пакетик. Я думал, что она купила что-нибуль съестное для ребят или для себя. Дошли до опушки леса. А тут растут здоровенный дуб и молодая ель. Сначала она подошла к дубу, что-то прошептала про себя и под корень дуба что-то положила, слегка засыпала землей. Затем подошла к ели, сделала то же самое. Вернулась ко мне и сказала: «Дорогой друг! Вы впервые идете в наш лес, поэтому принесите «подарок» ему — лесному массиву». Её просьбу я выполнил аккуратно: взял у нее пряники и зарыл под корнями деревьев — дуба и ели. Я может не запомнил бы этот эпизод, но тогда мы с ребятами собрали очень много белых грибов, которые нас балуют не каждый год. Когда же возвращались, возле этих деревьев она мне на ухо шепнула:«Ты, молодой человек, очень счастливый мужчина! Полюбил же тебя лесной дух с первого раза. Тебе можно верить!» Затем я от нее и соседей записал много песен, деревенские стали считать меня своим человеком и мне было очень легко работать. А позже узнал, что дуб является символом старшего покровителя леса, а ель — младшего, она в будущем будет помогать детям» (10, s. 156). Эту работу он завершает такими словами: «Прямые соответствия водскому культу леса и деревьев устанавливаются

в верованиях ближайших родственных води народов — эстонцев, ижорцев, восточных финнов и карел. Этот культ восходит по времени к дохристианской эре».

Этот пример из его жизни подчеркивает, какое важное значение он уделял сбору языковых и фольклорных материалов в непосредственных полевых условиях, как важно влиться в народ.

П. Аристэ побывал на земле северных и средних вепсов, живущих в Ленинградской, Вологодской областях и Карелии. Вместе с языковым материалом он записал вепсские сказки и опубликовал в одном из номеров языкового журнала. Содержание сказок передается международными типовыми номерами по системе Аарне-Томпсона. В предисловии указывается, что он использовал и записи других исследователей, дается им краткая характеристика. Как и В. Андерсон, он подчеркивает самобытность вепсских сказок.

Ученого интересовали все жанры фольклора. Однако в его записях преобладают песни, сказки, сказания, загадки. Встречаются и пословицы, которыми он начал заниматься и обратил особое внимание с 1964 года, когда в совместном плане работы эстонских и финских фольклористов было намечено составление и опубликование сборника общих прибалтийско-финских пословиц. Наибольшее количество пословиц — это водские, они опубликованы в трех его работах, напечатанных в ежегоднике Общества Калева. Здесь содержится 414 водских пословиц (11, lr. 73—76; 12, lr. 194—199; 13, lr. 221—243).

В 1976 году сотрудница Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР Вайна Мялк опубликовала наиболее полный сборник водских пословиц с эстонскими, финскими, карельскими и русскими соответствиями, общее число которых составляет 728 типов (1637 вариантов). Из этого количества 638 пословиц записаны у води (14).

Академик П. Аристэ интересовался языком и фольклором восточных финно-угорских народов. Конечно, у него было мало трудов по фольклору этих народов, но отдельные высказывания по проблемам и вопросам устной народной поэзии имеются, главным образом, в его рецензиях на оппонированные кандидатские диссертации.

П. Аристэ внимательно ознакомился с трудами четырёх наших исследователей: Китикова А. Е. Марийские народные загадки (Защита состоялась в г. Тарту 31 мая 1971 года), Иванова И. С. Марийская необрядовая народная лирика (Тарту, 20 ноября 1970 года), Н. И. Куторова. Развитие марийского

стихосложения от фольклорного к литературному (Тарту, 26 октября 1972 года), С. С. Сабитова (Таллин, 26 ноября 1986 года).

В рецензии на диссертацию А. Е. Китикова он отмечает, что эстонскому читателю очень важно констатирование того факта, что в библиотеке Казанского государственного университета (фонд № 2260) найдены и те марийские фольклорные материалы, которые были собраны под руководством Михкеля Веске, эстонского лингвиста, собирателя произведений устного народного творчества, автора труда «Исследование о наречиях черемисского языка». Эти материалы считались потерянными. В современной фольклористике происхождение многих загадок объясняется использованием табу и религиозных представлений. Рецензент сомневается в абсолютной верности этой теории и предлагает диссертанту сделать четкую границу между объективным и субъективным подходом к этой проблеме, говоря, что: «Не были ли загадки, в первую очередь, все-таки приёмами своего рода «викторин», которые развивали умственные способности той среды, в которой ими пользовались?»

Рецензент првильно указывал, что «сравнительное исследование загадок пока еще на первой ступени развития». Одинаковые загадки по образу, сюжету и лексике тех или иных народов «безусловно не только какой-то случай». Например, у марийцев и эстонцев имеются такие общие одинаковые загадки: «Ик коля кок почан» — «Ӱксхиир, какс саба» («Одна мышь, два хвоста»), или «Лум деч ошо, шӱч деч шеме» — «Валгем куй луми, мустем куй ӱси» («Белее снега, чернее сажи»).

Мнение соискателя, что наличие диалектизмов и архаизмов в загадках говорит «о большой древности соответствующих загадок» было поддержано рецензентом.

Взгляды академика П. Аристэ на марийские народные песни отразились в его отзыве на кандидатскую диссертацию И. С. Иванова. Он пишет: «Очень мало специальных исследований о сущности, форме, жанрах, истории и локального распространения песен. Поэтому труд И. С. Иванова является весьма актуальным, так как в нем разрешены разные важные проблемы одной специальной части марийских песен. Думаю, что марийские «жрецы» могли безусловно быть авторами тех религиозных поэтических произведений, которые теми же самыми жрецами речетировались на молениях Кугусорта и других нехристианских сект марийцев. Древние песни, созданные жрецами и колдунами, имели также другие

финно-угорские народы. Они были поэтическим явлением своего времени».

Автор прав и в том, что старинные марийские народные песни нужно, в первую очередь, рассматривать как музыкальные произведения. В тех разделах первой главы диссертации, где рассматриваются поэтические особенности старинных марийских народных песен, приведено так много нового, что рецензент считает весьма целесообразным опубликовать эту часть глав также на одном международном языке, кроме русского».

И. С. Иванов констатировал, что частушка возникает на основе распада песен. Но П. Аристэ отмечает, что он отчасти соглашаясь с этим выводом, подчеркивает, что у частушки нет тонкой красоты и чувствительности, которую имеют старинные песни.

Ряд взглядов академика отражаются в его письмах, которые он писал авторам книг после их получения. Например, прочитав монографию «Марийские народные загадки» А. Е. Китикова, подчеркивает: «Я занимаюсь теперь водскими загадками и радуюсь, что могу получить марийские примеры из Вашего сборника. Очень интересно отметить, что многие марийские и водские загадки почти дословно одинаковые, так как их общим источником были русские загадки. Часть водских загадок общие с загадками других прибалтийско-финских народов».

А получив книгу «Марийские народные приметы» того же автора, выражает свое отношение к оригинальным материалам: «Дорогой коллега Китиков, получил сегодня Вашу книгу. Большое спасибо. Скоро собираюсь читать и прочитать Ваш новый труд. Вот что я хотел бы Вам писать сегодня. Издание фольклорного материала — очень важное задание. «Умные» люди пишут часто всякую чепуху, не учитывая подлинного материала. Оригинальный материал сохраняет свою свежесть и значение до конца существования человечества. А умные теории часто забываются очень быстро. Поэтому все финно-угроведы Вам очень благодарны, что Вы издали марийские загадки, народные приметы и т. д.».

Определенный вклад внесен П. Аристэ в развитие фольклористики народа коми. В Тартуском университете в начале XX века преподавал видный ученый коми народа К. Жаков. От него и других информантов он сделал записи, которые составляют целый том коми фольклорных текстов — 169 страниц машинописных листов с предисловием и переводом всех текстов на немецкий язык. К ним даны научные паспорта. Здесь всего 33 рассказа (11 на коми-пермяцком и 21 на коми-зырян-

ском языке), 63 загадки на двух диалектах, 68 песен. Материалы этой рукописи составили основу, на которой ученый сделал ценные наблюдения в области фонетики коми языка, ибо все тексты даны в транскрипции. Это образец того, как языкознание связывать с народной поэзией (15, с. 83—84).

Нужно подчеркнуть, что Пауль Аристэ в своих этимологических изысканиях происхождения слов часто и умело объединяет данные языка с данными устной народной поэзии.

В шестнадцатилетнем возрасте он начал изучать цыганский язык. Его первым «учителем» был ровесник Отто Буркевич. Этот неграмотный юноша, по словам академика, был самым лучшим учителем, ибо он знал множество сказок. Вскоре он от изучения языка переходит к сбору и исследованию цыганского фольклора. В 1938 году в Тарту выходит отдельный сборник (богато иллюстрированный Айно Бах) «Цыганские сказки».

В 1933 году в г. Тарту от одной цыганки П. Аристэ записал народные песни, среди них есть одна песня об утопленнике, которого оплакивала молодая девушка. В 1934 году та же самая песня им записана от сына этой цыганки. Но в редакции сына молодой цыган оплакивает своего утонувшего друга. Затем П. Аристэ установил, что у цыган песни имеют женский и мужской варианты. Языку этих песен присуще стабильное динамическое ударение слова и морфемы. При пении динамическое ударение может быть и подвижным. Автор прослеживает и приёмы исполнения некоторых цыганских песен. Для такого развернутого вывода у него имелись богатые материалы, ибо летом 1938 года в течение трех месяцев кочевал с цыганским табором Лайузе.

В молодые годы П. Аристэ проявляет интерес к древнееврейскому и еврейским языкам, а также к фольклору эстонских евреев. В гимназии он освоил от одноклассника и его домочадцев азы еврейского языка. Еврейская письменность была ему ясна уже в последнем классе гимназии.

П. Аристэ интересовали также еврейский фольклор в Эстонии и его связи с эстонским фольклором. По этим темам он опубликовал ряд кратких исследований.

Пауль Аристэ не просто полиглот. Он ученый с мировым именем, крупнейший представитель научного финно-угроведения. Огромны его заслуги не только в изучении финно-угорских языков, но и велик его вклад в развитие фольклористики этих и других народов.

Любовь к фольклору он пронес через всю жизнь. Как фольклорист, П. Аристэ собрал, обработал и издал 14 сборников уст-

ного народного творчества, опубликовал более 45 статей о жанрах фольклора.

Научная деятельность академика П. Аристэ — пример подражания для молодых особенно в стремлении быть понятным народу, как он выражался, «влиться в народ», умение использовать данные других наук (фольклора, этнографии и др.) для составления словарей всевозможных типов, для подкрепления абсолютной достоверности своих доводов и суждений. Все это для нас — образец ученого, плодотворно служившего избранному делу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Рятсеп Х.* Академик Пауль Аристэ. Таллинн, 1980.
2. Героиня эстонского эпоса (Линда) // Огонек. 1959. № 25.
3. *Аристэ П.* В весеннем семестре 1932 года в Хельсинки // Ученые записки Тартуского университета. Тарту. 1985. Вып. 690.
4. *Ariste P.* Vadjalaste laule. Tallinn. 1960.
5. *Ariste P.* Vadja muinasjutte. TKN. Tallinn. 1964. № 494.
6. *Ariste P.* Vadja rahvakalender. Tallinn. 1969.
7. *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn. 1977.
8. *Ariste P.* Vadja meistatusi. Tallinn. 1979.
9. *Ariste P.* Wotische ursprugssagen.// FU, XI. Tallinn. 1984.
10. *Ariste P.* Vadjalaste puu — ja metsakultusest // Etnograafiamuuseumi Aaataraamat. XXX. Tallinn. 1977.
11. *Ariste P.* Lisia vatjalaisŭn sananlaskukokkoelmŭn // Kalevalseuran Vuosskirja, 1959. № 39. Porvoo — Helsinki.
12. *Ariste P.* Vatjalaisia sananlaskuja // Kalevalseuran Vuosskirja, 1970. № 43. Porvoo — Helsinki.
13. *Ariste P.* Vatjalaisia sananlaskuja // Kalevalseuran Vuosskirja, 1970. № 50. Porvoo — Helsinki.
14. *Mälk Väjna.* Vadja vanasonad eesti, soome, karjala ja vene vastetega. Tallinn. 1979.
15. *Цыпанов Е.* Академик П. Аристэ как исследователь коми языка// Финно-угроведение. 1991.

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ МОКШИН
(к 60-летию со дня рождения и 40-летию научно-педагогической деятельности)

22 июня 1996 г. исполнилось 60 лет со дня рождения и 40 лет научно-педагогической деятельности доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета, заслуженного работника культуры Российской Федерации, академика Академии социальных наук, лауреата Государственной премии Республики Мордовия по науке и технике Мокшина Николая Федоровича.

Н. Ф. Мокшин родился в мордовском селе Иванцево Лукояновского района Нижегородской области в семье учителя. После окончания Иванцевской семилетней школы Николай Мокшин поступает учиться в Лукояновское педагогическое училище, которое заканчивает в 1954 г., получив квалификацию учителя начальной школы. Именно в педучилище он начинает заниматься творческой деятельностью, как литературной, так и публицистической. В 1954 г. Н. Мокшин поступает на 1-й курс исторического факультета Мордовского государственного педагогического института им. А. И. Полежаева. В 1957 г. этот пединститут был преобразован в Мордовский государственный университет. В 1959 г. Н. Ф. Мокшин заканчивает учебу в этом университете, получив диплом с отличием и квалификацию учителя истории, русского языка и литературы средней школы.

В студенческие годы Н. Ф. Мокшин все больше увлекался творческой работой, писал стихи, статьи, печатавшиеся в газетах и журналах, которые выходили в Саранске на русском и мордовском языках. В период летних каникул он участвовал в работе Мордовской этнографической экспедиции Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (руководитель В. Н. Белицер). В составе указанной экспедиции работал антропологический отряд, возглавляемый видным эстонским ант-

ропологом К. Ю. Марк. Студент Николай Мокшин помогал ей собирать и обрабатывать антропологический материал, одновременно вел этнографические наблюдения.

В течение ряда лет, будучи студентом, а потом и аспирантом, Н. Ф. Мокшин избирался председателем Совета Студенческого научного общества Мордовского государственного университета. Названное самодеятельное общество проводило студенческие научные конференции, выпускало типографским способом сборники студенческих научных работ, в которых были опубликованы первые научные изыскания будущего ученого, налаживало связи со студенческими научными обществами других вузов, в том числе Тартуского государственного университета.

1959—1962 гг.— это годы учебы Н. Ф. Мокшина в аспирантуре. С 1962 г. по настоящее время он работает в Мордовском государственном университете, в котором вырос от студента до профессора, заведующего кафедрой. На протяжении ряда лет он избирался деканом историко-географического факультета. В 1964 г. Н. Ф. Мокшин защитил в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «Дохристианские верования мордвы». Ему было 27 лет, и он был в то время молодым кандидатом наук по специальности этнография в Советском Союзе. В 1967 г. Н. Ф. Мокшин стал доцентом. В 1986 году в Институте этнографии АН СССР он защитил докторскую диссертацию на тему «Основные этапы формирования и развития мордовского этноса», в 1989 году утвержден в ученом звании профессора.

Н. Ф. Мокшин — специалист широкого профиля. Он — историк и этнограф, религиовед и ономатолог, музеевед. Н. Ф. Мокшин опубликовал пять книг и более двухсот статей по истории и этнографии, религиоведению и ономастике, музееведению. Его научные интересы, в первую очередь, охватывают проблемы истории и этнографии родного ему мордовского народа, хотя, разумеется, не только его. Об этом свидетельствуют сами названия его монографий: «Религиозные верования мордвы» (1968), «Этническая история мордвы» (1977), «Мордовский этнос» (1989), «Тайны мордовских имен» (1991), «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников» (1993).

В своих трудах Н. Ф. Мокшин исследовал многие актуальные проблемы этногенеза и этнической истории мордвы, ее общественного строя, семейного быта и духовной культуры, в том числе дохристианских религиозных верований и обрядов. Особенно велики заслуги Н. Ф. Мокшина в разработке пробле-

мы мордовской бинарности, этноструктуры мордовского народа, типологии мордовского этноса, его этнокультурных и этноконфессиональных связей, мордовской историографии, в расширении источниковой базы историко-этнографических исследований, в сборе этнографических коллекций для созданного им в стенах Мордовского государственного университета этнографического музея (открыт в 1979 году).

Научные труды Н. Ф. Мокшина пользуются признанием не только в России, но и за ее пределами, они опубликованы в ряде стран Европы и Америки. В 1994 г. Президиум Российской Академии наук по рекомендации Ученого Совета Института этнологии и антропологии РАН присудил Н. Ф. Мокшину, как выдающемуся ученому, Государственную научную стипендию (на срок с 1 января 1994 по 31 декабря 1996 г.), а Российский фонд фундаментальных исследований выделил ему, как ведущему ученому Мордовского государственного университета, грант на проведение научных исследований по этнографии мордовского народа. В 1995 г. Н. Ф. Мокшин был избран членом-корреспондентом Международного общества фольклористов при Академии наук и литературы Финляндии. Кроме того, он является действительным членом Русского географического общества, членом Союза журналистов Российской Федерации, членом специализированного совета по археологии и этнографии Удмуртского государственного университета.

Н. Ф. Мокшин ведет большую общественную работу, будучи председателем Союза краеведов Мордовии, председателем Мордовского отделения Русского географического общества. На прошедшем в 1995 г. X-м съезде этого общества, являющегося одним из старейших научных обществ России и Западной Европы (основано в 1845 г.), Н. Ф. Мокшин был избран членом Ученого совета и Президиума РГО.

Преподавая в Мордовском государственном университете историю первобытного общества, этнографию, руководя полевой этнографической практикой студентов, читая спецкурсы по этнографии финно-угорских народов, этнографии Среднего Поволжья и Приуралья, мордовской этнографии, руководя курсовыми и дипломными работами, аспирантами, Н. Ф. Мокшин вносит существенный вклад не только в научные исследования, но и в подготовку научно-педагогических кадров, в пропаганду историко-этнографических знаний, имеющих важное значение в деле воспитания высокой культуры межэтнического общения, что всегда актуально. Он заслуженно снискал высокий авторитет не только как ученый, но и как журналист, обще-

ственный деятель, культуролог. Он неоднократно выступал с интересными научными докладами на международных конгрессах финно-угроведов, научных конференциях, проводимых в стенах Эстонского этнографического (ныне Национального) музея, был инициатором проведения совместных (Эстонского национального музея и Мордовского государственного университета) экспедиций, работавших с 1984 по 1989 год на территории Мордовии, был одним из официальных оппонентов докторской диссертации А. Ю. Петерсона — известного эстонского этнографа и музееведа.

За заслуги перед государством, многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства Указом Президента Российской Федерации от 7 июня 1996 г. Н. Ф. Мокшин награжден Орденом Дружбы.

Е. Смолина
Саранск

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: УДМУРТЫ: Историко-этнографические очерки. Удмуртский институт истории, языка и литературы Уро Ран. Ижевск, 1993. 392 с.

Рецензируемое издание подготовлено авторским коллективом Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН с привлечением сотрудников других научных и учебных учреждений Удмуртии под общей редакцией профессора, доктора исторических наук В. В. Пименова и заведующего сектором этнографии Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН кандидата исторических наук Л. С. Христолюбовой.

Удмурты — один из древнейших коренных народов России со своеобразной культурой и второй по численности финно-угорской этнос в стране. Авторы монографического издания осветили разнообразные стороны этнической истории удмуртского народа, начав с этногенеза и расселения. В исследовании рассмотрены общественный и семейный быт, занятия, обычаи и обряды дореволюционного периода, а также раскрыты социально-экономические и культурно-бытовые процессы, характерные для современности.

Монография состоит из введения, 18 глав и заключения.

В первой главе раскрываются проблемы этногенеза и характеризуются этапы этнической истории удмуртов. В этой же главе дан интересный материал о субэтнических объединениях удмуртов. Авторы данного подраздела на основе различных материалов выделяют этнические группы удмуртов и раскрывают причины длительного существования этих объединений. В главе выделены два параграфа, посвященные основным моментам этнической истории удмуртского народа с древности до настоящего времени.

Из книги читатель может почерпнуть интересные сведения о расселении и этнодемографии народа. Современная картина рассе-

ления удмуртов в основном сложилась к концу XVIII века. По территории Удмуртии этнос расселен неравномерно. В главе даются различные количественные показатели о плотности населения в районах республики, соотношение различных национальностей по административным районам Удмуртской республики, соотношение сельского и городского удмуртского населения, изменение численности коренного населения, возрастная структура удмуртов по данным переписей населения и т. д.

Хозяйству и основным занятиям посвящен следующий раздел очерков. Основное традиционное занятие удмуртов издревле — земледелие, скотоводство носило вспомогательный характер. Удмурты были известны как отменные пчеловоды, охотники и рыболовы. Эти занятия рассматриваются подробно, дается краткая характеристика пчеловодства, основных орудий и способов лова зверей, птиц, рыбы. Небольшой подраздел дает информацию о промыслах удмуртского народа: деревообработка, обработка металла, изготовление рогож, смолокурение, ткачество, бондарное, скорняжное, валяльное и др. Промыслов насчитывалось более 90 видов. В главе дана краткая характеристика преобразований в хозяйстве народа в советский период.

Интересны сведения о традиционных и современных поселениях и жилищах удмуртов. Выделены особенности удмуртских поселений и типы их планировок. При рассмотрении жилища показаны планировка деревенской усадьбы, различные виды и типы подсобных помещений, интерьер и экстерьер традиционного и современного сельского дома.

Познавательной является и глава о народном костюме удмуртов. В ней характеризуются материалы для изготовления одежды, покрой, орнаментация, особенности девичьих и женских головных уборов, украшения, обувь, комплекты праздничной и обрядовой одежды. Довольно подробно рассмотрены локальные комплексы народного костюма, тенденции развития национальной одежды в современных условиях.

В монографии раскрывается система питания удмуртского этноса, характеризуются основные продукты питания, специфические особенности повседневных и праздично-обрядовых блюд, способы и технология их приготовления. Небольшой подраздел посвящен разнообразной кухонной утвари.

Большое внимание в работе уделено роли общины в жизни удмуртской деревни. Удмуртские сельские общины были различными по типу, имели сложную внутреннюю организацию и выполняли разнообразные функции, решали многие вопросы,

связанные с деревенским укладом. В прошлом у удмуртов особо почитались кровно-родственные связи.

Интересный этнографический материал был использован при написании главы о семье и семейном быте. В ней рассмотрено социально-демографическое состояние семьи и ее эволюция в различные исторические периоды, внутренний уклад удмуртской семьи. Значительное внимание уделено традиционным и современным семейным обрядом. Даны сведения о всех этапах свадебного цикла, о родильных обрядах, раскрыто смысловое значение похоронно-поминальных действий.

Одна из глав книги характеризует календарные праздники и развлечения. Практически все традиционные праздники у удмуртов были связаны с религией, хозяйственной деятель-ностью и представлениями о кругообороте солнца. Уделено внимание советским праздникам и общественному досугу.

Особое внимание привлекает в исследовании анализ религиозных верований удмуртского народа, которые были связаны с хозяйственной деятельностью, обычаями и обрядами, праздниками и мировосприятием. Автор раскрывает сущность религиозных верований и культов, порядок проведения различных молений и жертвоприношений. Подчеркивается высокое художественное оформление религиозных текстов, произносимых языческими жрецами. Спецификой религии на современном этапе является сложная форма синкретизма.

Несомненно интересен раздел о народных знаниях, где проявляются представления о мире и народном календаре, основам метрологии, народной медицине и педагогике. В процессе длительного исторического развития у удмуртского народа формировались знания об окружающем мире, природе, человеке, возникали представления о мироздании, времени и пространстве, вырабатывались нравственные нормы поведения, способы воспитания молодого поколения и передачи ему накопленного опыта. Интересны способы традиционного врачевания, накопленного в течение многовекового народного опыта. Народная медицина удмуртов имела разнообразный ареал лечебных средств.

В монографии рассмотрено народное искусство: устно-поэтическое творчество, народная музыка, декоративно-прикладное искусство. Жанровая система устно-поэтического творчества народа обусловлена его образом жизни. Самобытный пласт составляют жанры, преследующие утилитарно-магические цели,— заклинания, заклички, заговоры. Большую роль в быту играли различные песни, предания, мифологические сказания, былички, побывальщины, сказки, загадки, пословицы, пого-

ворки. В разделе о народной музыке раскрывается характер удмуртских народных мелодий и описываются традиционные музыкальные инструменты.

У удмуртского народа на высоком уровне развития нахо-дились различные виды декоративно-прикладного искусства. Изделия, выполненные в художественном стиле, очень часто носили утилитарный характер и широко использовались в быту. Издавна удмуртские женщины славились мастерством пестрядинного и узорного ткачества, вышиванием, крашением, изготовлением украшений. Удмуртские мастера искусно изготовляли при помощи простейших приспособлений деревянную, берестяную и плетеную утварь.

Значительное место уделено в монографии современному профессиональному искусству, литературе, изобразительному искусству, музыке, театру удмуртского этноса.

Довольно подробно авторский коллектив рассмотрел современные этнические процессы, что является положительной стороной исследования. Тщательно проанализированы социальная структура этноса, этноязыковые процессы в различные периоды у различных социальных групп удмуртского населения, начиная с послеоктябрьского периода, кончая современностью.

В книге уделено внимание и межнациональным отношениям в Удмуртии, раскрывается их характер. Особая глава посвящена некоторым чертам этнической психологии, которая, безусловно, была связана с природно-климатическими, историческими, религиозными, хозяйственными, социально-экономическими, межэтническими и другими факторами. В современных условиях, когда растет самосознание народов России, возрастает их интерес к этнической психологии. Выводы этих двух последних глав можно использовать для принятия практических мер по преодолению имеющихся противоречий в развитии этноса, улучшению культуры межнациональных отношений.

Характеристика этноса в данной работе является многосторонней, поскольку в ней использованы все достижения этнографического изучения удмуртов. Важную часть источниковедческой базы исследования составили данные двух больших статистико-этнографических обследований населения Удмуртии в 1968 и 1979/80 гг.

Однако, к сожалению, в коллективной монографии при рассмотрении культуры этноса абсолютно нет упоминаний об общих элементах в ней с традиционной культурой других финно-угорских народов, что весьма актуально в связи с возросшим

интересом в настоящее время к проблемам родства и единства финно-угорских народов.

Таким образом, читатель может получить из исследования разнообразные сведения об этногенезе, расселении, об общественном и семейном быте, занятиях, культуре, обычаях и верованиях удмуртов, а также о тех преобразованиях, которые характерны для современного периода.

Оформление книги оставляет хорошее впечатление. Она проиллюстрирована тщательно подобранными фотографиями, картами, рисунками, таблицами.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

Рец.: МОРДВА: Историко-культурные очерки. Саранск: Мордовское книжное издательство. 1995. 624 с.

Мордва — наиболее многочисленный финно-угорский этнос в Российской Федерации. Истории и культуре этого народа посвящена рецензируемая коллективная монография, которая написана ведущими, по указанной проблематике, специалистами. Она является законченной научной работой и адресована ученым-гуманитариям, студентам, работникам культуры и государственного аппарата, а также широкой читательской аудитории, интересующейся мордовской историей и культурой.

Солидная по объему работа включает 20 глав, большинство из них написаны на основе вновь полученных данных, в результате проведенных эмпирических исследований. Чувствуется, что над авторами не довлели политические установки, поэтому стиль изложения откровенный, без боязни освещения острых вопросов, но в то же время выдержанный, строго научный.

Работа данного типа осуществлена впервые. Ранее в обобщающих изданиях, например, в «Истории Мордовской АССР», тт. I—II; историко-этнографическом очерке «Мордва», вышедших в конце 70 — начале 80-х гг., истории мордовской культуры посвящены отдельные главы. В настоящем издании осуществлена попытка системного изложения культурного развития народа. В целом эта задача выполнена.

В первой главе (авторы Н. Ф. Мокшин, В. А. Балашов, В. А. Юрченков) дается анализ отечественной и зарубежной историографии культуры мордвы. Интересный и богатый по содержанию материал использован во второй главе, посвященной формированию мордовского этноса с истоков до консолидации мордвы в нацию. Автор раздела Н. Ф. Мокшин подчеркивает, что в древности было много общего в культуре волжско-финских племен. Ярким примером этому являются дохристианские верования мордвы и марийцев. При раскрытии этимологии этнонима «мордва» автором привлечены различные лингвисти-

ческие и исторические источники. В главе подробно рассматриваются территория расселения этноса и социально-экономическое положение мордвы в различные исторические периоды. Несомненный интерес представляют и данные о субэтнических группах мордовского этноса. Глава завершается анализом этнических процессов у мордвы в современных условиях.

Известно, что для мордвы характерна рассредоточенность расселения по всему Среднему Поволжью и Приуралью. К концу XIX в. отдельные группы мордвы жили в Южной Сибири и Закавказье. Сведения о расселении и динамике численности мордвы включает III глава монографии. Автор — известный этнолог В. И. Козлов использовал обширный статистический материал для анализа динамики численности мордвы в различные периоды. Он подчеркнул, что имеющийся современный материал говорит о тревожном явлении — сокращении общей численности мордвы не только за пределами республики, но и в Мордовии. Эту же тенденцию подтверждают и демографические материалы, приведенные в IV главе (В. Ф. Кирдяшов, В. Ф. Разживин). Авторы провели этнодемографический анализ среди городского и сельского населения. Эти материалы позволяют говорить о достаточно высоком темпе старения сельского населения республики, а также и о сокращении общей численности мордовского сельского населения.

Традиционные занятия и орудия сельскохозяйственного труда в прошлом и настоящем рассмотрены в V главе (И. М. Петербургский). Автор кратко и ясно охарактеризовал основные традиционные занятия и орудия труда. Логическим продолжением этого раздела является глава VI, посвященная промыслам и занятиям мордвы (А. С. Лузгин).

Планировка, структура поселений, виды и типы народного мордовского жилища проанализированы в главе VII, автором которой является В. Ф. Вавилин.

Таким важным элементам традиционной культуры как одежда, пища и домашняя утварь посвящены главы VIII, IX.

В исследовании довольно подробно рассмотрены семейно-родственные отношения (гл. X — В. А. Балашов, Т. П. Федянович, Г. А. Корнишина). Особо удачным, на наш взгляд, является раздел о системе родства у мордвы. Автор исследования (С. Д. Николаев) дал подробный анализ терминологии родства мордовского этноса. Информативны и разделы о таких важнейших семейных обрядах народа, как свадьба, родинные, похоронные и поминальные обряды.

Н. Ф. Беляева в XII главе раскрывает особенности народных

традиций в воспитании детей у мордвы, привлекая обширный этнографический материал.

Особенности языческих верований и христианизация мордвы рассмотрены в главе XIII, автором которой является Н. Ф. Мокшин. Он раскрыл основные категории мордовской языческой веры, основанной на связи человека с природой, поклонении стихиям природы. В отдельных разделах рассматривается характер магических обрядов и обрядов, связанных с поминанием умерших, смысловое значение дохристианских религиозных праздников.

Основные жанры мордовского фольклора проанализированы в главе XIV (М. Ф. Ефимова).

Особенностям народного и профессионального театрального искусства посвящена глава XV (В. С. Брыжинский). Автор подробно характеризует состояние данного вида искусства в Мордовии.

В данной монографии рассматриваются практически все важные формы и элементы традиционной и профессиональной культуры. Так, народная музыка, народные инструменты, современное музыкальное искусство нашли свое отражение в одной из последних глав (XVI — Л. Б. Бояркина, Н. И. Бояркин).

В следующих главах (XVII, XVIII — Т. П. Прокина, М. И. Сурина) читатель может получить данные о народном и профессиональном изобразительном искусстве.

Характеристике и анализу мордовских языков посвящена глава XIX, в которой определяется место мордовских языков в системе родственных и их связь с другими языками; единство и различие мокшанского и эрзянского языков; формирование мокшанского и эрзянского литературных языков. Авторы (М. В. Мосин и О. Е. Поляков) выделили проблемы и перспективы современных мордовских языков в контексте развития национальной культуры.

С современной мордовской литературой знакомит последняя XX глава коллективной монографии.

Рецензируемая монография по существу является своеобразной энциклопедией культуры мордовского народа. Это декларируется и авторами работы в аннотации к ней, но во введении (автор И. А. Ефимов) этот труд неоднократно получает разные названия: сборник (с. 3, 5, 6), монография (с. 6), книга (с. 5). Это может натолкнуть неподготовленного читателя на мысль о том, что у авторского коллектива не было единой цели при подготовке данной работы.

Кроме того, во введении довольно много общих рассужде-

ний о «возрождении» культуры и мордовского этноса, не подкрепленных обоснованным научным анализом, что опять же может создать иллюзию у читателя, что перед ним очередная околонаучная беллетристика, хотя все последующее изложение материала опровергает это мнение. С нашей точки зрения, неоправданно много рассуждений во введении, да и в некоторых главах о мокшанах и эрзянах как о двух сильно отличных друг от друга субэтносах. Причем, в контексте это иногда звучит так, как будто разговор идет о двух различных этносах. Противопоставление мордвы-мокши и мордвы-эрзи друг другу, даже на страницах научной литературы, имеет большие негативные последствия, так как утверждение в сознании народа или отдельных его представителей мысли об отсутствии целостности этноса усугубит и без того достаточно зримые процессы дезинтеграции мордовского этноса и его ассимиляции. Чем больше этническая общность, тем больше шансов для ее выживания.

Есть некоторые пожелания по структуре книги. Хотя в целом она отличается продуманностью и логичностью, но, на наш взгляд, следовало бы главы II, III и IV объединить в одну, которая бы давала краткую справку по истории мордовского этноса, его расселению и современной демографической ситуации, так как в книге, посвященной истории культуры, все эти вопросы носят вспомогательный характер. Надо отметить, что и в главе I «Историография культуры мордвы» ее авторы иногда сбиваются с анализа изучения истории культуры на анализ изучения этнической истории. По-видимому, для более полного воссоздания истории культуры нужно было привлечь мордовских археологов (И. М. Петербургский, В. И. Вихляев, В. Н. Шитов).

Впрочем, отмеченные замечания не являются принципиальными, а иногда носят и дискуссионный характер. Поэтому они не могут изменить положительного мнения о книге, сформировавшегося, как у авторов данной рецензии, так надеемся, и у многочисленных ее читателей в Мордовии, и далеко за ее пределами. Авторы рецензии надеются также, что работа коллектива авторов книги не окажется незамеченной не только читающей общественностью, но будет поощрена и руководством Республики Мордовия.

Юрий Зеленеев, Тамара Молотова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1996, № 3.

ХРОНИКА

ВТОРОЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Более двух веков назад венгерские ученые доказали и начали пропагандировать угро-финское родство. С тех пор много было сделано для взаимного ознакомления и сближения родственных народов. Но до последнего времени связи в основном поддерживались учеными (в первую очередь языковедами), с 1989 года они дополнились и обогатились сферой литературы и культуры, в чем большую роль сыграли международные встречи финно-угорских писателей, создание Фонда развития культур финно-угорских народов.

Следующим естественным этапом стало стремление к более широкому общественно-политическому сотрудничеству. Это было реализовано в декабре 1992 года: в столице Коми Республики городе Сыктывкаре состоялся Первый Всемирный конгресс финно-угорских народов. Тогда же венгерская делегация предложила следующую мировую встречу устроить в Будапеште в 1996 году, приурочив это к празднованию 1100-летия обретения венграми Родины.

И вот более 300 делегатов от всех родственных народов и представители венгерской диаспоры из различных стран собрались 17—19 августа 1996 года вместе, чтобы обсудить насущные проблемы современного национального бытия и перспективы развития.

Нормы представительства были определены на совместных заседаниях международного Консультативного комитета финно-угорских народов и Венгерского национального оргкомитета. Народы, насчитывающие более 100 тысяч человек, могли послать делегацию в количестве 20 человек, меньшей численности — до 10 делегатов. Кроме того, приглашались государственно-правительственные делегации.

Число делегаций в сравнении с первым конгрессом увеличилось: приехали представительные делегации саамского народа и ингерманландских финнов, по одному человеку присутствовали от самых малочисленных народов — ливов и води. Правда, в этом отношении проявилась тенденция, которая наводит на некоторые размышления. Если на первом конгрессе участвовала делегация мордовского народа, то вместо этого теперь появились две делегации — мокши и эрзи; самостоятельной делегацией были представлены тверские карелы.

Венгерские ученые подготовили делегатам хороший подарок — книгу «Финно-угорский мир» на венгерском и русском языках. Хотя придирчивый научный взгляд может в ней обнаружить немало неточностей, все же это очень полезная книга для интересующихся историей, культурой, современным состоянием финно-угорских (а также родственных самодийских) народов. Показателем внимания к научному осмыслению истории и нынешнего положения родственных народов явилось начало издания кафедрой финно-угроведения Будапештского университета серии брошюр на венгерском языке под общим названием «Budapesti Finnugor Fűzetek» («Будапештские финно-угорские тетради»). Накануне конгресса вышли брошюры: Евгения Хелимского об истории самодийских народов и Ксенофонта Санукова — «Марийцы: прошлое, настоящее, будущее», а буквально в дни конгресса появилась брошюра делегата конгресса доцента Ивана Ефимова о мордве.

Теплым, проникновенным словом работу конгресса открыл Президент Венгерской Республики Арпад Генц. Он отметил, что главной задачей, ради которой и собрался конгресс, является сохранение культуры и родного языка; только через это могут развиваться народы. Президент в своей речи вспоминал о своей поездке в 1994 году по финно-угорским регионам России: «Я имел возможность видеть и убедиться, что стремление к сохранению родного языка и национальной культуры в настоящее время развито даже у самых малочисленных народов. Я в жизни не забуду, какие усилия они принимают для сохранения своей жизни, условий обитания, окружающей природы».

На пленарном заседании в основном выступали с характеристикой ситуации в своих странах и регионах представители соответствующей администрации. Только Арво Валтон особо подчеркнул, что он хотел бы представлять не государство Эстонию, а эстонский народ. «Надо прислушиваться,— сказал он,— не к представителям администрации, а к тем, кто представляет совесть народа — национальную интеллигенцию».

Из выступлений многих руководителей вырисовывалась довольно благостная картина современного состояния финно-угорских народов; говорилось о том, как много уже сделано и делается для возрождения народов.

Как известно, на I конгрессе был избран международный Консультативный комитет финно-угорских народов. Его работа между конгрессами была довольно активной. О некоторых сторонах, аспектах этой деятельности, в первую очередь по налаживанию контактов с международными организациями, в своем коротком выступлении рассказал председатель комитета Валерий Марков. Он говорил о «признании» российскими властями финно-угорского движения и о встречном стремлении к совместной работе: «Консультативный комитет никогда не противопоставлял себя органам власти. Мы стремимся не к конфронтации, а к сотрудничеству». Но выступление Маркова не было отчетом в принятом смысле слова; и не было его обсуждения, как следовало бы ожидать.

Из выступлений на пленарном заседании особенно произвела впечатление речь председателя «Инкерин лиитто» (Союза ингерманландских финнов) Леонида Гильди. Рассказав о трагической судьбе своего народа, он с болью отмечал, что отношение к нему властей России и Ленинградской области практически не меняется. О трудностях этнокультурного возрождения небольшого вепсского народа взволнованно говорила Зинаида Строгальщикова.

По замыслу Оргкомитета обсуждение проблем, дискуссии были предусмотрены не на пленарном заседании, а в секциях. Их было шесть: политическая, экономическая, культурная и культовая, информатики, здравоохранения и демографии, молодежная. И действительно, на их заседаниях многие выступавшие выдвигали насущные проблемы возрождения родных народов, развития всего финно-угорского сообщества, совершенствования жизни во всех сферах.

Примечательным было то, что в отличие от Сыктывкара отдельно была выделена молодежная проблематика. Обращение к ней связано с нацеленностью в будущее: если в финно-угорское движение не будет активно включаться молодежь, если национальные организации и движение финно-угорской солидарности и общности не увлекут за собой широкие круги молодого поколения, то будущее этих народов можно поставить под сомнение. К сожалению, пока участие молодежи в деятельности национальных и общих финно-угорских организаций и движений было не очень заметно, но в последнее время, кажется,

произошли определенные сдвиги. В этом немалая заслуга Молодежной Ассоциации финно-угорских народов (МАФУН), что отмечалось на конгрессе многими.

Конечно, участниками дискуссии зачастую высказывались различающиеся суждения по обсуждавшимся вопросам, но в целом обстановка была творческой, способствовавшей плодотворному обмену мнениями и достижению консенсуса (в работе конгресса действовал этот принцип). На заключительном пленарном заседании в спокойной обстановке были утверждены приемлемые для всех делегаций документы, в том числе итоговая Резолюция.

Следующий Всемирный конгресс финно-угорских народов решено провести в 2000 году в столице Финляндии — городе Хельсинки.

Ксенофонт Сануков, Василий Яналов

Йошкар-Ола

РЕЗОЛЮЦИЯ

II ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Рассматривая период, прошедший со времени I Всемирного конгресса финно-угорских народов, поставившего в качестве одной из основных целей возрождение финно-угорского мира, мы, участники II Всемирного конгресса финно-угорских народов, сознаем, что задачи, поставленные на I Конгрессе, сохраняют свою актуальность, и с полной ответственностью подтверждаем правильность избранного нашими народами пути, который:

— находится в русле прогрессивных демократических преобразований всего мирового сообщества;

— способствует саморазвитию финно-угорских народов, не ущемляя прав и интересов всех других народов;

— ведет к всестороннему сближению родственных финно-угорских народов;

— сохраняет традиции, рождает новые формы общения и ценности в финно-угорском сообществе, обогащая все сферы жизни.

Оценивая события, происшедшие в финно-угорском мире за последние годы, мы констатируем, что:

— I Всемирный конгресс финно-угорских народов явился событием исторического масштаба, давшим импульс к реальному возрождению финно-угорского мира;

— солидарность финно-угорских народов стала фактором, с которым считается мировая общественность;

— сделаны первые шаги в сближении наших народов, укрепляются связи и расширяется сотрудничество в сфере экономики, культуры, образования, науки и информатики;

— проблемы коренных народов привлекли международное внимание; были созданы условия для их сохранения;

— право на национальное самоопределение, принадлежность к национальному меньшинству, своеобразие культур и языков стали рассматриваться как права человека;

— исполнительный орган Всемирного конгресса — Консуль-

тативный комитет финно-угорских народов — активно работает в соответствии с документами I Всемирного конгресса финно-угорских народов, осуществляет координацию всех национальных организаций и структур при решении общих задач, представляя интересы наших народов в международных институтах и на форумах, включая ООН.

Мы считаем, что для дальнейшего действенного развития нашего финно-угорского сообщества необходимо:

— продолжить движение по избранному конструктивному пути диалога и совместных действий всех заинтересованных структур, как государственных, так и неправительственных;

— обеспечивать всем финно-угорским народам реальное осуществление права на национальное самоопределение в соответствии с общепризнанными международными нормами и принципами; развивать территориальное и культурное самоуправление наших народов;

— стремиться к расширению форм представительства и участия финно-угорских народов в деятельности международных институтов в области прав человека, коренных народов и национальных меньшинств;

— содействовать дальнейшей разработке законодательных основ и включения в национальные законодательства основных норм и принципов международного права в отношении коренных народов и национальных меньшинств;

— способствовать расширению договорных отношений между финно-угорскими странами, регионами в области социально-экономического и культурного развития, науки и образования, развивать формы народной дипломатии;

— сделать контакты между финно-угорскими народами регулярными и приступить к созданию взаимных культурных представительств финно-угорских народов;

— распространять в мире знания об истории и современной жизни финно-угорских народов;

— сделать предметом особого внимания и заботы процессы возрождения и развития культур и языков, национального самосознания (идентитета) финно-угорских народов — основных условий существования самих народов;

— расширять систему образования и средств массовой ин-

формации финно-угорских народов, формировать национальную интеллигенцию и изыскивать возможности финансирования национальных наук финно-угорских народов.

Будапешт, 19 августа 1996 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сануков Ксенофонт Никанорович — академик Гуманитарной академии, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета, занимается изучением этнополитических проблем финно-угорских народов.

Куклин Анатолий Николаевич — кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, изучает топонимы и ойконимы финно-угорских народов.

Зеленцова Ольга Викторовна — научный сотрудник сектора археологии и этнографии Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики, специализируется в области раннесредневековой истории мордвы.

Плосков Иван Александрович — научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Занимается изучением коми фольклора.

Белых Сергей Константинович — аспирант Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН, специализируется по этнологии уральских народов.

Егорова Ольга Константиновна — кандидат искусствоведения, и. о. профессора Казанской консерватории, изучает проблемы марийской музыкальной культуры.

Игнаева Роза Петровна — аспирантка Марийского государственного университета, специализируется в области марийского языкознания.

Барцева Людмила Ивановна — кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного университета, специалист в области семантики марийского языка.

Китиков Александр Ефимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, специалист в области марийского фольклора.

Молотова Тамара Лаврентьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, специалист в области марийской этнографии.

Зеленеев Юрий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, специализируется по средневековой истории народов Поволжья.

Яналов Василий Георгиевич — директор Национальной библиотеки им. С. Г. Чавайна (г. Йошкар-Ола).

CONTENTS

ARTICLES

X. Sanukov. «Finno-Ugric Federalists» and «Finnish Spies» (From the History of Mari El of 1930s) 3
A. Kuklin. Phytofluorine Oikonimi of Mari El and Komi Republic.... 38
O. Zelentsova. Sulgami of Srednetsninski Burial Grounds..... 58

REPORTS

I. Ploskov. Forest Personages of Yoma and Yaga in Komi Folk-Lore..... 74
S. Belykh. Once more on the ethnic name *ar*..... 86
O. Egorova. Space-and-Time Correlates of the Mari Melos..... 95
R. Ignayeva. About One of the Types of Syntactical Constructions with Postpositional Ordinal Numerals in Modern Mari Language..... 103
L. Bartseva. About Semantics of the Verb «Lektash» in the Mari Language..... 110

PUBLICATIONS

Diary Notes of Ula Vikhmann (7.10.1905—22.12.1906)..... 117

PERSONS

A. Kitikov. P. Ariste's Contribution into Folk-loristics of Finno-Ugric Nations..... 154
E. Smolina. Nikolai Fyodorovich Mokshin (To the 60 th Anniversary since his Birth and the 40 th Anniversary of his Scientific and Pedagogic Activities)..... 165

SERVEY AND REVIEW

T. Molotova. Review: Udmurts: History — Ethnographic Essays. Udmurt Institute of Language, Literature and History. Udmurt Society of Russian Academy of Sciences, 392 p..... 169
Y. Zeleneev, T. Molotova. Review. Mordva. History–cultural Essays. Saransk, 1995. 624 p..... 174

CHRONICS

X. Sanukov, V. Yanalov. The II nd World Congress of Finno-Ugric Nations..... 178
Resolution of the II nd World Congress of Finno-Ugric Nations..... 182
Information about authors..... 185

«Финно-угроведение», 1996, № 3
Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 55-37-34

Редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Т. А. Козловой*

Сдано в набор 11.10.96. Подписано в печать 26.11.96.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. 11,75
Заказ № 439. Тираж 500 экз.

Марийский полиграфическо-издательский комбинат.
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.

Издание журнала
финансируется
Министерством науки и
технической политики
Российской Федерации,
Правительством
Республики Марий Эл,
Комитетом по делам
национальностей
Правительства
Удмуртской республики

28 207